

Учредитель и издатель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Издание принимает рукописи по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:
5.3.1. Общая психология, психология личности история психологии;
5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред;
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
5.4.6. Социология культуры;
5.4.7. Социология управления;
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Адрес учредителя

614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Научный рецензируемый журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» отражает научные интересы специалистов в области актуальных проблем философии, социологии, психологии. Публикуются оригинальные статьи, основанные на теоретических и эмпирических исследованиях в данных областях.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Владимир Сергеевич Волегов
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия
fsf-sgn@yandex.ru

Зам. главного редактора

Олег Владиславович Лысенко
Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Михайлович Бельский (канд. социол. наук, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск);
Светлана Николаевна Лихачева (канд. социол. наук, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев);
Илона Генриховна Неделевская (канд. социол. наук, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно);
Алеся Андреевна Похомова (канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, г. Минск);
Мариэтта Хачатуровна Карамян (д-р психол. наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Елена Михайловна Березина (канд. филос. наук, доцент МВСШЭН, Москва);
Екатерина Сергеевна Игнатова (канд. психол. наук, доцент ПГНИУ, г. Пермь);
Лариса Александровна Косолапова (д-р пед. наук, профессор ПГНИУ, г. Пермь);
Светлана Николаевна Костина (канд. социол. наук, доцент, доцент УрФУ, г. Екатеринбург);
Лариса Викторовна Логинова (д-р социол. наук, профессор СГЮА, г. Саратов);
Марина Леонидовна Магидович (д-р социол. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург);
Любовь Анатольевна Метлякова, (канд. пед. наук, доцент ПГПТУ, г. Пермь);
Дарья Викторовна Моисеева (канд. социол. наук, с.н.с. НИУ ВШЭ, г. Москва);
Артем Андреевич Чернега (канд. социол. наук, Администрация Тотемского городского округа, г. Тотма, Вологодская область);
Ирина Юрьевна Черникова (д-р пед. наук, доцент ПНИПУ, г. Пермь).

**SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES:
THEORY AND PRACTICE**

ISSN 2949-5601
Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year
2025
Issue 2(13)

Founder and Publisher

Perm State University

Address of Editorial Board

15, Bukireva str., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068
Tel. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

The periodical is included
in the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation in the following scientific specialties, for which the articles are received:

5.3.1. General psychology, personality psychology history of psychology

5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital environments

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.6. Sociology of culture

5.4.7. Sociology of management

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education

5.8.7. Methodology and technology of professional education

The scientific peer-reviewed journal

“Social and Humanitarian Sciences:

Theory and Practice” reflects the scientific interests of specialists in the field of topical problems of philosophy, sociology, and psychology. Original articles based on theoretical and empirical research in these areas are published.

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Vladimir S. Volegov

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University, Perm, Russia

fsf-sgn@yandex.ru

Deputy Chief Editor

Oleg V. Lysenko

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University, Perm, Russia

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr M. Belski (PhD in Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

Svetlana N. Likhacheva (PhD in Sociology, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev)

Ilona G. Nedelevskaya (PhD in Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno)

Alesya A. Pohomova (PhD in Sociology, Belarusian State University, Minsk)

Marietta Karamyan (PhD of Psychology, Professor National University of Uzbekistan, Toshkent)

EDITORIAL BOARD

Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Alexander Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Ekaterina S. Ignatova (PhD in Psychology, Associate Professor, PSU, Perm),

Larisa A. Kosolapova (Doctor of Pedagogy, professor, PSU, Perm),

Svetlana N. Kostina (PhD in Sociology, Associate Professor, UrFU, Ekaterinburg),

Larisa V. Loginova (Doctor of Sociology, Professor, SSAL, Saratov),

Marina L. Magidovich (Doctor of Sociology, Professor RSPU, Saint Petersburg),

Lyubov A. Metlyakova (PhD in Pedagogy, Associate Professor, PSHPU, Perm),

Darya V. Moiseeva (PhD in Sociology, Senior Researcher, HSE University, Moscow),

Artyom A. Chernega (PhD in Sociology, Administration of Totma district, Totma),

Irina Yu. Chernikova (Doctor of Pedagogy, Associate Professor, PNRPU, Perm).

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Звучание Перми в восприятии жителей <i>Береснева Н.И., Стасенок М.О.</i>	5	The sound of Perm as perceived by residents <i>Beresneva N.I., Stasenok M.O.</i>
Кампус ПГНИУ глазами студентов <i>Ташкинова К.Л.</i>	14	PSU campus through the eyes of students <i>Tashkinova K.L.</i>
Места страха в современном городском пространстве: Пермь и Киров <i>Ветошкина Ю.В., Гаврилов Л.К.</i>	22	Places of fear in modern urban space: Perm and Kirov city <i>Vetoshkina Yu.V., Gavrilov L.K.</i>
Образы Перми в путевых очерках и восприятии горожан <i>Малых О.В., Манторова А.В.</i>	34	Images of Perm in travel sketches and perceptions of citizens <i>Malykh O.V., Mantorova A.V.</i>
Эмоции как составная часть городской идентичности <i>Лысенко О.В., Самсонова А.Д.</i>	45	Emotions as a component of territorial identity <i>Lisenko O.V., Samsonova A.D.</i>
Поэты в городе. Места и действия <i>Абашева М.П., Кайгородова Е.А.</i>	58	Poets in the city. Locations and actions <i>Abasheva M.P., Kaigorodova E.A.</i>
«Я не одна»: репрезентация эмоций женщины в условиях становления городской нуклеарной семьи на примере повести Н.В. Баранской «Неделя как неделя» <i>Яковлева В.В., Сапожникова О.Е.</i>	67	“I am not alone”: the representation of a woman's emotions in the context of the formation of an urban nuclear family on the example of N.V. Baranskaya's novella “A Week like a week” <i>Yakovleva V.V., Sapozhnikova O.E.</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Эмоциональный ландшафт безопасного города <i>Игнатова Е.С.</i>	77	The emotional landscape of a safe city <i>Ignatova E.S.</i>
--	----	---

ПЕДАГОГИКА / PEDAGOGY

Психолого-педагогическая поддержка
детей из замещающих семей
в условиях общеобразовательной
организации в партнерстве
со службами сопровождения семей
при центрах помощи детям,
оставшимся без попечения родителей

86

*Метлякова Л.А.,
Радостева А.С.*

Psychological and pedagogical support
for children from foster families in
general educational institutions in
partnership with family support
services at centers for children left
without parental care

*Metlyakova L.A.,
Radosteva A.S.*

Организационно-педагогические
условия психолого-педагогического
сопровождения семей
несовершеннолетних в учреждениях
закрытого типа правонарушителей
в направлении профилактики
повторных правонарушений

93

Метлякова Л.А.

Organizational and pedagogical conditions
of psychological and pedagogical support
for families of minors in closed-type
institutions of offenders in the direction of
preventing repeated offenses

Metlyakova L.A.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.733+316.728+316.776.4

EDN ALMZGX

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-5-13

Береснева Наталья Ириковна,

д-р филос. наук, доцент,

профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет

nataliaberesneva@gmail.com

AuthorID: 77030

ORCID: 0000-0003-4562-0070

SPIN-код: 8126-0730

Стасенок Мария Олеговна,

студент направления «Культурология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ЗВУЧАНИЕ ПЕРМИ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ

Статья посвящена изучению звукового ландшафта г. Перми. Авторами представлен постепенный переход от восприятия звука как характеристики безопасности и экологии, к целостному социальному явлению. Отмечается, что институционализация sound studies (исследований звука) как академической дисциплины подчеркивает потребность интеграции звука в городское планирование, что дает возможность пересмотреть привычные проблемы урбанистики и предложить свежие подходы к проектированию. Исследования звука становятся все более популярными, однако они носят, как правило, отрывочный характер, а системных эмпирических исследований пока недостаточно. Приводятся результаты впервые проведенного исследования звуков, записанных в жилых (спальных), центральных и парковых зонах города Перми по методу семантического диссеренциала Ч. Осгуда. Вопреки ожиданиям, не обнаружено четкого перехода от напряженности и активности центра через смешанную атмосферу жилых районов к спокойствию парков. Жилые (спальные) районы и центральные оживленные улицы по восприятию звучания существенно не отличаются. Исключение составляют, как и можно было предположить, природные зоны. Результаты предполагают вывод о, в целом, отрицательной окрашенности оценок звучаний жилых и центральных районов.

Ключевые слова: звуки в городской среде, звуки города Пермь, фоносемантика, семантический дифференциал.

Ссылка для цитирования: Береснева Н.И., Стасенок М.О. Звучание Перми в восприятии жителей // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 5–13. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-5-13>. EDN ALMZGX

Natalia I. Beresneva,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
nataliaberseva@gmail.com
AuthorID: 77030
ORCID: 0000-0003-4562-0070
SPIN-код: 8126-0730

Maria O. Stasenok,
Student of the Direction "Cultural Studies"
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068

THE SOUND OF PERM AS PERCEIVED BY RESIDENTS

The article is devoted to the study of the sound landscape of Perm city. The authors present a gradual transition from the perception of sound as a characteristic of safety and ecology to an integral social phenomenon. It is noted that the institutionalization of sound studies as an academic discipline emphasizes the need to integrate sound into urban planning, which makes it possible to reconsider the usual problems of urbanism and offer fresh approaches to design. Sound studies are becoming increasingly popular, but they are usually fragmentary, and systematic empirical studies are still insufficient. The article presents the results of the first study of sounds recorded in residential (sleeping), central and park areas of Perm using the method of semantic dissertation by C. Os-good. Contrary to expectations, no clear transition was found from the tension and activity of the center through the mixed atmosphere of residential areas to the tranquility of parks. Residential (sleeping) areas and busy central streets do not differ significantly in sound perception. The exception, as one might expect, is natural areas. The results suggest a conclusion about the generally negative coloring of the assessments of the sounds of residential and central areas.

Keywords: sounds in urban environment, the sounds of the city of Perm, phonosemantics, semantic differential.

For citation: Beresneva N.I., Stasenok M.O. [The sound of Perm as perceived by residents] *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 5–13 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-5-13>, EDN ALMZGX

Актуальность

Исследования города в исходной точке отправляются от противопоставления города сельским поселениям [2]. Дифференциальные признаки, через которые даются определения города, – это размер населенного пункта, численность и специфика занятости населения, особенности хозяйства и экономики. Другие характеристики городов стали изучаться позднее.

Характеристика, которая часто попадает в фокус исследования и становится все более популярной в настоящее время, – звук, который сначала «изучается в контексте безопасности и экологии» [5, с. 59], а затем – с конца 1970-х гг. – как социальное явление [5]. Институционализация sound studies происходит в 2015 г. с выходом междисциплинарного журнала «Sound Studies». С этого момента начинается развитие соответствующей

исследовательской области – звук во всей его сложности, в том числе и как социальное явление.

Одна из попыток осмысления звуков в городе связана с экстравагантной бикамеральной теорией канадского психолога и философа Дж. Джейнса [9; 7, с. 278], согласно которой человек на ранних стадиях развития может вести полноценную общественную деятельность механически, не пользуясь сознанием. Его анализ текста гомеровской «Илиады» свидетельствует, что один из персонажей «не сидит и не думает над принятием решений», даже не предаётся воспоминаниям [7, с. 278]. «В мире “Илиады” в момент, когда необходимо принять какое-то решение, человек слышит голос, говорящий ему, что делать. Эти голоса называют Богами и им подчиняются всегда и немедленно» [7]. Он приводит в качестве примеров также упоминания о подобного рода «голосах» в связи с именами Жанны д'Арк, Уильяма Блейка, Сократа и пр. Возможно, такие «слуховые галлюцинации» могли повлиять и на градостроительные решения, так как люди определяли места для храмов и культовых сооружений, основываясь на подобных “голосах”» [3, с. 97]. Это обстоятельство даёт возможность высказать осторожное предположение о том, что звуку придается смысл в среде первых городских поселений, возникает «база» для понимания значимости звукового начала в городских пространствах.

Объяснение бикамерального разума связано с работой двух полушарий головного мозга, которые до некоторой степени действовали автономно в дописьменную эру. Со временем наступил переход «от мифа к логосу» – от культуры, основанной на слуховых восприятиях, к визуальной культуре. Визуальная культура, подкреплённая развитием письменности, вытеснила слуховые практики (в том числе и в городских условиях) и изменила их организацию и сознание человека в целом.

Р.М. Шейфер одним из первых понял и описал проблему «аудиальной безграмотности», т. е. неумения людей (даже профессионалов) осмысленно воспринимать и анализировать звуковую среду, поскольку обитатели современных городов – носители визуальной культуры [6, с. 14]. Он выдвинул концепцию «саундскейпа» (звукового ландшафта), представляя его как систему множества звуковых элементов, аналогично визуальному ландшафту, и заложил основы для нового направления – акустической экологии. Значимость преодоления «звуковой какофонии», в которой пребывает современный горожанин, соотносится им с поддержанием как физического, так и психического здоровья.

Шейфер ратовал за гармонию между естественным и искусственным звуками в городах, противопоставляя негативные шумы городской среды (например, транспортный гул) позитивным звукам природы. «Эта ценностная рамка явилась одновременно отображением и подтверждением общекультурных сложностей с гармоничным размежеванием природного и искусственного в городах. Ведь и по сей день интуитивно мы склоняемся считать, что зелень – это хорошо, а транспортные выхлопы – плохо; пение птиц и журчание воды – благоприятны, а стук забивающего сваи копера и гомон переполненного покупателями ТЦ – вредны и утомительны» [там же].

В первые попытки понять роль звука в городской среде включались создание фонотек, звуковые прогулки и опыты с фиксацией звуков в разных местах города. Создавались архивы-фонотеки наподобие проекта звуковой карты Мехико, включающего более 380 записей звуков различной природы, в том числе шумы местных рынков и праздников.

Этот проект позиционируется еще и как инструмент сбережения национальной культурной идентичности и создания коллективного культурного капитала [5, с. 59].

В дополнение к формированию фонотек ведется деятельность по сбору архивных аудиозаписей, например, в ходе проекта «The Roaring Twenties», где собираются записи звуковых ландшафтов Нью-Йорка начала XX в. [10].

Существуют и научные исследования отдельных звуков в городской среде, хотя они пока не столь многочисленны, как могли бы быть, и носят не комплексный, а скорее отрывочный характер. Примером такого исследования является прецедент публичного призыва мусульман к молитве в католическом городе Хамтрак (США) [11], а также изучение автомобильных сигналов в Дели [12].

Архитекторы и градостроители должны учитывать акустические свойства городских пространств при планировании. Исследование Calleri et al. (2016) показывает, что восприятие городской среды напрямую соотносится с ее геометрией и звуковым фоном. Осознание того, как звуки воспринимаются в зависимости от пространственной конфигурации, принципиально для создания эффективного городского дизайна [8, с. 756].

Институционализация sound studies как академической дисциплины подчеркивает потребность интеграции звука в городское планирование, что дает возможность пересмотреть привычные проблемы урбанистики и предложить свежие подходы к проектированию.

Тем не менее, следует отметить, что научно подтвержденных данных об оценивании звучания городских зон жителями городов недостаточно.

Изучение звукового ландшафта г. Перми

Звуковые исследования в г. Перми пока не проводились. Правда, студенты магистратуры НИУ ВШЭ-Пермь в рамках гуманитарного проекта разрабатывали звуковую карту города с использованием цифровых технологий¹, показывая, что каждое место города имеет свой уникальный звуковой ландшафт. Тем самым была заложена основа для сбора коллекции звуков города, которая потенциально может пополняться, поскольку интерактивная платформа, на которой размещены фрагменты звучания, позволяет не только слушать, но и добавлять записи всем желающим.

На сегодня основным инструментом рефлексии над звуковой средой Перми являются скорее не научные изыскания, а арт-практики, такие как инсталляция «Зеленый шум»² или проект «Линии наблюдения»³, которые вовлекают зрителей в процесс осмысления звуковых маркеров и призваны способствовать формированию особого отношения к городу и его истории, а также стимулировать экологическую ответственность горожан.

Поэтому можно предположить, что нами впервые проведено пилотное исследование, устанавливающее взаимосвязь между звуковыми характеристиками записей, собранных с разных точек г. Перми, и их фонетическим смыслом.

¹ Студенты магистратуры НИУ ВШЭ-Пермь разрабатывают звуковую карту города. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/studenty-magistratury-niu-vshe-perm-razrabatyvajut-zvukovuju-kartu-goroda-13-10-2022> (дата обращения: 05.02.2024).

² Мартыненко А. Зеленый шум. 2024. URL: <https://annamartynenko.ru/project/2024-zelenyi-shum> (дата обращения: 05.02.2024).

³ В Перми стартовал проект «Линии наблюдения». URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-8411493.html> (дата обращения: 05.02.2024).

Методология

Для исследования восприятия горожанами звуковой среды нами была использована технология, использованная в рамках фоносемантики (теории восприятия звукоизобразительной системы языка) А.П. Журавлевым [4]. Исследуя звуки речи на основе разработок Ч. Осгуда, он обнаружил, что у каждого из них есть определенное подсознательное значение.

Следуя за Журавлевым, мы взяли 25 оценочных шкал и экспериментально определили числовое место на каждой шкале для фрагментов, записанных в девяти точках города. Поскольку мы имеем дело не с комплексом фоном, мы сочли возможным взять пробу для целого фрагмента (1 минута звучания) и определить символику звукового фрагмента в целом. Нам было легче, чем разработчику технологии, поскольку не приходилось в организации эксперимента искусственно создавать условия для исключения лексического значения, осознаваемого испытуемыми. В нашем случае таких четко закрепленных значений не было.

Согласно принципам городского зонирования, звуковые пробы были взяты в жилых (спальных) районах (3 записи: Закамск, Мильчакова, Парковый), на центральных улицах (3 записи: Вокзал Пермь II, ул. Попова, Центральный рынок) и в парковой зоне (3 записи: парковая зона на ост. «Парк культуры» в Закамске, Театральный сад, парковая зона «Тропа здоровья»). Для увеличения объективности и фокусировки исключительно на качестве звука все аудиофайлы в коллекции были получены в схожих условиях – в зимний период, днем, с использованием одних и тех же технических средств.

В исследовании приняли участие 43 респондента, которым предлагалось оценить выраженность каждого качества по 25 шкалам, с заданными характеристиками (от эстетических до чувственно-эмоциональных). Опрос проводился на платформе [OnlineTestPad](#).

Насколько известно авторам, подобных исследований до сих пор не проводилось.

Обсуждение результатов.

Также как носитель языка не осознает фонетического значения слова за четко осознаваемым значением лексическим, рядовой горожанин не отдает себе отчета о фоновом значении окружающих его звуков. И у нас получилось выявить значимые характеристики для звучания каждого из городских районов.

Значимые шкалы для жилых районов представлены в табл. 1.

Таблица 1. Жилые районы

Значимые характеристики (80% и более ответов)	Звук 1 <i>Жилой район. Закамск</i>	Звук 2 <i>Жилой район. Мильчакова</i>	Звук 3 <i>Жилой район. Парковый</i>
	Грубый (100%)	Веселый (80%)	Грубый (100%)
	Тусклый (100%)		Холодный (100%)
	Шероховатый (100%)		Шероховатый (10)
	Сложный (80%)		Тусклый (85%)
	Холодный (80%)		Сложный (80%)
			Печальный (80%)
			Медленный (80%)
			Угловатый (80%)

Звук 1: Жилой район. Закамск. Звук записан зимой, в дневное время. Преобладают звуки проезжающих машин. Записано с балкона, выходящего во двор. Значимые характеристики ($\geq 80\%$ ответов): «грубый», «холодный», «шероховатый», «тусклый», «сложный».

Звук 2: Жилой район. Мильчакова. Звук записан зимой, в дневное время. Слышны звуки детских голосов и смеха, доносящиеся с детской площадки, а также отдаленный шум машин. Записано с балкона, выходящего во двор. Значимые характеристики ($\geq 80\%$ ответов): «веселый».

Звук 3: Жилой район. Парковый. Звук записан зимой, в дневное время. Слышен проезжающий транспорт, фоновый гул и звуки шагов. Записано с балкона, выходящего во двор. Значимые характеристики ($\geq 80\%$ ответов): «грубый», «холодный», «шероховатый», «печальный», «тусклый», «сложный», «медленный», «угловатый».

Мы видим, что звук 1 и звук 3 оцениваются очень похоже, совпадают такие характеристики, как «грубый», «холодный», «шероховатый», «тусклый», «сложный». Четыре из пяти совпавших характеристики являются скорее эмоционально-отрицательными, две («сложный» и «медленный») – скорее нейтральными. Характеристика «сложный» скорее всего фиксирует акустическую активность и динамичность записей, несмотря на то что они велись в предполагаемой спокойной зоне города.

Одна из жилых зон (звук 2) заметно отличается от двух других. Запись, сделанная в районе ул. Мильчакова, была оценена большинством испытуемых как «веселая» (эта характеристика оказалась значимой только для одной записи, и она единственная значимая для данного звука – больше она в наших пробах не отмечена). Скорее всего, это связано с детскими голосами, которые отчетливо слышны на записи. Хотя во всех жилых зонах запись велась с балкона, выходящего во двор, детские голоса, только здесь попавшие в фон, могли сильно повлиять на восприятие. Чтобы сделать более точные выводы, в будущем необходимо расширить выборку и исследовать больше зон.

Значимые шкалы для центральных районов представлены в табл. 2.

Таблица 2. Центральные районы

Значимые характеристики (80% и более ответов)	Звук 4 Центральный район. Вокзал Пермь-2	Звук 5 Центральный район. Улица Попова	Звук 6 Центральный район. Центральный рынок
	Сложный (85%)	Грубый (85%)	Холодный (85%)
	Грубый (82%)	Тяжелый (80%)	Грубый (80%)
	Тяжелый (81%)	Сложный (80%)	Сложный (80%)
	Большой (80%)		
	Громкий (80%)		
	Холодный (80%)		
	Шероховатый (80%)		

Звук 4: Центральный район. Вокзал Пермь-2. Звук записан зимой, в дневное время. Преобладают громкие звуки проезжающих машин, звук самолета, скрежет поездов и звуковые сигналы железной дороги, звук катящихся по дороге колесиков чемодана, разговоры людей. Значимые характеристики ($\geq 80\%$ ответов): «сложный», «грубый», «тяжелый», «большой», «громкий», «холодный», «шероховатый».

Звук 5: Центральный район. Улица Попова. Звук записан зимой, в дневное время. Преобладают громкие звуки проезжающих машин, слышны разговоры людей. Значимые характеристики ($\geq 80\%$ ответов): «грубый», «тяжелый», «сложный».

Звук 6: Центральный район. Центральный рынок. Звук записан зимой, в дневное время. В доминирующем фоне слышны гул транспорта и редкие голосовые фрагменты. Значимые характеристики ($\geq 80\%$ ответов): «грубый», «холодный», «сложный».

Во всех оценках встречаются характеристики «грубый» и «сложный», в двух из трех – «холодный» и «тяжелый». В спальнях зонах мы предположили, что на характеристику «веселый» оказали влияние детские голоса. В записях с центральных улиц, несмотря на наличие человеческих голосов, испытуемые в основном выбирали негативные характеристики. Вероятно, положительно оцениваются только голоса детей.

В целом акустическая среда спальных и центральных районов оказалась схожей, что может свидетельствовать об отсутствии четкого разделения «сфер жизни» в рамках города.

Ранее исследователи высказывали предположение о том, что звуки от разных по степени активности городских участков могут взаимно влиять друг на друга [1]. Наши замеры подтверждают эти предположения.

Значимые шкалы для парковых зон представлены в табл. 3.

Таблица 3. Парковые зоны

Значимые характеристики (70% и более ответов)	Звук 7 Парковая зона. Парк культуры, Закамск	Звук 8 Парковая зона. Театральный сад, Центральный парк	Звук 9 Парковая зона. Тропа здоровья, микрорайон Пролетарский
	Длинный (70%)	Легкий (70%)	Медленный (80%)
	Легкий (70%)	Медленный (70%)	Холодный (80%)
	Медленный (70%)	Хороший (70%)	Легкий (70%)
	Светлый (70%)		Светлый (70 %)
	Холодный (70%)		

Звук 7. Парк. Парк культуры, Закамск. Звук записан зимой, в дневное время. В фоновых звуках преобладают шелест ветра, щебетание птиц. Значимые характеристики ($\geq 70\%$ ответов): «холодный», «легкий», «медленный», «светлый», «длинный».

Звук 8: Парк. Театральный сад, Центральный парк. Звук записан зимой, днем (ближе к вечеру). В фоновых звуках преобладают шелест листвы, шаги прохожих, пение птиц. Значимые характеристики ($\geq 70\%$ ответов): «легкий», «медленный».

Звук 9: Парк. Тропа здоровья, м-н Пролетарский. Звук записан зимой, в дневное время. В фоновых звуках преобладают шум ветра и пение птиц. Значимые характеристики ($\geq 70\%$ ответов): «холодный», «легкий», «медленный», «светлый».

Акустические характеристики природных зон были более разнообразными, менее согласованными. В оценках двух звуков из трех не был перейден порог в 80% по оценке всех шкал. Поэтому в качестве порогового значения для выборки нам пришлось взять 70%.

Повторяющиеся в оценках всех предложенных звуков характеристики – «легкий» и «медленный». В двух из трех зонах были значимыми характеристики «светлый» и «холодный». Значимость характеристики «холодный» (которая встречается во всех зонах) может быть объяснена тем, что запись проводилась в зимний период.

Парковые зоны очевидно противопоставлены энергичной динамике центральных и жилых районов. Оценочный ореол этих зон заметно отличается в положительную сторону.

Выводы

Методика А.П. Журавлева, разработанная для оценки способности нести значение звуковыми сочетаниями арктикулированной речи, может быть применена и при исследовании городских шумов.

Результат анализа полученных в пилотном эксперименте результатов можно предварительно трактовать как свидетельство в целом однородного звукового ландшафта г. Перми, несущего условно негативный семантический ореол. Вопреки ожиданиям, не обнаружено четкого перехода от напряженности и активности центра через смешанную атмосферу

жилых районов к спокойствию парков. Жилые (спальные) районы и центральные оживленные улицы по восприятию звучания существенно не отличаются. Исключение составляют, как и можно было предположить, природные зоны.

Несомненно, звуковой ландшафт влияет на эмоциональное состояние жителей. Глубокий и всесторонний анализ звуковой среды позволит эффективно управлять городскими шумами и создавать более благоприятное акустическое окружение. Это улучшит качество жизни горожан и создаст среду, где природные и антропогенные звуковые элементы гармонично дополняют друг друга. Исследования по технологии, разработанной в рамках фоносемантики, могут способствовать этим процессам, но для этого нуждаются в расширении (по количеству изучаемых зон и задействованных в процедуре оценки испытуемых).

Библиографический список

1. Александрова А.И. Звуковая экология города: теоретические аспекты и практическое применение // Экология и городской ландшафт. 2020. № 2. С. 34–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-ekologiya-goroda-teoreticheskie-aspekty-i-prakticheskoe-primenenie> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Вебер М. История хозяйства. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2001. URL: <https://djvu.online/file/rdUkniNHs6sFy> (дата обращения: 04.11.2024).
3. Высоковский А.А. Theory: в 3-х т. М.: Grey Matter, 2015. Т. 1. 432 с. URL: <http://opac.hse.ru/absopac/app/webroot/index.php?url=/notices/index/IdNotice:300461/Source:default>
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 159 с.
5. Косолапов Н.А. Обзор актуальных исследований звука в городе // Urban Studies and Practices. 2014. Vol. 2, № 4. С. 59–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-aktualnyh-issledovaniy-zvuka-v-gorode> (дата обращения: 04.11.2024). DOI: 10.17323/usp24201759-68 EDN: IEGJZD
6. Майорова КС. Urban Sound Studies: новые горизонты городских исследований // Urban Studies and Practices. 2017. Vol. 2, № 4. С. 11–19. URL: <https://cyberleninka.ru/ar->

ticle/n/urban-sound-studies-novye-gorizonty-gorodskih-issledovaniy (дата обращения: 04.11.2024). DOI: 10.17323/usp24201711-19 EDN: LCFGUB

7. Шершнева Е.Л., Подзолкова Н.А. Бикамеральный разум и платоновская трансформация сознания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 277–279. URL: https://archive.org/details/The_Origin_Of_Consciousness_In_The_Breakdown_Of_The_Bicameral_Mind_Julian_Jaynes_1976.pdf (дата обращения: 04.11.2024). EDN: OXHIXJ

8. Calleri C., Astolfi A., De Rosa A., Cirillo E., Petrone G. Urban Soundscape and Architectural Morphology: The Role of Spatial Configuration on the Acoustical Perception of Public Spaces // Acta Acustica United with Acustica. 2016. Vol. 102(4). P. 756–766. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.3813/AAA.918981/html> (дата обращения: 04.11.2024).

9. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976. // Цит. по: Шершнева Е.Л., Подзолкова Н.А. Бикамеральный разум и платоновская трансформация сознания // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 277–279. URL: https://archive.org/details/The_Origin_Of_Consciousness_In_The_Breakdown_Of_The_Bicameral_Mind_Julian_Jaynes_1976.pdf (дата обращения: 04.11.2024). EDN: OXHIXJ

10. Morat D. The Roaring Twenties online: The Roaring Twenties. An interactive exploration of the historical soundscape of New York City / E. Thompson, designed by Scott Mahoy // Sound Studies. 2016. Vol. 2(1). P. 98–100. DOI: 10.1080/20551940.2016.1178468

11. Perkins A. Muslim sound, public space, and citizenship agendas in an American City // Citizenship Studies. 2015. Vol. 19(2). P. 169–183. DOI: 10.1080/13621025.2015.1005948

12. Patsarika M., Schneider T., Edwards M. ‘If I was King of India I would Get All the Horns Out of Cars’: A Qualitative Study of Sound in Delhi // International Journal of Urban and Regional Research. 2018. Vol. 42(1). P. 74–89. DOI: 10.1111/1468-2427.12470

УДК 316.74:7

EDN EFTΠO

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-14-21

Ташкинова Карина Львовна,
ассистент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: karina.tashkinova@bk.ru

КАМПУС ПГНИУ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена изучению восприятия университетского городка ПГНИУ студентами с точки зрения их эмоционального восприятия. Анализируются некоторые аспекты университетского городка: архитектура зданий, благоустройство территории, а также эмоции студентов, которые они испытывают к определенным местам в вузе. Посредством качественного опроса, включающего в себя созданные студентами эмоциональные и ментальные карты, исследуются поведенческие «тактики» студентов, с учетом уже установленных администрации университета «стратегий». В концепции М. де Серто «тактики» потребления пространства – это способ сопротивления, проявления своеволия, присвоения заданным правилам городского пространства. Цель – через организацию университетского городка проанализировать призму концепции М. де Серто, где университетский городок рассматривается как отдельное административное пространство внутри г. Перми в сочетании стратегии и тактик. Администрация университета производит «стратегии», фиксирует границы пространства, устанавливает четкие правила, иерархически его организует, конструирует и поддерживает идентичность, не допускает спонтанных и несанкционированных действий. Студенты производят «тактики», характеризуются мобильностью, отсутствием фиксированного места, гибкой самоорганизацией, лабильной идентичностью, импровизацией и творческой адаптацией. В результате исследования было выявлено, что эмоциональное восприятие университета не совпадает с теми смыслами и эмоциями, которые закладывает администрация (изначально) в пространство университетского городка. Студенты трансформируют функциональные зоны кампуса в гибридные пространства, подменяя аудиторные обсуждения неформальными встречами в холлах, в местах, отведенных для курения, а учебные процессы – совместной работой дома и в целом чаще за пределами кампуса. В противовес официальным университетским ритуалам студенты формируют собственные традиции, основанные на собственной самоорганизации и горизонтальном взаимодействии. Эти практики создают альтернативную среду, где запланированная администрацией институциональная логика уступает место живой импровизации и переосмыслению пространства.

Ключевые слова: Университетский городок, эмоциональное восприятие, студенты, качественный опрос, социальное пространство, административное регулирование, конфликт восприятия.

Ссылка для цитирования: Ташкинова К.Д. Кампус ПГНИУ глазами студентов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 14–21. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-14-21>. EDN EFTΠO

Karina L. Tashkinova,

Assistant at the Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068

Email: karina.tashkinova@bk.ru

PSU CAMPUS THROUGH THE EYES OF STUDENTS

This chapter explores students' emotional perception of the Perm State National Research University (PSU) campus. It analyzes various aspects of the university environment, including architectural design, campus infrastructure, and the emotions students associate with specific locations. Through qualitative research methods—such as emotional and mental mapping exercises conducted by students, the study examines their behavioral «tactics» in response to the university administration's established «strategies».

The theoretical framework draws on Michel de Certeau's *Strategies and Tactics in Urban Social Space*, where «tactics» represent ways of resisting, asserting agency, and appropriating space within the constraints of institutional rules. The university campus is analyzed through this lens as a distinct administrative space within the city of Perm, characterized by the interplay between institutional «strategies» and student «tactics». The university administration enacts «strategies» by defining spatial boundaries, enforcing strict regulations, hierarchically organizing space, constructing and maintaining institutional identity, and suppressing spontaneous or unauthorized actions. In contrast, students employ «tactics», which are marked by mobility, lack of fixed positioning, flexible self-organization, fluid identity, improvisation, and creative adaptation. The findings reveal a discrepancy between students' emotional perception of the campus and the meanings and emotions originally intended by the administration in its spatial design. This misalignment highlights the dynamic and often contested nature of university space, where formal institutional control coexists with informal student practices. Students transform the functional zones of the campus into hybrid spaces, replacing classroom discussions with informal gatherings in hallways and designated smoking areas, while shifting academic work to collaborative sessions at home and increasingly beyond campus boundaries. In contrast to official university rituals, students develop their own traditions based on self-organization and peer-to-peer interaction. These practices create an alternative environment where the administration's planned institutional logic gives way to organic improvisation and spatial reinterpretation.

Keywords: University campus, emotional perception, students, qualitative survey, social space, administrative regulation, perception conflict.

For citation: Tashkinova K. L. [PSU campus through the eyes of students]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 14–21 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-14-21>, EDN EFTIIO

Современные исследования университетских кампусов все чаще обращаются к изучению не только их физических характеристик, но и эмоционального восприятия студентами. Данная работа посвящена анализу повседневных практик освоения пространства кампуса Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ) через призму концепции Мишеля де Серто о «стратегиях» и «тактиках». Как отмечает де Серто: «Если стратегия представляет собой расчет сильных (институций), обладающих собственным пространством, то тактика – это искусство слабых (пользователей), вынужденных действовать на территории, организованной другими» [8, с. 42]. Это противопоставление особенно ярко проявляется в университетской среде, где административные

стратегии проектирования кампуса сталкиваются со студенческими тактиками переосмысления пространства. Основное внимание уделяется тому, как студенты эмоционально переживают университетскую среду и каким образом взаимодействуют с пространством.

В качестве методологической основы исследования был выбран метод фокус-групп, который дополнен методом ментальных карт. Как отмечают исследователи, «фокус-группа позволяет исследовать мнения респондентов разных социальных групп и слоев населения о различных сторонах общественной жизни, получить от респондентов наиболее полные и развернутые ответы, учитывая специфику изучаемой социальной сферы и самих респондентов, что имеет практическое значение при изучении общественного мнения» [5].

«Составление ментальных карт подразумевает классификацию ключевых слов на основные и производные понятия. Структуры ментальных карт создаются по мере поступления информации. Данная структура является динамически развивающейся во времени. Таким образом, составление ментальной карты стимулирует способность человека осуществлять мыслительный процесс по интерпретации сообщения, т. е. выстраивать информационную модель образа сообщения - пониманием» [10].

В исследовании этот метод был использован для визуализации субъективного восприятия студентами пространства кампуса. Как отмечают Е.Г. Дорошенко и соавторы, «ментальный учебник представляет собой систему знаково-символических моделей, отражающих структуру знаний» [4]. Аналогично, ментальные карты в нашем случае стали инструментом фиксации когнитивных моделей пространства, создаваемых участниками исследования.

Сочетание этих методов позволяет не только фиксировать вербальные оценки, но и визуализировать пространственное восприятие университетской среды участниками исследования.

В рамках исследования удалось собрать 6 фокус-групп, в которых приняли участие 42 студента 2–3 курсов различных направлений подготовки ПГНИУ. В ходе беседы участникам задавались следующие ключевые вопросы.

Первый вопрос. Насколько удобно и комфортно учиться Вам в учебном городке (в кампусе)? Оцените уровень комфорта и удобства учебного кампуса по шкале от 1 до 10, где 1 – очень неудобно, а 10 – очень удобно, объясните почему.

20 респондентов дали положительную оценку условиям обучения в диапазоне 7–10 баллов, в то время как 14 участников выразили неудовлетворенность, поставив оценки ниже среднего уровня. Среди преимуществ, которое вызывало большее количество положительных эмоций, студенты выделяли компактное расположение всех учебных корпусов на единой территории и наличие точек популярной кофейни «Monkey Grinder». Как отметил один из респондентов: «Очень круто, что все корпуса находятся на одной территории, не нужно тратить много времени на перемещения, как в других вузах». Однако 15 человек указали на недостатки инфраструктуры: 5 респондентов отметили неудобную транспортную доступность, 6 человек – трудности с перемещением между корпусами во время пятнадцатиминутных перерывов: «Бежать из 2-го корпуса в 6-й даже по переходам занимает много времени...». Средняя оценка удовлетворенности несмотря на замечания составила 7.5 баллов из 10.

Второй вопрос касался оценки удобства транспортной доступности университетского кампуса (Скажите, насколько удобно добираться до учебного кампуса от вашего места жительства? (с какими проблемами сталкиваетесь в процессе перемещения, или таковых нет).

Оцените уровень комфорта и удобства дороги до учебного кампуса по шкале от 1 до 10, где 1 – очень неудобно, а 10 – очень удобно, объясните почему).

Анализ ответов респондентов на второй вопрос показал неоднородные результаты восприятия транспортной доступности кампуса. 20 респондентов оценили удобство перемещения от места жительства в диапазоне 7–9 баллов, выражая умеренную удовлетворенность. «Живу в общежитии рядом с кампусом, дорога занимает не больше 10 минут ...», – поделился один из респондентов. Еще 5 человек поставили максимальные 10 баллов, отметив отличную транспортную развязку и удобные маршруты общественного транспорта.

Однако 11 участников исследования столкнулись со значительными трудностями, оценив доступность на 3–5 баллов. 6 студентов выразили негативные эмоции из-за переполненности автобусов в час пик: «Утром приходится ждать автобус, который сильно переполнен...». 3-е респондентов отметили неудобное расписание транспорта из отдаленных районов, а 2-е – высокую стоимость проезда. «Чтобы успеть к первой паре, нужно выходить в 6:30 – это выматывает».

Средний балл удобства транспортной доступности составил 6.8 из 10. Положительные эмоции были связаны с близостью проживания и наличием прямых маршрутов, тогда как негативные – с перегруженностью транспорта, неудобным расписанием и дополнительными финансовыми затратами. Особенно остро проблемы ощущали студенты, проживающие в отдаленных районах города.

Третий вопрос был связан с местами в университете, в которых есть возможность для самостоятельной работы, включая осведомленность о таких местах, их доступность, уровень комфорта и удобства (Знаете ли вы о местах самостоятельной учебной работы (например, места коворкинга) в университете, можете ли их назвать? Достаточно ли их? Как они обустроены, удобны или нет? Оцените уровень комфорта и удобства этих мест по шкале от 1 до 10, где 1 – очень неудобно, а 10 – очень удобно, объясните почему.).

Среди 42 опрошенных студентов мнения о местах для самостоятельной работы распределились следующим образом. 20 респондентов отметили, что знают о существовании таких зон в кампусе, однако знание очень ограниченное. При этом 12 человек смогли назвать конкретные локации – библиотеку 2 корпуса, 1 этаж 1 корпуса, кафе «Monkey Grinder», а «студ. квартиру» и библиотеку «Сбера» отметили как недоступные и закрытые места: «Студ. квартира всегда занята другими мероприятиями», – поделился студент 3 курса. 15 человек указали на недостаточное количество таких мест. 8 респондентов отметили, что в часы пик сложно найти свободное место, т. к. в «коридорных» зонах для коворкинга очень большая проходимость, а 7 студентов пожаловались на невозможность работать совместно с другими студентами в библиотеках: «В библиотеке нужно вести себя тихо, невозможно обсудить что-то вместе с друзьями», – пояснила студентка 3 курса филологического факультета, поставив оценку в 3 балла. Также было озвучено мнение, что библиотеки закрываются слишком рано. 6 участников опроса вообще не знали о существовании специальных зон для самостоятельной работы.

Также есть мнение, что мест для самостоятельной работы достаточно, отметив библиотеки как место для комфортной работы в тихой обстановке, такого мнения придерживалось 2 студента.

Средняя оценка комфортности мест для самостоятельной работы составила 5.2 балла из 10. Положительные отзывы касались наличия библиотек и относительно тихой атмосферы, тогда как основные претензии были связаны с нехваткой подобных мест, недостаточной

звукоизоляцией и ограниченным рабочим пространством. «Было бы классно иметь коворкинги, их явно недостаточно для всех желающих...», – резюмировал один из респондентов.

Четвертый вопрос был направлен на оценку студентами доступности, качества и ассортимента точек питания в университетском кампусе, включая их санитарное состояние и ассортимент меню (Как вы считаете достаточно ли количества точек питания на территории кампуса (столовых, кафе и т. д.), как вы к ним относитесь, оцените уровень комфорта и качества этих точек, удобство нахождения, санитария и меню. Оцените от 1 до 10, где 1 – совсем не доволен, а 10 – полностью доволен).

Результаты опроса показали также неоднозначное отношение к инфраструктуре общественного питания в кампусе. 20 респондентов оценили доступность и качество столовых и кафе на 6–8 баллов, отмечая невысокую стоимость и приемлемый ассортимент. «Во втором корпусе стоит много кафешек и Monkey Grinder», – поделился студент (оценка 7/10), баллы респондент снял за небольшой выбор полноценных обедов.

Однако 14 человек выразили недовольство, поставив оценки от 2 до 5 баллов. Основные негативные эмоции (раздражение, разочарование) были связаны с:

- очередями в обеденное время (отметили 9 студентов);
- ограниченным меню и однообразием блюд (7 респондентов);
- санитарными условиями – некоторые жаловались на грязные столы, тараканов и недостаток мест (5 человек).

«Кофейни есть, но цены высокие, а в столовой вечные очереди, что в 6 корпусе, что в 8...», – пояснил респондент (оценка 4/10).

Средний балл удовлетворенности составил 5.5 из 10. Положительные эмоции (удовлетворение) возникали у студентов, которые чаще учатся в 8 корпусе. Однако присутствуют эмоции раздражения и недовольства у тех, у кого в корпусе нет столовой или она одна.

Пятый вопрос был связан с оценкой удобства перемещения между корпусами университета, включая состояние переходов, дорожного покрытия и возможные препятствия (В университете между корпусами существуют закрытые и открытые проходы, как вы считаете, удобны ли они для перемещения между корпусами (может стоит добавить или заменить бордюры, качество дорог, уход за дорогами)? Сталкиваетесь с какими-либо препятствиями, проблемами при перемещении по кампусу? Оцените от 1 до 10, где 1 – совсем не доволен, неудобно, а 10 – полностью доволен, удобно перемещаться.).

Среди опрошенных студентов мнения о системе перемещения на территории кампуса были практически едиными. 30 респондентов оценили удобство перемещения на территории университета (3–5 баллов зимой и 7–10 баллов летом), отметив скользкие дороги зимой, сложности перемещения при входе в университет (в дождливое время года и зимой). «Невозможно дойти до университета, трудно идти на территории если постоянно не балансировать...», – поделился студент геологического факультета, поставив оценку 3 балла. Положительными эмоциями были отмечены территории у фонтана «Одуванчик» в теплые сезоны (ровные дороги и красивое озеленение).

15 человек выразили недовольство, оценив перемещение между корпусами на 3–5 баллов. Основные проблемы, вызывавшие раздражение и недовольство, касались «пробок» в закрытых переходах: 8 студентов жаловались на закрытые двери между переходами, затрудняющие передвижение с рюкзаками; 5 человек указали, что не используют закрытые переходы во принципе, т. к. проще перейти в нужный корпус по уличному пространству.

Средний балл удобства перемещения составил 3.2 из 10 зимой и 8.8 летом. Положительные эмоции (удовлетворение, комфорт) возникали у студентов, у которых учебные корпуса находятся близко ко входам и выходам из кампуса, тогда как негативные (раздражение, опасение) были связаны с неудобными или потенциально опасными участками.

Последний вопрос звучал следующим образом: «Как вы считаете, можно улучшить среду университета, чтобы она вызывала больше положительных эмоций? И как это можно сделать?»

Вопрос выявил комплексное видение преобразований, способных сделать кампус более комфортным и эмоционально привлекательным для студентов. Многие респонденты подчеркивали необходимость создания уютных зон отдыха внутри корпусов, где можно восстановить силы между занятиями, также были выдвинуты мнения, что необходимы отведенные места для курения на территории университета (8 человек). «Нам не хватает мест, где можно спокойно пообщаться или подготовиться к семинарам в приятной атмосфере», – отметила студентка с юридического факультета.

Эстетическая составляющая пространства оказалась важна для значительной части опрошенных. Особое внимание уделялось модернизации инфраструктуры – ремонту старых корпусов и аудиторий с улучшением освещения и вентиляции, расширению функциональных зон для самостоятельной работы и оптимизации переходов между зданиями.

Ключевым аспектом улучшений студенты видят возможность личного участия в преобразованиях. «Когда чувствуешь, что твое мнение учитывают, сразу меняется отношение к университету», – поделился студент 3 курса направления КЛТ. Многие отмечали важность развития системы обратной связи и вовлечения обучающихся в процесс изменений через регулярные обсуждения.

Эти предложения показывают, что современные студенты ценят в университетской среде не только функциональность, но и эмоциональную составляющую, которая способствует формированию чувства принадлежности и комфорта.

В дополнение к опросу участникам было предложено создать ментальные карты кампуса, следуя принципу, что «составление ментальной карты начинается с центрального образа или ключевого слова, от которого расходятся ветви с ассоциациями, образуя связанную структуру» [6, с. 34]. Участники отмечали на плане территории ключевые локации (центральный образ), от которых выстраивали ассоциативные связи с определенными эмоциями и практиками. Этот визуальный метод позволил выявить неочевидные закономерности в восприятии пространства, которые не всегда четко формулируются в ходе обычного интервью. Полученные данные подверглись тематическому анализу с акцентом на выявление:

- ключевых «точек напряжения» между официальными «стратегиями» и студенческими «тактиками»;
- наиболее эмоционально заряженных зон кампуса;
- творческих способов адаптации пространства под повседневные нужды студентов.

Концепция социального пространства, разработанная Пьером Бурдьё, позволяет анализировать высшее учебное заведение как систему социальных полей, где взаимодействие акторов определяется их позициями, ресурсами и символическим капиталом: «Социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; но может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [2, с. 10, 3, с. 146].

В этом контексте качественный опрос и ментальные карты студентов отражают не только физическую организацию университетской среды, но и ее невидимые границы, регулируемые административными нормами и социальными практиками.

Физическое пространство вуза накладывается на социальную иерархию, создавая зоны с разным уровнем доступности. Например, кабинет ректора или преподавательские помещения символически маркированы как закрытые территории, куда студенты не могут свободно входить. Аудитории, хотя и предназначены для обучающихся, также подвержены регуляции: доступ в них ограничен расписанием и правилами. В то же время коридоры становятся зоной пересечения, где формальные ограничения ослабевают, но коммуникация остается спонтанной и неструктурированной.

Особый интерес представляют неформальные пространства – туалеты, места, отведенные для курения, подвалы и другие «складки местности». Эти территории существуют нелегально с точки зрения административного контроля, который стремится их устранить или ограничить. Однако именно они выполняют важную роль в социализации студентов, предоставляя возможность для неформального общения и формирования коллективных идентичностей. Как отмечает И.А. Баева, «свобода трансформации пространства в рамках установленных границ – ключевой фактор психологического благополучия учащихся» [1 с. 189]. Это парадоксальным образом проявляется в том, что «серые» зоны кампуса часто становятся наиболее значимыми для эмоционального комфорта студентов. «Образовательная среда вуза более благоприятна, безопасна и комфортна для педагогов, и менее благоприятна, безопасна и комфортна для студентов» [9]. Данный контраст особенно заметен в восприятии неформальных пространств: если преподаватели часто рассматривают их как проблемные зоны, требующие контроля, то для студентов эти территории становятся важными островками психологической безопасности в менее комфортной для них образовательной среде.

Попытки университетов создать коворкинги, зоны отдыха или кафе отражают стремление смягчить жесткие границы между официальными и неофициальными пространствами: «Диагностика безопасности среды должна включать: эмоциональный комфорт, когнитивную ясность требований, предсказуемость поведенческих норм и возможность личностного самовыражения» [2]. Однако, как показывает практика, такие инициативы часто сталкиваются с проблемой нехватки мест или их несоответствия потребностям студентов. Например, столовые и кафе теоретически могут служить «третьими местами» (в терминологии Олденберга: «Третьи места – это не что иное, как неформальные общественные пространства для встреч...» [7, с 16]), но их недостаточная вместимость или неудобное расположение препятствуют свободной коммуникации.

Таким образом, социальное пространство университета представляет собой конфликтное поле, где сталкиваются административные нормы и повседневные практики студентов. Коммуникация между учащимися выступает ключевым элементом социализации, а доступность и организация среды напрямую влияют на качество образовательного процесса. Устранение барьеров между формальными и неформальными зонами могло бы способствовать более эффективному взаимодействию, однако это требует пересмотра не только физической инфраструктуры, но и самих принципов управления вузовским пространством.

Представленное исследование вносит вклад в понимание того, как эмоциональное восприятие трансформирует официально спроектированную среду университета, а также демонстрирует продуктивность применения концепции де Серто к анализу образовательных пространств.

Библиографический список

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с.
2. Безопасная образовательная среда: психолого-педагогические основы формирования, сопровождения и оценки: монография / под научной редакцией И.А. Баевой, С.В. Тарасовой. Санкт-Петербург, 2014. 272 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с. ISBN: 5-89329-761-X EDN: QOENQL
4. Дорошенко Е.Г., Пак Н.И., Рукосуева Н.В., Хегай Л.Б. О технологии разработки ментальных учебников // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 12(140). С. 145–151. EDN: RSXPTR
5. Кун Чан. Методы социологических исследований: актуальные вопросы применения на практике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-sociologicheskikh-issledovaniy-aktualnye-voprosy-primeneniya-na-praktike> (дата обращения: 09.05.2025).
6. Мюллер Х. Составление ментальных карт: метод генерации и структурирования идей / пер. с нем. В.В. Мартыновой, М.М. Демина. М.: Омега-Л, 2007. 126 с. ISBN: 5-370-00022-0 EDN: QXQTSR
7. Олденберг Р. The Great Good Place (Великое доброе место). Berkshire Publishing Group LLC, 2023. 394 с.
8. де Серто М. Изобретение повседневности. 1-е изд. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
9. Сергеева М.Г., Ищенко Е.Н. Методика проведения экспериментального исследования образовательной среды вуза в условиях цифровизации высшего образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-provedeniya-eksperimentalnogo-issledovaniya-obrazovatelnoy-sredy-vuza-v-usloviyah-tsifrovizatsii-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 05.04.2025).
10. Хакимов Д.Р. Применение в учебном процессе ментальных карт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-v-uchebnom-protsesse-mentalnyh-kart> (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 316.7
EDN HETKQO

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-22-33

Ветошкина Юлия Владимировна,

кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой культурологии
и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

kame-yuliya@ya.ru

SPIN-код: 7396-8401

ORCID: 0000-0001-5543-4998

Гаврилов Лев Константинович,

магистр направления «Культурология»

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36

gavrilovlev46@gmail.com

SPIN-код: 2072-7350

МЕСТА СТРАХА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕРМЬ И КИРОВ

Целью исследования является выявление страшных, пугающих мест в представлениях горожан Перми и Кирова. Под страхом понимается аффективное состояние, вызванное реальной или мнимой угрозой при столкновении с городским пространством. Метод – исследовательское интервью С. Квале. Авторами было проинтервьюировано 24 респондента из Кирова и Перми. В результате были выявлены основные места страха, которые были объединены по категориям в зависимости от частоты упоминания (начиная с самых частотных): удаленные от центра города районы; заброшенные дома или участки; вокзалы, рынки; пространства «не-города», а именно гаражи, частный сектор, склады; овраги и лога, находящиеся в пространстве города; лиминальные пространства и пустынные места; пространства, где обитают бездомные люди; парки и лесопарки и т. д.

Авторы исследования приходят к следующим выводам. Во-первых, настроения горожан относительно страшных мест являются коллективно разделяемыми представлениями жителей обоих городов. Во-вторых, в пространстве городов сформирован общий эмоциональный режим, согласно которому город скорее воспринимается как положительное место, нежели страшное. В-третьих, эмоциональный режим определяет дискурс горожан: вспоминать и проговаривать отрицательные эмоции (страх) от столкновения с городской средой сложнее, в отличие от сконструированных положительных впечатлений. Тем не менее страшные места присутствуют в картине каждого из интервьюируемых.

Ключевые слова: городское пространство, горожане, места страха, коллективные представления, эмоциональный режим, аффект.

Ссылка для цитирования: Ветошкина Ю.В., Гаврилов Л.К. Места страха в современном городском пространстве: Пермь и Киров // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 22–33. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-22-33>.
EDN HETKQO

Yulia V. Vetoshkina,

PhD of Cultural Studies, Associate Professor,
Head of the Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies
Perm State University
15 Bukireva St., Perm, 614068
kame-yuliya@ya.ru
SPIN code: 7396-8401
ORCID: 0000-0001-5543-4998

Lev K. Gavrilov,

Master's degree student in Cultural Studies
Vyatka State University
610000, Kirov, Moskovskaya str., 36
gavrilovlev46@gmail.com
SPIN code: 2072-7350

PLACES OF FEAR IN MODERN URBAN SPACE: PERM AND KIROV CITY

The purpose of the study is to identify scary frightening places in the representations of the citizens of Perm and Kirov. Fear is understood as an affective state caused by a real or imaginary threat when encountering urban space. The method is a research interview with S. Kvale. The authors interviewed 24 respondents from Kirov and Perm. As a result, the main places of fear were identified, which were grouped into categories depending on the frequency of mention (starting with the most frequent ones). These are areas remote from the city center; abandoned houses or plots; train stations, markets; «non-city» spaces, namely garages, private sector, warehouses; ravines and caves located in the city; liminal spaces and deserted places; spaces inhabited by homeless people; parks and forest parks, etc.

The authors of the study come to the following conclusions. Firstly, the moods of citizens regarding scary places are collectively shared by the residents of both cities; secondly, a common emotional regime has been formed in the urban space, according to which the city is perceived as a positive place rather than a scary one; thirdly, the emotional regime determines the discourse of citizens: to recall and pronounce negative emotions (fear) the encounter with the urban environment is more difficult, in contrast to the positive impressions that the citizens have. Nevertheless, scary places are present in the picture of each of the interviewees.

Keywords: urban space, citizens, places of fear, collective representations, emotional mode, affect.

For citation: Vetoshkina Yu.V, Gavrilov L.K. [Places of fear in modern urban space: Perm and Kirov city]. *Social'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 22–33 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-22-33>, EDN HETKQO

На сегодняшний момент город является пространством, в котором живет более половины населения мира. С точки зрения социологии, антропологии города дать единое определение городского пространства достаточно сложно. Практически каждый исследователь определяет содержание города в зависимости от оптики изучения. В рамках нашего исследования нам откликаются размышления С.С. Аванесова, который считает, что «город представляет собой специфический, сложный культурный конструкт, воплощающий в своем материальном “устройстве” фундаментальные эстетические, социальные и мировоззренческие установки людей» [1, с. 10].

Безусловно, город населяют люди, горожане. Быть горожанином – это не значит проживать в населенном пункте с определенной численностью или иметь соответствующую заполненную графу о месте проживания в паспорте. Горожан объединяют прежде всего общие представления – ценности, нормы, правила, которые составляют часть их городской идентичности. Н.О. Анисимов выделял следующие ценностные установки городских жителей: общность представлений о значимых местах города; символические ценности городской идентичности, а именно «ценности, предметы гордости, то, чем гордятся горожане, что считают значимым для города с точки зрения принадлежности к общей истории города, каким-то знаменательным событиям» [2]; мифы саморефлексии, т. е. образные устные выражения (пословицы, поговорки, крылатые фразы) горожан о городе, самих себе и т. д. К таким общим представлениям мы можем отнести и определенные эмоции горожан, порожденные пространством города, в котором они находятся. С одной стороны, город рождает общий эмоциональный фон, т. е. фиксирует уже имеющееся в общем культурном поле отношение на уровне чувств к определенным городским локациям, а с другой стороны, город, безусловно, продуцирует определенные личностно окрашенные эмоции каждого индивида, которые делают город для каждого из нас личностно неповторимым. Н. Элиас обратил особое внимание на то, что эмоциям свойственна intersubjectivity. Эмоции формируются в межличностном взаимодействии в результате влияния членов коллектива друг на друга, а потому сочетают в себе и индивидуальное, и социальное начала.

В этой статье мы обратимся к эмоции «страха». Нам показалось достаточно важным обратиться к такому опыту чувствования горожан, который связан с осмыслением города как символического или реального набора «страшных мест».

Страх – это та эмоция, которая изучается прежде всего в рамках психологического знания. В психологии страх традиционно относят к «негативным» эмоциям; различают страхи реальные и невротические (фобии). В рамках психоаналитического подхода его основоположник Зигмунд Фрейд определял страх как аффективное состояние, заключающееся в ожидании угрозы: «Под страхом по большей части понимают субъективное состояние, в которое попадают благодаря ощущению “развития страха”, и называют его аффектом» [10, с. 448]. Страх перед чем-то конкретным он называл боязнью, а патологический страх – фобией. Современный психолог Е.П. Ильин, продолжающий работать с темой «страха», обратил внимание на то, что «анализ психологической литературы показал, что при обсуждении проблемы страха используется множество разных понятий – “страх”, “тревога”, “боязнь”, “опасение”, “испуг”, “паника”, “фобии”, – но сказать, отличаются ли они друг от друга и какие из них являются более общими, а какие частными, довольно трудно» [4]. В интервью наших респондентов мы встречаем разные словосочетания, описания «страшных мест» города, что подтверждает представление о том, что терминологически «начиная с 20-х гг. XX в. и до настоящего времени, категориально-понятийный аппарат для описания страхов и угроз разработан недостаточно» [7, с. 126].

Реконструируя представления горожан о местах страха в городском пространстве, в качестве методологической концепции будет использована теория коллективных представлений (Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Л. Леви-Брюль). Нам представляется, что убеждения горожан относительно страшных мест – это распространенные общественные идеи и убеждения, которые универсальны по содержанию и обеспечивают преемственность коллективной жизни, формируются у индивидов в процессе социализации.

Цель нашего исследования – выявить страшные места в представлении горожан Перми и Кирова, провести классификацию этих мест, типологизировать их. В классификации выявленных мест страха мы отчасти будем опираться на уже проведенное исследование доктора психологических наук Н.К. Радиной [7], которая изучала представления о страхе у жителей Нижнего Новгорода и выявила набор таких представлений о страшных местах.

В нашем исследовании мы выбрали метод глубинного интервью С. Квале [5]. Респондентами выступили жители двух городов – Перми и Кирова. В интервьюировании приняло участие 13 респондентов из Перми и 11 участников из Кирова. Пермь и Киров – два достаточно крупных российских города, являются административными центрами Пермского края и Кировской области соответственно, расположены недалеко друг от друга. Киров известен как исторический, культурный центр Русского севера, в то время как Пермь позиционируется как многоотраслевой промышленный и научный центр Урала. Мы исходили из предположения, что города эти схожи и различны одновременно, тем интереснее было сравнить и выявить особенности эмоционального восприятия городов его жителями.

Выборка для глубинного интервью была целеориентированной. Критериями отбора информантов для глубинного интервью стали, во-первых, фактор желания людей говорить на достаточно личную тему, связанную с обнаружением собственных страхов. В процессе беседы интервьюируемые довольно много рефлексировали по поводу выявленного отношения к определенным городским локациям. Во-вторых, для нас было важно наличие городской идентичности у респондентов. Мы использовали количественный критерий, согласно которому респондент должен проживать в городе не менее десяти лет. С социологической, культурологической точек зрения нельзя однозначно определить, за какой промежуток времени формируется городская идентичность, т. к. этот процесс зависит от множества факторов, однако исследование О.И. Муравьевой и соавторов показало, что период проживания в городе в интервале 6–10 лет является критическим для субъективного переживания идентичности с городом [6]. Таким образом, наши респонденты – это те, кто хочет говорить о городском пространстве, разделяют его общие ценности и нормы, обнаруживают свою принадлежность к исследуемым городам, живут в них не менее 10 лет.

После завершения интервью мы проанализировали собранные данные и нашли паттерны – повторяющиеся ответы респондентов, которые и стали основой для последующего анализа. Мы намеренно не стали разделять ответы респондентов по их принадлежности к Кирову или Перми, потому что выявленные особенности скорее характеризуют тип поселения и сложившиеся представления относительного городских пространств, нежели специфику конкретного города.

Сперва следует указать на то, что вопрос о страшных местах в контексте городского пространства для многих респондентов оказался сбивающим с толку, заставляющим задуматься – вопрос, на который большинство опрошенных не могли дать ответ сразу, в отличие, например, от вопроса о любимых местах города. Н. Элиас, отмечая развитие цивилизации, писал: «Развитие шло в направлении более строгого контроля над эмоциями и большего сдерживания спонтанных проявлений чувств» [9, с. 38].

В большинстве случаев респондентам требовалось время, чтобы вспомнить какие-либо страшные места: «Что меня может пугать... Интересный вопрос. Наверное, каких-то серьезных мест, которые меня пугают, в городе нет. Или я в таких местах еще даже не бывал и, может быть, даже не знаю» (Р.10., муж, 22). Вероятно, это связано с тем, что любой неприят-

ный и травмирующий опыт, согласно теории психоанализа, вытесняется из сознательной жизни субъекта в бессознательное, однако продолжает влиять на него. Так, некоторые места города приобретают негативную окраску вследствие пережитого там негативного травмирующего опыта: «Недавно я вдруг поняла, что еще места очень сильно связаны с твоей личной биографией. Например, в центре города на пересечении Ленина и Борчанинова совершенно нелепо и трагически погибла моя знакомая, на нее напал сумасшедший с ножом среди бела дня, весной. Это было лет двадцать назад... Мы тогда все в шоке были, плакали. А для меня это место, этот пятачок городской навсегда оскверненным осталось. Я когда там прохожу стараюсь убыстриться, не смотреть по сторонам» (Р.3, жен., 44). О подобных случаях респонденты упоминают не часто, однако в подавляющем большинстве опрошенные всегда ссылаются на личный опыт, говоря о страшных местах. Личный опыт связан с неприятными ощущениями, как физическими (запах, грязь, неприятный и пугающий внешний вид сооружений и т. д.), так и не относящимися напрямую к перцептивному опыту (ощущение покинутости, заброшенности, «ненастоящности» и т. д.) или даже переживанию страха как такового: «Еще мне не нравится, что там очень узкие улицы и много странных вывесок. Это создает ощущение какой-то безвкусицы, бедности, скуки – поэтому я не люблю там бывать» (Р.16., жен., 28).

Не менее важен также тот факт, что зачастую респонденты объясняют, почему те или иные места кажутся им страшными, пытаются найти рациональные причины, которые связаны с угрозой здоровью, жизни, безопасности и комфорту. Однако зачастую респонденты не приводят в пример опыт прямого столкновения с травмирующей ситуацией из личной биографии на примере указываемых ими страшных мест. Ввиду этого страх и дискомфортные ощущения, вызываемые страшными местами города, которые респонденты пытаются объяснить вполне рационально, можно также считать и иррациональным, т. к. они не связаны с очевидными риском и угрозой, а во многом сформированы стереотипическими представлениями об этих местах: «Меня может пугать какая-нибудь подворотня с каким-нибудь закутком, где может поджидать маньяк. Собственно, наверное, какие-то базовые вещи. А так, конкретного места, я думаю, нет» (Р.10., муж, 22). В этом указании на «базовые вещи» (респондент имеет в виду базовые страшные места/ситуации, в данном случае – подворотню) прослеживается наличие стереотипов о страшных местах города, которые разделяются большинством горожан, хотя определить их зачастую проблематично, однако основания для того, чтобы утверждать об их существовании, вполне оправданны, т. к., например, для схожих случаев описания страшных мест (одних и тех же у разных респондентов) свойственны одни и те же причины, по которым они считаются страшными и которыми респонденты объясняют свои ощущения.

В отличие от исследования Н.К. Радиной, на работе которой мы основываемся, мы не будем выделять иррациональные и рациональные страхи в отдельные категории, т. к. зачастую, как было сказано ранее, трудно назвать тот или иной страх рациональным или иррациональным ввиду того, что респонденты пытаются дать рациональное объяснение своему страху без вполне убедительных оснований. Наша типология будет основываться на том, насколько часто те или иные типы мест встречаются в ответах респондентов. Так, было выявлено несколько основных типов страшных мест.

Наиболее часто указываемым (в 16 ответах респондентов) страшным местом в ответах респондентов являются удаленные от центра города районы. Такие районы зачастую указы-

ваются респондентами как неблагополучные, криминальные, районы, жителей которых относят к маргиналам: «Плохая освещенность, много заброшенных зданий, бродячих собак, маргинальных группировок, высокая преступность» (Р.20., жен., 20). Респонденты при описании таких районов часто ссылаются на плохую инфраструктуру, аварийное или заброшенное состояние зданий, отсутствие благоустройства, слабую освещенность, криминогенный характер этих мест: «Т. е. это такие спальные-спальные районы, удалены от центра и обособлены, не так развита инфраструктура, и в таких районах повышается и преступность, и все остальное. Туда цивилизованная ментальность не доходит или доходит с опозданием» (Р.9., муж., 23). Причиной страха зачастую выступает контингент людей, проживающих на территории этих районов: «Причина тому – жители данного района. Я понимаю, что контингент не зависит от удаленности от центра, но как будто из-за особенностей окружающей среды этого района и особенностей мест трудоустройства, если так можно сказать, формируется определенное комьюнити, которое там проживает – достаточно неприятные люди, из-за чего просто не чувствую себя в безопасности и спокойствии, не то, чтобы в темное время суток, а вообще находясь в этом районе» (Р.8., жен., 23). При этом респонденты в подавляющем большинстве не описывают случаев прямого столкновения с людьми из этих районов, что указывает на стигматизацию их жителей ввиду существующих в сознании горожан стереотипов об образе и качестве жизни людей из неблагополучных районов: бедность, социально опасное или неприемлемое поведение, низкое качество жизни и т. д. Кроме того, некоторые респонденты, говоря о подобных местах, указывают на страх, носящий скорее экзистенциальный характер: «Я очень боюсь однообразия и бессмысленности в жизни, поэтому, когда я там оказываюсь, этот визуальный образ воплощает мои страхи, и я чувствую себя не очень комфортно. Мне кажется, что я там не на своем месте, мне там некомфортно, и я там стараюсь не бывать» (Р.16., жен., 28). Сюда же относятся указываемые респондентами общежития, малосемейные дома в этих районах: «Просто атмосфера там такая, люди – не то, чтобы грубые, не то, чтобы злые – как будто бы все алкоголики. Просто такое ощущение» (Р.11., муж., 23). Респонденты описывают свои ощущения не как переживание страха ввиду опасности для жизни и здоровья, а как переживание страха бессмысленности жизни, заброшенности, покинутости – это, как нам кажется, позволяет рассматривать страхи горожан не только как рациональные/иррациональные, но и как страхи экзистенциальные, связанные со смыслом человеческого существования, которые провоцируют страшные места.

Второй по частоте названия тип страшных мест – заброшенные дома или участки. В эту категорию включаются любые заброшенные объекты: здания, земельные участки, захолустные незаселенные улицы и т. д. В большинстве случаев респонденты не указывают заброшенные дома или другие заброшенные объекты в отдельную категорию страшных мест, однако при описании тех или иных мест их заброшенность, состояние упадка указывается как характеристика этого страшного места – его неотъемлемый компонент. Так, встречаются ответы, согласно которым заброшенное состояние построек вызывает у респондентов прямые ассоциации с людьми, проживающими либо в них, либо поблизости с ними: «Там тоже двухэтажные дома разбитые, страшные, и по ощущениям, люди такие же» (Р.12., муж., 21). Респонденты также не говорят о наличии какого-то травмирующего личного опыта, связанного с заброшенными объектами: чаще всего чувства страха, дискомфорта и т. д. связаны с внешним видом самих строений, которое вызывает в респондентах чувство покинутости, заброшенности, имитации жизни: «Меня немного пугает – я там была всего один раз – же-

лезнодорожная больница рядом со Спартаком, заброшенная. Точнее напротив больницы что-то заброшенное есть. Как бы в центре города красивое здание, но заброшенное, туда постоянно кто-то ходит. Оно меня пугает тем, что оно почти живое, но там ничего живого нет» (Р.15., жен., 22). Указывая на заброшенность как атрибут страшного места, респонденты не говорят об этом с точки зрения опасности или угрозы для жизни и здоровья, а отмечают скорее на экзистенциальный характер своего страха: «Беспокойство вызывает то, что заброшка – это заброшка. Она, как и все другие заброшки, вызывает чувство покинутости, оставленности, безнадёги» (Р.15., жен., 22).

Интересно то, что заброшенное здание – это всегда некогда жилое здание, которое утратило эту жизнь, перестало быть таковым, что нас напрямую отсылает к концепции «жуткого», описанной З. Фрейдом, заключающейся в том, что «... жуткое – это все, что должно было оставаться тайным, сокровенным и выдало себя» [11, с. 268].

Немецкое слово «unheimliche» дословно можно перевести как «не-домашний», общепринятый перевод этого слова – «жуткий» или «зловещий». Жутким нам кажется все то, что утрачивает свой привычный облик, что давно знакомо нам, но становится чем-то, что раскрывает в себе пугающие черты инаковости: то, что мы хорошо знали, но что оказалось не тем, чем оно для нас являлось. Заброшенные здания – яркий тому пример: некогда жилые помещения становятся покинутыми, забытыми и пустыми, зачастую также в плохом или аварийном состоянии, что и вызывает в нас чувство страха (точнее жути), но страха не перед угрозой жизни (за исключением опасности обрушения аварийных зданий), а страха перед тем, чем они являются, открывшись для нас как чужие, незнакомые, совершенно иные (хотя некогда они были полны жизни, а для кого-то являлись домом) – не такие, какими они нам представлялись, но какими они всегда на самом деле и были.

Третьим по частоте упоминания местом страха является вокзал, железнодорожный или автовокзал, а также аэропорт. Вокзал или аэропорт являются транзитной зоной, в которой происходит постоянное движение индивидов, большинство из которых – приезжие, т. е. «чужие». Фигура чужака особенно важна для характеристики вокзала как страшного места. Кроме этого, наши респонденты в своих ответах ссылаются еще и на грязь, большое количество людей, вызванную этим давку, тесноту: «Место агрессии таксистов-зазывал, место вечной грязи от транспорта, там тусуются всякие маргинальные элементы и попасть туда можно только через подземный переход – страшный и вонючий» (Р.3, жен., 44); «Вокзал – место для людей, которые откуда-то бегут и на меня это навеивает страх» (Р.19., жен., 20). Респонденты описывают свои неприятные ощущения, объясняя это зачастую грязью, неприятным запахом, давкой, вызванной большим количеством людей, и т. д. При этом респонденты в своих ответах почти не указывают «чужого» как причину их страха перед этим местом – респондентов, что следует из их ответов, скорее пугает давка, вызванная наличием толпы, а также общее состояние места как нечистого и дискомфортного.

Четвертым же по популярности ответом стал «рынок», который указывался респондентами также часто, как и вокзал, и во многом имеет те же ассоциации с грязью, плохим запахом и большим скоплением людей и описывается зачастую схожим образом: «Центральный рынок, все органы чувств сопротивляются тому, чтобы проходить мимо него: отталкивающие запахи, с визуальной точки зрения там достаточно грязно, обилие сомнительных людей, которые в теории могут представлять угрозу» (Р.24, муж., 21 год). Рынок также является местом пребывания «чужих», ведь, согласно Г. Зиммелю, «<...> чужак всегда и повсюду вы-

ступает как торговец, а торговец – как чужак» [3, с. 229]. Чужак же, в свою очередь, является фигурой исключенной: «Только здесь у «чужака» нет никакого позитивного смысла, отношение к нему есть неотношение, он – не то, как он здесь рассматривается: член самой группы.» [там же, с. 232]. «Ох, наверное, самое неприятное место для меня – это колхозный рынок. Еще в детстве мы приезжали туда и попадали в круговорот каких-то странных людей» (Р.3, жен., 44 года).

Пятым по количеству упоминаний в ответах респондентов является пространство «не-города»: гаражи, частный сектор, склады. Зачастую подобные места оцениваются опрашиваемыми как небезопасные, представляющие угрозу из-за, например, бездомных животных, маргинальных элементов, «чужих» и т. д.: «<...> куча бездомных шаяк собак, наркоманы, бездомные люди, отсутствие освещения, длинные ряды из гаражей, в которых можно потеряться, высокая преступность, постоянно несанкционированно появляющиеся свалки, близость к лесу» (Р.20., жен., 20 лет). Гаражи или склады выступают как «не-городское» пространство, существующее внутри города или на его окраинах, вызывающее страх у респондентов ввиду незащищенности перед угрозами, которые здесь таятся: «Склады, гаражи, иностранцы со взрывным характером заставляют быстрее пройти это место» (Р.23., жен., 20 лет).

Шестым по популярности ответом стали овраги и лога, находящиеся в пространстве города: «Не люблю и боюсь всяких обрывов, оврагов, тех мест, где поверхность земли изломанная. Как будто в этом есть что-то нарушающее общую гармонию» (Р.3, жен., 44 года). Зачастую подобные места описываются как места повышенной опасности из-за их природных особенностей: крутой спуск, резкий обрыв и т. д. Однако горожане также указывают и на иную их особенность – это пустынное место, выступающее сродни заброшенным зданиям, только в контексте городского ландшафта и среды. Такие локации порождают чувство брошенности, оставленности и пустоты: «Есть то, что мне не нравится. Неприятно, когда в центре какой-то овраг, пустырь, где ничего нет, пространство не используется, там просто свалка. Это где-то в центре – ул. Горбачева, там, где овраг Засора перед Ленина, между ул. Карла Маркса и ул. Ленина. Как будто центр города, вокруг здания, все ухожено, а центр сам по себе, этот котлован сам по себе как червоточина» (Р.9., муж., 23 года).

Восьмым по частоте ответов на вопрос о страшных местах города стали темные улицы, подворотни, дворы, малолюдные места – городские пространства с малым количеством людей: «Ты не понимаешь, кого ты там можешь встретить, и с какими целями этот человек будет» (Р.3, жен., 44 года). К ним мы бы также отнесли подземные переходы, подъезды и лифты. Зачастую эти места выступают как потенциально опасные для жизни и здоровья пространства, т. к. они могут содержать в себе скрытые угрозы в виде потенциально опасных людей, маргинальных групп, о чем указывают некоторые респонденты. Однако в описании этих мест также присутствует указание на некоторый иррациональный страх – страх перед самим местом: «У меня хоть и нет боязни замкнутого пространства, но в целом освещение какое-то, тоже запахи, отсутствие или наоборот переполненность людьми этих пространств меня напрягает, и я чувствую, что у меня неприятные физические ощущения в теле начинаются» (Р.5., жен., 22 года). Подобные места могут пугать сами по себе – здесь также уместно обратиться к концепции «жуткого» Фрейда. В этом смысле на их восприятие как «жутких мест» влияют два фактора: темнота и лиминальность.

Темнота сама по себе может выступать признаком страшного места, ведь зачастую даже самые обыденные места могут казаться пугающими или неприятными в темное время су-

ток: «Также грустные чувства может навевать не столько места, сколько время, когда ближе к вечеру становится мало людей на улице, немного мест подсвечено, и чувствуешь, что ты в темноте, и это немного мысли нехорошие навевает» (Р.17., муж., 22 года). Для объяснения такого воздействия темноты на респондентов важно то, что у опрашиваемых в темное время суток появляются ощущения замедления жизни города, улицы становятся пустынными и малолюдными, а в городе остаются лишь маргинальные элементы, способные причинить вред. Привычные дворы и улицы раскрываются с другой стороны, более жуткой, именно в темное время суток.

В совокупности с этим работает другая характеристика этих мест – «лиминальность», т. е. переходность. Эти пространства: подъезд, переулок, лифт, дворы, улицы – являются местами перехода людей из одной точки своего маршрута в другую, зачастую с работы или учебы до дома. Соответственно, подобные места являются лишь промежуточными зонами – человек не стремится задержаться там, эти места могут вызывать чувства дискомфорта, страха, тревоги и т. д., т. к. представляют собой зоны повышенной опасности, например, из-за того, что на пути вам может встретиться незнакомец, угрожающий жизни и здоровью, или само место воспринимается как небезопасное: «В лифте, когда ты думаешь, что лучше – лечь на пол или прыгнуть, когда он начнет падать. Это может быть, когда переходишь светофор. В подъезде, когда там пьяный бомж с ножом. Это может быть везде – абсолютно» (Р.10., муж, 22 года). Само качество лиминальности этих мест порождает беспокойство, и зачастую не только благодаря потенциальной опасности для жизни и здоровья, но и ввиду особого характера восприятия этих мест, которое изменяется вместе с обстоятельствами их восприятия: улица, полная людей в светлое время суток предпочтительнее и выглядит менее опасно, чем пустая улица в темное время суток.

В связи с этим хотелось бы обратиться еще к одной категории мест, которую указывают не так часто, а именно – пустыри и пустынные места: «Раньше немного пугал Кочуровский парк, когда он еще был новоделом, и там не было особо растительности, и ты идешь почти по голому полю с этим березками – просто голые деревья. Пустынно» (Р.15., жен., 22 года). Подобные места также представляют собой лиминальные пространства, но не столько как пространства перехода (хоть они и не лишены этого качества), сколько как места, не используемые в практических целях, исключенные из повседневной жизни – «не-места», если обращаться к терминологии М. Оже, пустые и безлюдные, чужие для всех [8]. Они выглядят безжизненными, заброшенными (по аналогии с заброшенными зданиями), пустыми, что порождает у респондентов чувство тревоги, страха. При этом некоторые респонденты указывают на чувства, напоминающие как переживание жуткого, так и экзистенциального страха: «А парк – как будто искусственно создан, часто неприятное ощущение какой-то ненастоящности» (Р.15., жен., 22 года). Как нам кажется, в этих случаях у респондентов не появляется ожидание скрытой угрозы, но само место, без видимых источников опасности, выглядит пугающе, потому что открылось с другой стороны – как не-место.

Отдельно выделяют наличие бездомных людей как маркер страшного места: «Там, где были бомжи. Места, где они собирались. Это было даже у меня в подъезде. Если там стоит много бомжей, а они любят собираться около подъезда пить, было всегда страшно проходить мимо» (Р.10., муж, 22 года). В этом случае опять же имеет место стигматизация, приписывание бездомным определенных стереотипов, вытеснение их на периферию из общественного сознания. Никто из опрашиваемых не упоминал о ситуациях личного столкновения с без-

домными или о случаях, когда бездомные наносили бы кому-либо вред, но стереотип о том, что они являются маргинальными элементами общества и представляют собой источник опасности, сохраняется, и зачастую их наличие на определенной территории выступает маркером неблагополучия, бедности или опасности района: «Это, кстати, единственный район, где я видела бомжей» (Р.16., жен., 28 лет).

Указываются, но гораздо реже леса, парки и лесопарки как криминогенные зоны, в которых существует риск опасности для жизни и здоровья, хотя зачастую эти опасности остаются для горожан не очевидными: «Можно сказать, я там был только в дневное время суток, поэтому этот момент с вечерним временем просто упустил. Хотя, да, я бы так сказал, что именно вечером, именно в глубине парка, я бы тоже, ну, как-то стороной желательно обходил, потому что тоже, на самом деле, вызывают вопросы» (Р.6., муж., 27 лет). Чаще парки и лесопарки в ответах респондентов указываются как места приятные и предпочтительные для досуга, как места прогулок и совместного времяпрепровождения, хотя встречаются и противоположные мнения.

Интересно то, что двое респондентов в своих ответах указали церкви как места неприятные для посещения, причем мотивировали свой ответ по-разному. В одном ответе церковь выступает как институция со своими порядками и правилами, которые могут разделяться большинством прихожан церкви, но знание этих правил при этом может оставаться прерогативой церковнослужителей, а неподобающее поведение прихожан расцениваться как неприемлемое и социально неодобряемое, что и становится причиной страха: «Не нравится и неприятно в церквях, храмах, тех местах, где ты не знаешь, что делать, не знаешь правил. Где ты можешь нарушить правила и на тебя за это наорут» (Р.2., муж., 45 лет). Другой респондент указывает на характер деятельности церковнослужителей, а именно на постоянное присутствие смерти в деятельности церкви (проведение обряда отпевания), что также становится причиной страха и дискомфорта: «Возможно, в детстве я боялся церквей. Это было связано со смертью близких. Ну мне просто преподносили это так, что церковь забирает людей на небеса. Мне было неприятно там находиться» (Р.10., муж., 22 года).

Стоит также упомянуть о местах контроля правоохранительных органов. Подобные ответы также встречаются редко, в этом исследовании было два респондента, которые упомянули подобные места, причем один из них говорил о полицейском участке с положительной точки зрения как о безопасном месте с постоянным контролем. Второй же высказался о том, что подобные места вызывают беспокойство из-за потенциальной угрозы стать объектом внимания правоохранительных органов: «Чувствуется дискомфорт определенный, как будто знаешь, что ни в чем не виноват, но все равно немножко встаешь по струнке и боишься, что вот сейчас кто-то выйдет и тебе начнут задавать какие-то вопросы, спрашивать что-то, и ты окажешься все-таки в такой ситуации и некомфортно» (Р.5., жен., 22 года).

Редко указывают заводы, предприятия и местастроек. С одной стороны, эти зоны выступают как места повышенной опасности из-за риска получения травм и угрозы жизни, возможно, также из-за негативного влияния на окружающую среду, с другой – подобные локации скорее дополняют в сознании горожан общий удручающий вид рабочих и заводских районов: «Нагромождение большого количества непонятных серых зданий, между которыми немногочисленно, а если есть люди, то такого же чужого сомнительного характера. Всю картину дополняет завод на заднем плане» (Р.23., жен., 20 лет).

Столь же редко в ответах респондентов указываются и увеселительные заведения: клубы, бары. Зачастую они, наоборот, указываются как приятные и безопасные места в городском пространстве, в которых горожане проводят свой досуг. Однако встречаются и противоположные ответы, в которых респонденты указывают на то, что это места повышенной опасности из-за возможного неадекватного поведения посетителей: «Знаю, что в нашем городе плохие клубы. Но они меня не пугают, но они мне не приятны. Все, опять же, упирается в то, что зависит от людей, которые находятся в этом месте» (Р.10., муж, 22 года). «Бывали, конечно, такие ситуации, но это статья попозависит от компании, или, например, бывает, что ты идешь по какому-то центру рядом с баром, и там подвыпившая компания начинает проводить разборки. Такое бывало, но в целом не так часто» (Р.14., жен., 37 лет).

Таким образом, в результате нашего исследования мы выявили следующие места страха в городских пространствах Перми и Кирова. Перечислим их в порядке убывания по частотности в ответах респондентов: удаленные от центра города районы; заброшенные дома или участки; вокзалы, рынки; пространство «не-города»: гаражи, частный сектор, склады; овраги и лога, находящиеся в пространстве города; темные улицы, подворотни, дворы, малолюдные места – городские пространства с малым количеством людей; лиминальные пространства, пустыри и пустынные места; пространства, где обитают бездомные люди; леса, парки и лесопарки; институции, где действуют строгие правила и нормы, нарушение которых влечет как минимум словесное порицание, а следовательно, есть страх, боязнь не соответствовать определенной социальной роли.

Следует отметить, что выявленные нами паттерны страха являются общими для двух городов. Мы не можем обнаружить сколько-нибудь весомых различий в описании пугающих локаций между Пермью и Кировом. Это говорит о том, что для горожан характерен общий эмоциональный режим. Понятие «эмоциональный режим» ввел американский ученый Уильям Редди, который выделил господствующую и санкционированную авторитетами систему переживания, выражения и восприятия эмоций. В своей монографии У. Редди выявил, что общие эмоциональные режимы можно выделить в отношении общности людей по отношению к разным историческим и культурным эпохам. Мы считаем, что в больших городах складываются определенные эмоциональные режимы, которые разделяет сообщество горожан [12]. Согласно этим правилам, многие отмечают, что город, в котором они живут, меняется к лучшему: «Все так красиво, лавочки, чистота, урны везде. Вот город меняется на протяжении уже 20 лет...» (Р.1, жен., 36 лет). Городу свойственна опора на рацию индивидов, положительные эмоции. Страх сложно вычленишь из общего эмоционального фона, условный правильный горожанин свой страх города прячет, как будто даже стесняется его и с удивлением обнаруживает, что города можно бояться по самым разным причинам. Кроме того, как мы указали в начале, у страха нет точного и жесткого определения в научной среде, поэтому и в повседневной беседе с понятием «страшное место» оказывается сопряжено большое количество эмоций и чувств. Страшное – это и неприятное, и дурнопахнущее, и настораживающее, и волнительное, и тревожное, и даже тоскливое.

В целом хотелось бы отметить, что согласно сложившегося общего эмоционального режима, для современных жителей город представляется скорее как не страшное, а вполне удовлетворительное место, предоставляющее возможность работать, отдыхать, воспитывать детей, проживать самые разные эмоции и чувства, где страх стоит хотя и не на первом месте, но обнаруживается по отношению к самым различным местам и явлениям.

Библиографический список

1. Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2(16). С. 10–31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31 EDN: XSFJQT
2. Анисимов Н.О. Идентичность и город // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 3(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-gorod> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
4. Ильин Е.П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017. URL: <https://www.livelib.ru/book/139424/readpart-psihologiya-straha-evgenij-ilin> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с. ISBN: 5-89357-145-2 EDN: QXGGCB
6. Литвина С.А., Кружкова О.В. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / С. А. Литвина, О. В. Кружкова и др. // Вестник НГПУ. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-struktury-identichnosti-s-gorodom-molodezhi-rossijskih-gorodov> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141. EDN: OWHMYF
8. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна // Новое литературное обозрение. 1992. 55 с.
9. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2022. 544 с.
11. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.
12. Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p. DOI: 10.1017/CBO9780511512001

УДК 394.014
EDN KEBMVI

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-34-44

Малых Ольга Владимировна,
доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
malykh-olga@yandex.ru
SPIN-код: 6033-3196

Манторова Анна Владимировна,
кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
aniel.tinuviel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2545-0062
SPIN-код: 8873-1106

ОБРАЗЫ ПЕРМИ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН

В данной статье рассматривается эмоциональный образ г. Перми. Авторы ставят себе целью исследовать, как соотносится эмоциональный образ города, сложившийся в путевых очерках проезжавших через Пермь писателей, общественных и политических деятелей XIX – начала XX в., и образ, сформулированный современными представителями местной интеллигенции. В первом случае были изучены путевые очерки и дорожные дневники сборника «По Каме и Уралу» (сост. Д.А. Красноперов), во втором – проведены двадцать фокусированных интервью в 2024–2025 гг. (метод Р. Мертона). В ходе интервью респондентов просят описать личное визуальное восприятие города и сформулировать его специфику, что позволяет выявить некоторую эмоциональную проекцию. На основании интерпретационного анализа и полученных нарративов в статье формируется и обосновывается гипотеза следующего содержания: образ Перми, конструируемый местными жителями, имеет значительное количество смысловых пересечений с тем образом, что формируется людьми, его посещающими, причем они (пересечения) актуальны на протяжении последних двух веков. Так, лейтмотивом эмоциональных образов обеих групп оказалось ощущение пустоты, подкрепляемое специфической пространственной организацией города и вызывающее разочарование. Это свидетельствует о том, что в эмоциональном мире пермяков обнаруживается рецепция колониального сознания, свойственного столичным жителям.

Ключевые слова: город, Пермь, образ города, эмоциональный мир горожан, литературные нарративы XIX века, метод фокусированного интервью.

Ссылка для цитирования: Малых О.В., Манторова А.В. Образы Перми в путевых очерках и восприятии горожан // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 34–44. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-34-44>. EDN KEBMVI

Olga V. Malykh,

Associate Professor of the Department of Cultural Studies
and Social and Humanitarian Technologies;
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
malykh-olga@yandex.ru
SPIN-code: 6033-3196

Anna V. Mantorova,

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies
and Social and Humanitarian Technologies;
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
aniel.tinuviel@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2545-0062
SPIN-code: 8873-1106

IMAGES OF PERM IN TRAVEL SKETCHES AND PERCEPTIONS OF CITIZENS

This article considers the emotional image of Perm. The authors aim to investigate the correlation between the emotional image of the city formed in the travel sketches of writers, public and political figures passing through Perm in the 19th – early 20th centuries and the image formulated by contemporary representatives of local intelligentsia. In the first case the authors of the article studied travel sketches and travel diaries from the collection “On the Kama and the Urals” (compiled by D.A. Krasnopyorov), in the second case the authors conducted twenty focused interviews in 2024-25 (R. Merton's method). During the interviews the respondents are asked to describe their personal visual perception of the city and formulate its specifics, which allows to reveal some emotional projection. Based on the interpretative analysis and the obtained narratives, the article forms and substantiates the following hypothesis: the image of Perm constructed by local residents has a significant number of semantic overlaps with the image formed by people visiting it, and they (the overlaps) have been relevant for the last two centuries. Thus, the leitmotif of the emotional images of both groups was the feeling of emptiness, supported by the specific spatial organization of the city and causing disappointment. This indicates that the emotional world of the Permians reveals the reception of the colonial consciousness typical of the capital residents.

Keywords: city, Perm, image of the city, emotional world of citizens, literary narratives of the 19th century, focused interview method.

For citation: Malykh O.V, Mantorova A.V. [Images of Perm in travel sketches and perceptions of citizens]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 34–44 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-34-44>, EDN KEBMVI

Введение

«Всякий, кого fortuna adversa заставит провести в Перми несколько дней, обыкновенно не знает, как убить время, и скучает, как на поминках. Нечего смотреть, некуда деваться...» [12, с. 160]. Подобная характеристика родного города едва ли вызовет у современного жителя Перми негативные эмоции: она вышла из-под пера Д.Н. Мамина-Сибиряка в 1888 г., когда Пермь еще имела довольно приблизительное сходство с нынешней версией себя. Но как пока-

зывает исследование, проведенное О.В. Лысенко в 2016 г., сто с лишним лет спустя образ города пишется теми же красками: «Не случайно Борис Мильграм, много лет проживший в Москве и вернувшийся в Пермь в 2004 году, чтобы возглавить драматический театр, вспоминает город, который он застал, как “закрытое пространство”, где “ничего не происходит”» [7]. Подобная характеристика на первый взгляд выглядит предвзятой по причине того, что Б. Мильграм является одним из идеологов Пермского культурного проекта, направленного на преодоление указанного «запустения» и намерения сделать Пермь культурной столицей Европы. Однако материалы интервью, проведенные О.В. Лысенко в экспертном сообществе, демонстрируют существование аналогичного лейтмотива и в среде «наблюдателей», подчеркивающих, что даже после завершения проекта «осталась мертвая земля» [7]. Таким образом, перед нами разворачивается некая эмоциональная ретроспектива, проведенная через две контекстуальные точки, одна из которых фиксирует художественную (литературную) традицию, другая – исследовательскую. Это позволяет определить цель исследования: реконструировать эмоциональный мир жителей Перми в их отношении к предшествующей литературной традиции.

Методы

Здесь стоит отметить, что в дальнейшей попытке проследить, действительно ли образ г. Перми имеет достаточно определенную эмоциональную окраску, мы сознательно ограничиваемся анализом визуального восприятия города и ощущения его внутренней атмосферы. С целью воссоздания более целостной картины анализируется как составляющая внешнего восприятия (взгляд Другого, т. е. в данном контексте человека приезжего), так и внутреннего (взгляд местного жителя). В качестве эмпирического материала используются путевые очерки проезжавших через Пермь писателей, общественных и политических деятелей, а также интервью с современными представителями местной интеллигенции, из которых были отобраны наиболее содержательные и эмоционально окрашенные. Во втором случае применялся метод качественного интервью, поскольку «качественные исследования чувствительны к человеческой ситуации, они предполагают эмпатический диалог с исследуемыми людьми и могут вносить свой вклад в их освобождение и усиление» [5, с. 76]. Из существующих разновидностей качественного интервью было выбрано фокусированное, поскольку оно предполагает предварительное исследование, составление гайда и возможность выявить, на каких именно составляющих более всего сосредотачивается внимание респондентов [9]. Среди отобранных информантов были следующие: архитектор, член Союза художников, организатор культурных проектов, менеджер в сфере культуры, сотрудник вуза (доцент), сотрудник вуза (кандидат наук), дизайнер, солист Пермского театра оперы и балета, сотрудник вуза (кандидат наук).

Прежде чем перейти к непосредственной деконструкции эмоционального образа города, необходимо определиться также с основной дефиницией. Как справедливо заметил В.Л. Глазычев, «лишь географы точно знают», что такое город, и, как следствие, для всех остальных «город – это икс» [1]. Данная позиция позволяет самостоятельно определить границы этой неизвестной, поместив ее в необходимый нам контекст. Таким образом, с одной стороны, «икс» вполне может представлять собой некое впечатление от города, выявляемое из разноплановых текстов, формирующее его эмоциональную проекцию. С другой стороны, фокусирование на городе как на впечатлении позволяет подключить также тезис В.Л. Глазычева о том, что «город – это система кулис» [там же]. Город, представленный в качестве подобной системы, по мнению В.Л. Глазычева, дает возможность «смотреть разнообразно, богато, любопытно», что определяет визуальное восприятие как основополагающий инструмент данного исследования [там же].

Результаты

В своей статье «Город на все времена» В.Л. Глазычев выделяет, помимо «города», такие его вариации, как «предгород», «недогород» и «негород». Данная классификация предоставляет нам возможность выявить более определенное содержание, которое стоит за словом «город» в случае Перми, а также предпосылки формирования эмоционального образа. Несмотря на тот факт, что сам В.Л. Глазычев не считает эту систематизацию научной, в нашем случае взгляд человека, который является профессионалом высокого уровня именно в области визуального восприятия, особенно актуален.

Ключевыми признаками города, по В.Л. Глазычеву, являются, во-первых, «наличие свободного пространства, не занятого застройкой», во-вторых, – «постоянное наличие значительного количества людей, не занятых в данный момент производительной деятельностью» [там же]. Что касается пустого публичного пространства, не находящегося в частной собственности, в Перми эту роль выполняет эспланада, занимая весьма значительную площадь (между зданием Законодательного собрания и Пермским академическим Театром-Театром). Ранее эта территория являлась долиной малой реки Пермь-Пермянки и лишь в начале 1960-х гг. была выделена под строительство жилых домов, однако по инициативе архитектора Г. Игошина оставлена незастроенной [4]. Таким образом, если следовать логике В.Л. Глазычева, Пермь начинает формироваться как город лишь с середины XX в. Помимо этого, если обратиться к первоначальному значению слова «эспланада» – так называли «пустое незастроенное место между крепостью и городом», – можно в качестве дополнения выявить еще одну практику конструирования образа – языковую [11, с. 758]. Интересен и тот факт, что Д.Н. Мамин-Сибиряк в своих воспоминаниях, напротив, настойчиво противопоставляет Пермь и город с крепостью как своеобразный идеальный тип: «...Вид на Пермь с парохода очень красив, хотя город и скрыт за горой. Опять так и режет глаз административная затея – неизвестно для чего вывести город на гору; такие постройки имели смысл и значение для старинных боевых городов, поневоле забиравшихся на высокое усторожливое местечко, а Пермь залезла на гору без всякой уважительной причины» [12, с. 164]. Таким образом, в процессе формирования данного населенного пункта прослеживается достаточно амбициозное желание укрепить статус города, несмотря на то что выбор расположения и языковые практики именовании в качестве его формы очевидно противоречат содержанию.

Что касается людей, не занятых производственной деятельностью, их присутствие в городском пространстве неоспоримо, что подтверждается словами респондентов: «...ну в центре, конечно, всегда многолюдно, пестро, вне зависимости от времени суток. Но чем дальше от центра, тем больше эта пестрота рассеивается»; «фланирующих по центру города много, иногда даже кажется, что это одни и те же не обремененные работой персонажи. Это причем такая неоднородная картина: я как-то ездил днем в сторону Чкалова, там разве что мертвые с косами не стоят» (Инт. 2., Инт. 5). В приведенных цитатах респонденты четко обозначают территорию фланирования этих людей, подчеркивая, что она ограничивается центральной частью города. С одной стороны, это характерно «урбанистическая модель поведения», о чем пишет О.Л. Лейбович в статье «“Индивид глазеющий” в пространстве постсоветского города», однако нельзя не отметить, что моменту противопоставления центра и «антицентра» уделяется особое внимание [6, с. 44].

Таким образом, Пермь определенно нельзя назвать «предгородом», поскольку последнему характерно полное отсутствие вышеизложенных качеств. Исключить можно также и «негород» («сверхгород»), поскольку возможность в нем единого сообщества значительно превышена, а «любые социальные группы распадаются на подгруппы, которые никогда не встречаются», что характерно, например, для Москвы [1].

«Недогородом», на первый взгляд, Пермь также не является, поскольку ей свойственна сложность и многообразие городского сообщества, однако как в путевых очерках, так и в интервью проявляется лейтмотив противопоставления внешнего вида центра города и остальной его части, несмотря на разделяющий данные тексты временной разрыв: «...вообще весь центр города не только не уступит другим губернским городам, но превзойдет многие из них. Сходишь с главных трех улиц чуть-чуть в сторону и сразу из Перми-губернского города попадаешь в Пермь-деревню и положительно задыхаешься в пыли, так как мостовыми покрыты в Перми только три улицы и полтора переулка; все остальные улицы и переулки находятся почти в первобытном состоянии»; «Центральная часть города имеет очень плотную застройку, а чуть дальше уйдешь – неухоженные пустыри. Многие районы в принципе на большом удалении от центра находятся и существуют достаточно автономно»; «Центр у нас, конечно, хорош – не без помощи прошедшего юбилея (прим.: в 2023 г. Пермь отпраздновала 300-летие, в связи с чем был проведен ряд работ по благоустройству и реконструкции). Но на общем полотне города это такая "потемкинская деревня"» [12, с. 128]; (Инт. 3; Инт. 9). Резюмируя, можно сказать, что визуальный образ Перми представляет собой сочетание «города» и «недогорода» или, если выражаться характеристиками респондентов, «города» и «деревни».

Г. Зиммель в своей работе «Большие города и духовная жизнь» говорит о том, что психологическая атмосфера большого города, ввиду чрезмерно быстрого темпа жизни, постоянно сменяющих друг друга впечатлений и «многообразия хозяйственной, профессиональной и общественной жизни» формирует определенный «фундамент душевной жизни» [3, с. 2]. Особенно ощутима данная атмосфера на контрасте с атмосферой деревни, где динамика всех составляющих повседневности сглажена неспешным и относительно расслабленным ритмом, что сказывается, в первую очередь, на затратах сознания.

Обратившись к дорожным дневникам, можно заметить, что в XIX в. Пермь по своей внутренней динамике была больше похожа на деревню (причем ситуация с течением времени не меняется, хотя часть воспоминаний датируется 1842 г., а часть – 1889 г.): «Пермь – городок порядочный, но безжизнен»; «Пермь тиха, безмятежна <...> Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай Господи поскорее»; «...город большой недурен, есть очень миленькие домики, но тишина и безлюдье невыносимые»; «Вообще Пермь, после шумного Нижнего, после оживленной Казани, показалась мне очень скучным городом. То же подтверждают и здешние жители. <...> Затишье!...»; «Самый бойкий сезон в Перми летом, во время навигации, и что же – город скучает, как параличный»; «...и мы приезжаем в сонную Пермь. Да, сонную; другого эпитета не подберешь. Какой это характерный тип далекого губернского захолустья, этот город!»; «спокойные улицы <...> скрадывают всякий шум и шепот <...> молчаливо и безмолвно стоят дома; в открытые окна видно то же безмолвие» [12, с. 82; с. 99; с. 105; с. 160; с. 220; с. 221]. Однако стоит обратить особое внимание на тот факт, что, описывая Пермь как место, где отсутствует суeta и сутолока большого города, авторы делают акцент на характере этого спокойствия, совершенно не похожего на другие: «Утром мы еще более изумились пустоте города Перми»; «...с первого взгляда Пермь представляется городом обширным; но как скоро вы въедете во внутренность ее, увидите какую-то мертвенную пустоту»; «...и полная тишина кругом... Мертвечина да и только! <...> Пожалуй, что уж тут дурного? Тихо, уютно и спокойно! Нет гвалта, не чувствуешь себя на юру?! <...> О, не говорите! Живо припоминается мне другой далекий город, который я видел так же мельком - и какая разница! Этот город – Мюнхен. Вот уж где, действительно, тепло, уютно и привольно!» [12, с.22; с. 77; с. 221]. При том, что отсутствие чрезмерной оживленности как неотъем-

лемого атрибута большого города обычно не воспринимается как недостаток, авторами здесь подчеркивается полное отсутствие жизни, не связанное с чувством умиротворения, способного возникать в подобных городах. Особенно интересны цитаты В.А. Поссе и Д.Н. Мамина-Сибиряка: «...я встретил конный конвой, но эта процессия так же мало оживляла улицы, как и почтовая карета, с грохотом проехавшая в сопровождении стражников»; «Искусственное оживление произведено железной дорогой, и всякая новая комбинация в этом направлении бесповоротно убьет Пермь» [12, с. 244; с. 160]. Атмосфера погруженного в сон города здесь настолько органична и естественна, что любые инструменты «оживления» представляются враждебными и разрушительными, даже если являются признаками технического прогресса и усложнения городской структуры. Удачно вписывается в этот контекст и замечание нарком просвещения А.В. Луначарского, сделанного значительно позднее в хирургической клинике Перми: «Я бы здесь поболел» [8]. Несмотря на тот факт, что высказывание связано с конкретным медицинским учреждением, оно очень созвучно атмосфере отсутствия движения, городу, который словно стоит «на паузе».

Замедленность, так активно отмечаемая авторами, проявляется в том числе и в самом процессе развития города из менее представительного населенного пункта: ««Это было не царство, как Казань и Астрахань, не княжеский удельный город, даже не слобода, которая, распространяясь заставила посадить в себя воеводу; это было пустое место, которому лет за двадцать перед тем велено быть губернским городом, и оно послушалось, но только медленно» [12, с. 22].

Анализируя ответы современных жителей Перми, можно выявить заметную эмоциональную параллель, а также подтверждение того, что та самая медлительность развития, о которой было сказано выше, имела место: «...у нас вообще очень много таких совершенно мертвых пустырей»; «...в городе на удивление все очень замедленно. Нет вот этого ощущения, как в Москве или даже в Екатеринбурге, где все куда-то бегут и все очень заняты»; «Пермь очень спокойная. Здесь время как-то по-другому движется» (Инт. 3; Инт. 5; Инт. 10). Таким образом, если опираться на тезис Г. Зиммеля, Пермь по шкале психологических условий и повседневного уровня впечатлений находится ближе к деревне, чем к большому городу, причем это было свойственно ей как в конце XIX в., так и в настоящее время. Кроме того, прослеживается и достаточно четкий образ пустоты, некоего места, приготовленного для чего-то – действия или объекта, – однако так и застывшего в своей незавершенности.

Помимо составляющей, связанной с повышенной нервностью жизни, Г. Зиммель также отмечает, что большим городам больше свойственна рассудочность, тогда как малый город отличается чувственностью, проявлением души. Он указывает, что это связано с существованием в больших городах центров денежного хозяйства и, как следствие, преобладанию деловых отношений. «Нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие» [3, с. 5]. Поскольку предыдущий аспект, отличающий большой город, применительно к Перми оказался недостаточно актуальным, мы также обращали внимание на то, как авторы и респонденты характеризовали взаимоотношения в контексте города.

П.И. Мельников-Печерский, побывав в Перми в 1842 г., писал: «...я заметил, что жители ее более, нежели жители прочей России, сохранили в себе русского духа. Они гостеприимны, радушны» [12, с. 39]. Чуть меньше двух веков спустя мы встречаем тот же образ в описании жителями самих себя: «...мне кажется, пермяки очень отличаются доброжелательностью. Да, конечно, как и все жители российских городов мы можем быть мрачными. У Горлановой даже было "В Перми люди едут на работу с такими лицами, словно уже от-

пахали". Но мы очень эмпатичные и добродушные» (Инт. 3). Кроме того, самым популярным высказыванием, дословно цитируемым большинством респондентов, оказалась фраза: «Пермь – это большая деревня» (Инт. 2; 5; 7; 9; 15; 19; 20). Подобное точное воспроизведение свидетельствует о том, что это устойчивое выражение, сложившееся в данной культурной среде и являющееся неотъемлемой частью образа города. Это уже второй случай выявленных нами практик именования, позволяющих проследить значимые смыслы. В данном случае интересен тот факт, что в первом случае – с эспланадой – мы видим позицию, для которой крайне важно позиционирование Перми как большого города. В другом случае коллективного самопроектирования со стороны обычных жителей прослеживается тенденция, не лишенная самоиронии: «...можно сколько угодно гордиться, что Пермь – город-миллионник, но при этом в соцсетях кого-нибудь добавишь – у тебя с ним, оказывается, 50 общих друзей. Мне каждый раз кажется, что вот это был последний незнакомый человек»; «у нас ведь все друг друга знают. Очень легко стать широко известным в узких кругах»; «...по улице идешь – обязательно кучу знакомых встретишь. Самое любопытное, что и незнакомых знакомых тоже: я даже если лично не знаком, внешне как будто весь город знаю. Первый парень на деревне, а в деревне два двора» (Инт. 9; Инт. 15; Инт. 20).

Таким образом, можно сделать вывод, что Пермь является сложным сопряжением большого города и деревни, которое проявляется не только в территориальном диссонансе плотного развитого центра и весьма обширных, словно вымерших, районов, но и в превалировании душевных и эмоциональных взаимосвязей над сухими деловыми отношениями, несмотря на тот факт, что в городе с миллионным населением это невозможно. В этом контексте крайне интересно замечание одного из респондентов: «...в таком протяженном городе большинству людей приходится полтора-два часа проводить в общественном транспорте, потому что живут они в отдаленном тихом районе, а на работу ездят в центр. И это только в одну сторону! Ты как будто из одного мира едешь в другой» (Инт. 7). В этом высказывании чувствуется явное противопоставление: люди словно ездят в «большой город» на работу, а потом возвращаются в свою «деревню», однако в случае Перми ситуация разворачивается внутри одного города. Все это свидетельствует о том, что местные жители активно участвуют в конструировании эмоционального образа города.

После того, как мы определили черты образа Перми (город, под которым скрывается «большая деревня»), перейдем к более детальному рассмотрению его визуальной составляющей. Практически любое описание Перми, будь это путевой очерк или интервью, начинается с упоминания реки Камы: «Первое впечатление, которое делает Кама, когда въезжаешь в нее из Волги – это ее ширь и многоводие, низкий нагорный берег выделяет еще более ее ширину, а быстрое течение, полное отсутствие мелей делает реку особенно плавною. <...> Местами река делает такие глубокие заливы, такие причудливые размахи, что, кажется, точно плывешь посреди озера. В этой массе воды, безраздельно повсюду царящей, есть что-то величественное» [12, с. 211; 213]. Даже М.М. Сперанский, отбывавший в Перми ссылку с 1812 по 1814 г., и описывающий свое пребывание здесь как «из всех горестных моих приключений <...> самое горестное», жалел, что не может «с собою увезти в кармане Каму» [8]. Ф.Ф. Вигель, описывающий Пермь в сравнении с Екатеринбургом как «мальчика», тем не менее, писал: «Но что она (Вятка. – А.М.) в сравнении с Камой, с этим образчиком рек зауральских! Всем она взяла сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в нее впадает» [12, с. 22]. В воспоминаниях Е.Ф. Шмурло можно отметить уже хорошо знакомые нам характерные эпитеты: «Это мощный титан, спокойный в сознании собственного величия»; «Здесь нет места

ни изяществу, ни улыбке, ни красе; эта декорация не гармонировала бы с основным характером картины, а только опошילה бы ее. <...> пустынный размах водяного царя» [12, с. 214; 215]. Вполне возможно, что отсутствие суеты и всепоглощающее спокойствие Пермь переняла от Камы, и именно образ реки становится фундаментом формирования образа города.

Для местных жителей Кама является особым предметом гордости, что отражено в достаточно конкретных ассоциациях с морем: *«рядом с городом настолько могучая река, что он вполне может называться приморским»*; *«...Камское море опять же»* (Инт. 15; Инт. 20). Наиболее ярким и смыслообразующим оказалось более метафоричное высказывание: *«Кама – она как рамочка. Иногда картину необходимо поместить в дорожную раму. Не в том смысле, что картина плоха. Просто пока пустовата»* (Инт. 3). Помимо того, что наблюдается единство восприятия Камы как ключевой достопримечательности и визуальной доминанты с точки зрения и гостей, и жителей, здесь вновь прослеживается лейтмотив пустоты и незавершенности города.

Особенно говорящим в высказывании Е.Ф. Шмурло является слово «декорация», если вернуться к идее В.Л. Глазычева о городе как системе кулис. Любая система кулис так или иначе работает на один общий спектакль, который и формирует образ каждого города, в том числе и эмоциональный. Как показал вышеизложенный анализ, в системе кулис Перми отсутствует типичная для любого закулисья – действительного или метафорического – суета, что уже говорит о нетипичности ситуации.

Любой спектакль направлен, в первую очередь, на зрителя, по этой причине необходимо, помимо общих характеристик, отследить самое первое впечатление людей, посетивших город. Ф.Ф. Вигель пишет: *«Въехав в Пермь, особенно при темноте, некоторое время почитали мы себя в поле: не было тогда города, где бы улицы были шире и дома ниже»* [12, с. 22]. Для начала XIX в. ситуация достаточно объяснимая и спустя полвека особенно не меняется: *«На улицах выстроены дома на довольно большом расстоянии один от другого; в переулках же (исключая только двух) – нет ни одного дома. Поэтому с первого взгляда Пермь представляется городом обширным»* [12, с. 77]. Тем не менее, в одном из интервью встречаем подтверждение того, что в какой-то степени тенденция сохранилась и по сей день: *«...я когда из других городов возвращаюсь, у меня всегда ощущение, что в Перми легче дышится. Здесь город не так давит со всех сторон, больше пространства»* (Инт. 9).

Геометрия построения городского пространства имеет также одно значимое отличие как с точки зрения гостей, так и с точки зрения местных жителей: исключительно четкая сетка улиц. *«Он выстроен правильно, можно сказать, правильнее Нью-Йорка: ровные, большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц и переулков бросаются в глаза при первом взгляде каждому приезжему и вместе с тем свидетельствуют о недавнем основании этого города»* [12, с. 41]. Основной частью генерального плана города, составленного архитектором И.М. Лемом в 1784 г., является градоформирующая ось Камы, ориентируясь на которую (а не на местный рельеф) и были проложены улицы. Стоит отметить, что данная структура города служит для пермяков не меньшим предметом гордости, чем Кама: *«Пермь – очень геометричный город. У нас улицы расчерчены строго под прямым углом. Как в Нью-Йорке, кстати»* (Инт. 20). Однако амбициозная структурная ассоциация с Нью-Йорком, как показывает дальнейший анализ, является лишь видимостью и продолжает идею «потемкинской деревни».

«Я взглянул на Пермь: налево стояло красивое здание Александровской больницы; богатая чугунная решетка, окружавшая это здание, еще более увеличивала красоту его. Взглянув на этот дом, я подумал, что Пермь, должно быть, очень красивый город, но впоследствии

узнал, что это здание точно так же, как и здание училища детей канцелярских служащих, находящееся у Сибирской заставы, были не больше как хитрость пермских жителей, выстроивших такие дома у заставы для того, чтобы с первого взгляда поразить приезжего красотой и отвлечь внимание его от прочего строения, весьма незатейливого» [12, с. 41]. В приведенных ранее цитатах мы уже встречали упоминания о том, что Пермь особенно красива при взгляде с реки, однако дальнейшие описания тех же людей резко меняли эмоциональную окраску, в которой явно прослеживалось разочарование. П.И. Небольсин в «Заметках на пути из Петербурга в Барнаул» уделяет этому контрасту особое внимание: «Что за прелестный город Пермь, когда в него въезжаешь. Во-первых – застава: это два высокие столба, соединенные между собою чугуною цепью, под которой может пройти, не наклоняясь, сам Колосс-Родосский. На вершинах этих столбов сидит по орлу, а у подножия стоит по медведю; чрезвычайно-живописно! К заставе прилегает обширный луг, окаймленный длинным бульваром: это тоже эффектно. С противоположной стороны стоят красивые здания, стройным рядом вытянувшиеся в линию и рекомендуемая собою прочим своим братьям, размещенных внутри самого города. Богатая чугунная решетка больницы, выстроенной с большим вкусом, явно говорит о наклонности Пермтян или Пермич (автор именует так жителей Перми и не использует слово «пермяки», чтобы отличить их от коми-пермяков. – А.М.) к изящному. Первое впечатление, производимое первым шагом в Пермь, действительно возрождает надежды видеть чем дальше, тем лучшие здания. Но... Что за противоположное этому впечатление вселяет город Пермь, когда в него въедешь!» [12, с. 83].

Похожим образом описывают данную ситуацию местные жители: «Какой-то четкой организованной структуры застройки города дальше центра нет. Видно, что город рос и развивался постепенно. Но с железнодорожного вокзала открывается совсем другая картинка: мы почти сразу попадаем на главную улицу города, являющуюся визитной карточкой Перми, ее туристическим центром. Фасады домов здесь в хорошем состоянии, хорошо освещены улица, присутствует архитектурная подсветка значимых зданий. Все ярко и красиво» (Инт. 19). Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем ту же картину: вид, открывающийся из двух ключевых точек прибытия в Пермь – порт и вокзал, – также работает на образ «декорации», в большей степени ориентирующий на Другого, (здесь необходимо отметить, что мы не берем в расчет прибытие в Пермь на самолете по той причине, что, во-первых, только виды транспорта с более долгой историей позволяют провести необходимую нам ретроспективу впечатлений, а во-вторых, аэропорты, вне зависимости от населенного пункта, всегда располагаются за его пределами, что не позволяет реагировать на город сразу по прибытии). Основной доминантой этой декорации является улица Ленина, практически вплотную подходящая к железнодорожному вокзалу Перми. Как следствие, любой общественный транспорт или автомобиль, отъезжий от него, неизменно попадает на образцово-показательно благоустроенную улицу, играющую главную роль в городской сценографии, что подтверждает в своей работе В.Л. Глазычев: «Ради чего была пробита и обустроена главная улица? Это театральная протянутая кулиса, устроенная ради шествия, и исключительно ради этого, потому что утилитарной потребности в главной улице нет никакой» [1]. Кроме того, еще одним смыслообразующим фактором является сама идея прокладывания в крупных городах главной магистрали к железнодорожному вокзалу: эта тенденция берет начало в середине XIX в. в Париже при префекте Ж. Османе, что объясняется интенсивным развитием железнодорожного строительства [2, с. 35]. Т. е. за визуальными эффектами, которые оставили у гостей и респондентов эмоциональный отпечаток, стоит продуманная система заимствований у городов с наиболее яркими сложившимися образами – Нью-Йорк и Париж.

Отдельного внимания в воспоминаниях и интервью удостоилась электрификация города. А.И. Фирсов писал о том, что ни в одном городе не видел такого количества фонарей на улицах и «вообще пермяки питают слабость к электричеству: они осветили им не только собор, но и все приходские церкви, а в домах поместили более чем необходимо электрических лампочек» [12, с. 264]. Особенно впечатляет это замечание с учетом того, что сделано оно в 1907 г. Как показали интервью, в 2024 г. пермяки все так же равнодушны к электричеству: *«Мне кажется, у нас очень много подсветки: точечной, архитектурной, декоративной»; «...а в темное время суток подключаются различные малые архитектурные формы с декоративным освещением. Создается ощущение праздника»* (Инт. 9; Инт. 15). С учетом уже сформированного выше образа пустой и неживой Перми данные цитаты можно интерпретировать как целенаправленную попытку скорректировать застывшую повседневность за счет типично праздничных атрибутов.

Заключение

Можно сделать вывод, что образ Перми, конструируемый местными жителями, имеет значительное количество смысловых пересечений с тем образом, что формируется людьми, его посещающими, причем они (пересечения) актуальны на протяжении последних двух веков. Визуальный контраст между центральной и остальной частью города, характеризующийся степенью благоустройства, общей динамикой и пространственной организацией, созвучен эмоциональному диссонансу, возникающему при их непосредственном восприятии. В наибольшей степени на формирование эмоционального образа влияют ключевые городские доминанты – вид на город с Камы и центральная улица, – которые, выступая в качестве убедительных декораций, создают эффект ожидания «спектакля» в заданной системе кулис. Поскольку указанные доминанты располагаются на пересечении с транспортными артериями (р. Кама, железнодорожные пути), можно утверждать, что предчувствие спектакля как состояние сориентировано на Другого, т. е. в данном контексте на гостя города. По мере погружения гостя в городскую среду это ожидание не оправдывается, что усиливает ощущение пустоты, подкрепляемое специфической пространственной организацией, и вызывает разочарование. Однако, ввиду отсутствия в Перми бездушия большого города, по Г. Зиммелю, как составляющей психологической, и активной роли светового дизайна как составляющей визуальной, отрицательные эмоции сглаживаются, оставляя ощущение вечно сияющей декорации и оттого возможности спектакля в будущем. Вероятно, именно отзвуки образа готового к действию пространства отразились в концепции логотипа Пермь-300, работающего по словам авторов «по принципу контейнера» [10, с. 421].

Таким образом, в эмоциональном мире пермяков обнаруживается рецепция колониального сознания, свойственного столичным жителям. Человек пермский – человек разочарованный, и потому – человек, скучающий по воображаемому городу больших перспектив и открытых возможностей.

Библиографический список

1. Глазычев В.Л. Город на все времена (из личного архива) [Электронный ресурс]. URL: https://www.glazychev.ru/habitations&cities/1998_gorod_na_vse_vremena.htm (дата обращения: 08.12.2024).
2. Григорьева Е.А. «Османизация» Парижа и ее социальные последствия // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 1. С. 25–40. EDN: FYOZRD
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Журнал «Логос». 2002. № 3-4. С. 1–12.
4. История городской эспланады в фотографиях Государственного архива Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archive.perm.ru/about/news/the-history-of-the>

city-the-esplanade-in-photos-of-the-state-archive-of-perm-region/?special_version=Y (дата обращения: 13.12.2024).

5. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с. DOI: 10.1126/science.301.5630.145a ISBN: 5-89357-145-2 EDN: QXGGCB

6. Лейбович О.Л., Шушкова Н.В. «Индивид глазеющий» в пространстве постсоветского города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 6. С. 38–49. EDN: SCMUON

7. Лысенко О.В. Последствия Пермского культурного проекта (по материалам социологических исследований). Статья первая // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 1(105). С. 219–239. EDN: VVTVMF

8. Мельчакова О.А. Город мой Пермь глазами знаменитостей и обывателей, предков и современников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=gorod-moj-perm-glazami-znamenitostej-i-obyvatelej-predkov-i-sovremennikov> (дата обращения: 14.12.2024).

9. Мертон Р., Фiske М., Кендалл П. Фокусированное интервью / пер. с англ. Т.Н. Федоровской; под ред. С.А. Белановского [Электронный ресурс]. URL: <http://socioline.ru/pages/rmerton-mfiske-pkendall-fokusirovannoe-intervyu> (дата обращения: 13.12.2024).

10. Назукина М.В. Трехсотлетие Перми как элемент политики идентичности // Историческая этнология. 2024. № 3. С. 413–427. DOI: 10.22378/he.2024-9-3.413-427 EDN: KBICWG

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 4-е. стереотип. М.: АЗЪ, 1997. 768 с.

12. По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Красноперова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. 297 с.

Список интервью

Интервью 2: женщина, архитектор.

Интервью 3: мужчина, член Союза художников.

Интервью 5: мужчина, организатор культурных проектов.

Интервью 7: женщина, менеджер в сфере культуры.

Интервью 9: мужчина, доцент, сотрудник вуза.

Интервью 10: женщина, кандидат наук, сотрудник вуза.

Интервью 15: женщина, дизайнер.

Интервью 19: мужчина, солист Пермского театра оперы и балета.

Интервью 20: мужчина, кандидат наук, сотрудник вуза.

УДК 316.72+394

EDN MOPMXG

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-45-57

Лысенко Олег Владиславович,

кандидат социологических наук, доцент,

доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

oleg-lysenko@yandex.ru

Scopus AuthorID:

ORCID: 0000-0003-2605-9126

SPIN-код: 1429-7480

Самсонова Анастасия Дмитриевна,

старший преподаватель кафедры культурологии,

музыковедения и музыкального образования

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь ул. Сибирская, 24

samsonova_ad@pspu.ru

Scopus AuthorID:

SPIN-код: 7417-1213

ЭМОЦИИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению роли эмоций в конструировании территориальной идентичности. Вначале авторы рассматривают проблему социологической интерпретации понятий «чувства» и «эмоции», выясняют соотношения эмоциональной и когнитивной сфер в сознании человека и доказывают применимость теоретических схем интерпретации понятий «нация» и «этнос» к территориальным сообществам и территориальной идентичности. Затем авторы показывают на примере теоретического (умозрительного) эксперимента, как чувства и эмоции участвуют в процессах возникновения и развития территориальных сообществ, эволюционируя от нейтрального, «нулевого» уровня эмоциональной связи к устойчивому чувству солидарности. Среди инструментов формирования территориальных идентичностей и чувственно-эмоциональных переживаний, их сопровождающих, авторы обращают особое внимание на языковые практики, историческую память и административные границы территорий, рассматривая при этом взаимодействие процессов конструирования территориальных сообществ в контексте национального государства. Завершается статья отдельным рассмотрением роли медиаисточников (кинематографа, телевидения, видеоконтента в социальных сетях и мессенджерах) в процессах формирования территориальной идентичности и эмоций, их сопровождающих.

Ключевые слова: территориальная идентичность, городская идентичность, историческая память, языковые практики, инструменты формирования территориальной идентичности, чувства, эмоции. Пермь, Пермский край.

Ссылка для цитирования: Лысенко О.В., Самсонова А.Д. Эмоции как составная часть городской идентичности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 45–57. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-45-57>. EDN MOPMXG

Oleg V. Lisenko,

PhD of Sociological, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Cultural Studies and Social Humanities Technologies
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
oleg-lysenko@yandex.ru
Scopus AuthorID:
ORCID: 0000-0003-2605-9126
SPIN-code: 1429-7480

Anastasiya D. Samsonova,

Senior Lecturer at the Department
of Cultural Studies, Musicology and Music Education
Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya St., Perm, 614990
samsonova_ad@pspu.ru
Scopus AuthorID:
SPIN-code: 7417-1213

EMOTIONS AS A COMPONENT OF TERRITORIAL IDENTITY

The article examines the role of emotions in the construction of territorial identity. Initially, the authors consider the problem of sociological interpretation of the concepts of “feelings” and “emotions”, clarify the relationship between the emotional and cognitive spheres in human consciousness, and prove the applicability of theoretical schemes for interpreting the concepts of “nation” and “ethnos” to territorial communities and territorial identity. The authors then demonstrate through a theoretical (speculative) experiment how feelings and emotions participate in the processes of emergence and development of territorial communities, evolving from a neutral, “zero” level of emotional connection to a stable sense of solidarity. Among the tools for forming territorial identities and the affective-emotional experiences that accompany them, the authors pay special attention to linguistic practices, historical memory, and administrative territorial boundaries, while examining the interaction of processes of constructing territorial communities in the context of the nation-state. The article concludes with a separate consideration of the role of media sources (cinema, television, video content on social networks and messengers) in the processes of forming territorial identity and the emotions that accompany them.

Keywords: territorial identity, urban identity, historical memory, linguistic practices, tools for forming territorial identity, feelings, emotions. Perm, Perm Krai.

For citation: Lisenko O.V, Samsonova A.D. [Emotions as a component of territorial identity]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 45–57 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-45-57>, EDN MOPMXG

Введение

Даже беглый взгляд на историю употребления термина «идентичность» за последние 20–30 лет показывает широкий спектр самых разнообразных смыслов, вкладываемых в него. Жанр статьи плохо подходит для описания всех перипетий употребления этого понятия, поэтому ограничимся указанием на два самых важных, на наш взгляд, момента.

Во-первых, чаще всего авторы прибегают к понятию идентичности при описании наций и этносов. Самые известные и самые глубокие работы, оперирующие понятием идентичности (например, «Нации и национализм» Э. Геллнера [8], «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона [2], «Этничность без групп» Р. Брубейкера [6], «Нации и национализм» Э. Хобсбаума [19], «Смыслы социальной жизни. Культурсоциология» Дж. Александера [1] и проч.), посвящены процессам конструирования именно этих социокультурных феноменов. В ходе изучения наций был разработан обширный методологический аппарат, предложены убедительные схемы анализа и объяснения того, как возникает и действует национальная и этническая идентичность. Возникает вопрос, насколько методологические приемы работы с понятиями национальной и этнической идентичности применимы к другим видам социальных идентичностей, вправе ли мы заимствовать теоретические находки из одной сферы исследований для использования в смежных сферах.

Во-вторых, понятие идентичности сегодня вышло далеко за пределы научного поля, превратилось, пользуясь словами Р. Брубейкера и Ф. Купера, из категории анализа в категорию практики, на основании чего последние даже отказывают термину в пригодности для использования в аналитических целях. Впрочем, речь в работе этих авторов идет скорее о переосмыслении онтологического статуса понятия на гносеологический в том смысле, что идентичность отныне необходимо рассматривать как способ осмысления повседневных практик коллективных и индивидуальных агентов, как элемент габитуса (в понимании П. Бурдьё), а не социальной действительности. Такое понимание идентичности лежит в основе так называемого когнитивного поворота в социальных науках [10], видящего социальную жизнь как сферу, управляемую не «объективными» социальными законами, а коллективными представлениями, создаваемыми, в первую очередь, благодаря «символическому насилию» групп и институтов, находящихся во власти. Однако само название «когнитивный поворот» подталкивает исследователей к другой крайности – сосредотачиваться на когнитивной составляющей, оставляя без должного внимания эмоциональную составляющую общественной жизни. Поэтому второй вопрос, который мы ставим перед собой, – как именно участвуют эмоции в формировании идентичности, насколько велика их роль, и что, в конечном счете, первично в процессах идентификаций – когниции, т. е. смыслы, или эмоции, т. е. переживания.

Методологические рамки исследования роли эмоций в формировании территориальной идентичности

На первый поставленный вопрос мы даем утвердительный ответ: выработка любых форм социальных идентичностей происходит, вероятно, по схожим сценариям. Можно предложить два аналитических аргумента в пользу этой точки зрения.

Аргумент первый. Если мы трактуем и национальную, и территориальную идентичности как явления одного порядка, по необходимости мы должны признать возможность схожести их проявлений, источников и механизмов выработки. Назначение научного понятия – более или менее точно дать определение группе явлений, охарактеризовать то общее, что просматривается за многообразием единичного. И если национальная идентичность и идентичность территориальная отличаются друг от друга по сути, мы должны будем изобрести для них разные термины.

Аргумент второй. В инструментальных определениях национальной, этнической и территориальной идентичностей присутствует как минимум один общий признак – апелляция к

территории. Национальная идентичность складывается в границах государства, сущностным признаком которого является контролируемая территория, визуализированная картографией [2]. Этническая идентичность также чаще всего оказывается связанной с той или иной территорией, выступая «строительным материалом» для наций (особенно в рамках наций «крови и почвы») или играя роль маркера при формировании культурно-национальных регионов во многих федеральных государствах. В последние десятилетия связь этническо-национального с территорией укрепляется еще и процессами территориального брендинга, часто использующего этническую культуру для повышения привлекательности города и региона. Разумеется, эти аналитические аргументы нуждаются в дальнейшей верификации.

Ответ на второй вопрос не столь однозначен и потребует интервенции в смежные науки, прежде всего – в психологию и когнитивистику. Не чувствуя себя специалистами в этих сферах, мы ограничимся анализом только некоторых работ, посвященных проработке связи эмоций с социологической проблематикой, а именно социологической трактовке эмоций и связи эмоций с социальными смыслами, т. е. с когнитивной сферой.

Начнем с того, что у понятия эмоций в психологических науках определений не меньше, чем у понятия идентичности в социальных. Основная терминологическая трудность возникает в различении эмоций от других феноменов психической жизни – аффектов, чувств, настроений. В.И. Ильин сводит разнообразные решения этого вопроса к трем основным сценариям: «1) термины «чувство» и «эмоция» употребляются как синонимы; 2) соотношение данных понятий рассматривается на основе параметра видовое/родовое; 3) чувства и эмоции трактуются как самостоятельные психические явления [11]. Сам автор предпочитает третий подход как наиболее подходящий для социологического исследования. Он предлагает вслед за некоторыми авторами трактовать чувство как внутренний «бессознательный оценочный психофизиологический процесс», протекающий в психике человека, а эмоцию – как «внешнее, поддающееся наблюдению, проявление чувств, часто имеющих скрытый характер». Ссылаясь на работы А. Хохшильд, Г. Шульце, Дж. Пайна и Дж. Гилмора В.И. Ильин показывает, что природа чувств двояка: с одной стороны, по крайней мере часть из них первичны по отношению к обществу и культуре (злость, страх, удивление, печаль, отвращение и радость), с другой – общество предписывает своим членам необходимость испытывать те или иные чувства в определенных ситуациях, воздействуя «мягкими» инструментами через «азбуку чувств», в которой прописаны правила их переживания в разных ситуациях и в соответствии с исполняемой социальной ролью. При этом проконтролировать исполнение таких правил практически невозможно. Напротив, эмоции, т. е. проявление чувств, контролируются достаточно эффективно, они явлены всем окружающим, а потому становятся социальными фактами.

Аналогично решается вопрос о соотношении чувственно-эмоциональной и когнитивной сфер. По мнению И.А. Солодиловой, в настоящее время существуют следующие подходы к решению этой проблемы: 1) чувственно-эмоциональная и когнитивная сферы являются автономными и не пересекающимися системами; 2) когнитивные компоненты определяют и моделируют чувственно-эмоциональные состояния и процессы; 3) чувственно-эмоциональные компоненты определяют и моделируют когнитивное; 4) обе сферы основаны на общих принципах и потому не могут быть четко разделены; 5) «эмоциональное и когнитивное представляют собой две различные системы, которые, однако, работают не независимо друг от друга, а обнаруживают взаимодействие разного рода, основываясь на одних и тех же фундаментальных принципах» [16]. Последний подход автор признает наиболее адекватным и,

ссылаясь на работы М. Шварц-Фризель, выделяет особую роль чувственно-эмоциональной сферы в таких когнитивных процессах, как понимание эмоций других людей, выражение собственных чувств и в производство оценок окружающего мира.

Определение эмоций как социальных фактов, возникающих на базе чувств, и признание включенности чувственно-эмоционального элемента в когнитивный образ мира позволяет нам перейти к ответу на вопрос, какую роль играют чувства и эмоции в формировании территориальной (в том числе городской) идентичности.

Чувства и эмоции в процессе конструирования территориальной идентичности

Рассмотрение места чувств и эмоций в процессах территориальной идентификации возможно двумя способами: в рамках теоретической (умозрительной) схемы образования территориальных сообществ и в контексте реальных социальных процессов, по аналогии с процессами формирования идентичности наций. Первый способ поможет нам проследить динамику и роль чувств и эмоций при формировании сообществ, второй позволит сосредоточить внимание на инструментах формирования идентичностей. Мы используем оба способа.

Место эмоций в процессе формирования территориальных сообществ: общая схема

Примеры создания новых территориальных обществ «с нуля» в истории редки, если вообще встречаются. Даже если рассматривать ситуацию первых поселенцев на пустых землях, мы столкнемся с влиянием прежних национальных, этнических или территориальных сообществ. Поэтому описание общей схемы работы эмоций в процессе формирования территориальной идентичности возможно только в рамках мысленного эксперимента.

Предположим, речь идет о группе людей, не знакомых друг с другом ранее и волею случая оказавшихся на необитаемом острове¹. Скорее всего, точкой отсчета формирования идентичности этого сообщества станут обстоятельства попадания на остров, особенно если они были травматичными (согласно теории П. Штомпки [21]). Чтобы не усложнять наши рассуждения, вынесем эти обстоятельства за скобки. Трудно сказать, сколько времени понадобится этим людям на формирование новой общности, но можно утверждать, что это произойдет не сразу, это произойдет практически неизбежно, и это произойдет на основании отождествления себя с данной местностью и друг с другом.

Нулевой, начальный этап формирования новой территориальной общности будет характеризоваться нулевым уровнем эмоциональных связей и предельной атомизированностью (напомним, они друг друга не знают, равно как им не знаком остров). Но рано или поздно схожие условия жизни, схожие проблемы и переживания станут почвой для общения, а затем и для выработки общих практик (как это видели П. Бергер и Т. Лукман в своих рассуждениях о генезисе социальных институтов) и правил поведения. Институционализируясь, практики и правила приобретают легитимацию и воплощаются в сакральные ритуалы, а участие в последних, по Э. Дюркгейму [9], усиливает общие переживания и приводит к формированию чувства солидарности между членами сообщества.

Параллельно с формированием групповой идентичности в таком сообществе будет укрепляться и эмоционально-когнитивная связь с местностью. Необходимость выстраивания коммуникации ради решения практических задач неизбежно порождает языковые игры, частью которых в новой местности должен быть топографический нейминг, помогающий новому обществу преодолевать изначальное чувство чужбины, наделять те или иные части тер-

¹ Прием, разумеется, заимствован нами из бессмертного труда П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». См: [4].

ритории собственными смыслами, «присваивать» новую территорию и включать ее в свой жизненный мир. Одновременно наличие естественной границы среды обитания приводит к пониманию доступной территории как естественного, а значит законно занимаемого места обитания. Восприятие территории как присвоенного, доступного и законного участка пространства делает ее символом данного сообщества, «домом», обитание в котором наделяет индивидов статусом членов.

Будучи сформированным, территориальное сообщество будет поддерживать идентичность своих членов через постоянное воспроизводство языковых практик, ритуалов и институтов, актуализирующих чувства любви к «новой родине» и преданности новому сообществу в предписанных эмоциональных формах.

Таким образом, чувственно-эмоциональные переживания и связанная с эмоциями когнитивная работа, изначально иницилируемые необходимостью выживания, а впоследствии сложившимися обычаями и традициями, сами становятся практиками особого рода, которые мы назовем эмоционально-когнитивными. Далее будет интересно проанализировать, как они вырабатываются в реальных процессах конструирования территориальных сообществ.

Эмоционально-когнитивные практики и инструменты конструирования территориальной идентичности: «карта», «словарь», «музей»

Обобщение работ классиков конструктивистского подхода в области изучения наций позволяет выделить три основных инструмента конструирования «воображаемых обществ»: «карту», т. е. коллективные представления о территориальных границах, занимаемых сообществами, «словарь» – набор языковых средств выработки общей культуры и «музей» – т. е. историческую память. Опишем работу этих инструментов в ходе конструирования территориальных через оптику эмоционально-когнитивных практик.

Границы города или региона, вычерченные на бумаге или в Яндекс-картах, может и не обладают такой же яркой визуальностью и принудительной силой, как границы государственные [12], но их воздействие на повседневность общества не менее значимо. Они определяют право на доступность социальных благ, величину выплачиваемых налогов, наличие транспортной путей, престижность или, напротив, ущербность местоположения жилья и т. д. Властные полномочия также действуют в пределах границ территорий, делая местности «провинцией», а другие – «центрами». Ежедневные практики управления приучают чиновников, бюджетников, предпринимателей и силовиков чувствовать территориальные границы через необходимость сдавать отчеты, просить помощи или ездить на совещания в местные столицы, исподволь вырабатывая чувство «принадлежности» региону, городскому округу или муниципальному району. Злые языки могут назвать это «стокгольмским синдромом», но мы скажем иначе – это еще один путь выработки территориальной идентичности и даже локального патриотизма.

Еще более ярким примером работы условной «карты» являют собой вернакулярные районы, границы которых существуют прежде всего в сознании жителей территорий [14]. Иногда существование подобных районов используется для развития туризма, гражданской активности или девелоперских проектов, но ярче всего воздействие этого рода «карты» на территориальные (в данном случае микролокальные) идентичности в российских городах проявляется на примере криминализированных территориальных сообществ, возникающих в типичных «заводских слободах» или в спальных районах – печально известных казанских, екатеринбургских, подмосковных и прочих группировок [7, 14]. Эмоциональная составляющая подобного рода территориальных сообществ хорошо описана в публицистике и научных публикациях [2; 8].

Влияние локальных языков (условного «словаря») на формирование территориальной идентичности во многом аналогично влиянию национальных языков на появление наций: они обеспечивают эксклюзивную систему коммуникаций, понятную и эмоционально одобряемую прежде всего своими носителями. Но если государство проводит языковую политику через образование, СМИ и искусство, территории пользуются иными инструментами. Часто это диалектизмы, становящиеся яркими символами локальных и региональных сообществ. Уместно вспомнить кейс с публикацией в 2013 году в Перми сувенирного словаря «По-пермски говоря», включавшего около 300 пермских слов и выражений. Статья в известной онлайн-энциклопедии, посвященная этому изданию, указывает научного редактора и автора предисловия профессора И.А. Подюкова, известного исследователя пермских диалектов¹, но умалчивает об авторе идеи и непосредственном руководителе этого проекта – Е.Г. Трегубовой, что мы и спешим исправить в этой публикации. Тираж первого издания словаря разошелся мгновенно, впоследствии было допечатано еще несколько тиражей, а само издание получило престижные награды на федеральном и международном уровнях. Этот словарь стал эффективным инструментом актуализации чувства принадлежности к городу и региону: «После выхода в свет словаря “пермский язык” превратился в настоящий территориальный бренд – его начали отличать от прочих говоров даже неспециалисты, а сами пермяки теперь *гордятся* (курсив наш – О.Л., А.С.) своим уникальным “региолектом”», – говорится в статье одного интернет-издания².

Далее, к языковым (в широком смысле этого слова) инструментам выработки территориальной идентичности можно отнести геральдику и иные визуальные символы, призванные пробуждать у жителя территории чувства гордости, сопричастности или умиления в связи с территорией. Помимо гербов, к таковым можно отнести природные объекты – реки, горы, пещеры, камни (например, пермский селенит, иркутский чароит или ульяновский симбирцит); памятники людям и событиям, связанным с территорией; художественные промыслы (обнинская роспись, тавлинская игрушка, каслинское литье), арт-объекты («Красные человечки» в Перми), персонажей литературных и народных произведений (Хозяйка медной горы, байкальский Бродяга). Эмоциональный контекст восприятия такого рода символов заслуживает отдельного исследования с помощью средств семиотики, визуальной социологии и культурсоциологии. Пока же ограничимся двумя примерами из Сибири. В Иркутске официальный геральдический символ, благодаря курьезному историческому случаю получивший странное имя Бабр и не менее странный вид, сочетающий черты кошки и бобра, превратился почти в фольклорного персонажа, присутствующего в местной топонимике, туристических проспектах и постах блогеров³. Другой, еще более яркий пример – памятник А.П. Чехову в Томске, «глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего “Каштанку”». Он появился как самоироничный локальный ответ на нелюбимые воспоминания известного русского писателя о посещении города, отметившего местную скуку, пьянство, грязь.

Последний пример показывает, что роль ироничных чувств в формировании территориальной идентичности явно недооценена как в научных исследованиях, так и в прикладной

¹ По-пермски говоря. Пермь, 2013. URL: https://rusneb.ru/catalog/004034_000032_PEGUB-RU_Пермская+ГОУБ_0000108876/?ysclid=mcua2zk3d6843254297 (дата обращения: 02.06.2025).

² Там же.

³ Амосова Д. Мистическое животное на гербе Иркутска: кто такой бабр и где он живет. URL: https://travel.rambler.ru/local/47506984/?utm_content=travel_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.06.2025).

деятельности. Наиболее яркими примерами ироничного переосмысления официальных городских нарративов может выступать еще одна разновидность языковых практик – так называемая «народная» топонимика, не щадящая ни официальные символы (например – наименование сквера с памятником В.И. Ленину «У лысого»), ни вернакулярные сообщества (переименование официального наименования пермского микрорайона Закамска в «Зоокамск» или в «Замиссисипинск»).

Наконец, историческая память, ставшая в последние десятилетия предметом многочисленных научных и публицистических исследований, вносит свой неоценимый вклад в формирование чувственно-эмоциональных переживаний, связанных с территорией. На примере исторической памяти лучше всего виден сплав эмоционального и когнитивного компонентов в общей картине мира, поскольку историческая память, в отличие от исторической науки, по определению представляет собой эмоционально окрашенный образ прошлого, содержащий коллективные нарративы и оценочные суждения [17].

Как и в случае с литературным языком, государство обладает более значительными ресурсами, чем территориальные сообщества, чтобы утвердить в историческом массовом сознании прежде всего собственную версию памяти, нацеленную на нациостроительство. В государственной конструкции исторической памяти территориальным и локальным сообществам отводится место своеобразных «помощников» в деле укрепления государства и нации, что легко заметить в практиках официального закрепления за городами и территориями особого символического статуса – «город первых Советов» (Иваново), «родина Ильича» (Ульяновск), «окно в Европу» и «колыбель революции» (Санкт-Петербург), «Опорный край державы» (Урал). Историческая память локальных сообществ, в свою очередь, может строиться либо на принятии правил этой игры, либо на выработке собственных исторических нарративов, имеющих альтернативное по отношению к официальному историческому нарративу содержание. Ярким примером подобного рода альтернативного творчества являются романы и публицистика Алексея Иванова, посвященные Перми и Пермскому краю («Сердце Пармы»), Екатеринбургу («Ё-бург»), Тобольску (Тобол), а также деятельность представителей «пермистики» – своеобразного объединения, творившие «мифы идентичности 1990-х – 2000-х гг.» [22].

Разумеется, это далеко не полный список инструментов формирования территориальных идентичностей и чувственно-эмоциональных переживаний, с ними связанных. Таковым может стать едва ли не любая культурная форма, если она будет подана через оптику специфического локального содержания. Для иллюстрации этого тезиса мы рассмотрим еще один инструмент формирования территориальных самотождествлений и эмоций, ярко проявившийся последние два десятилетия, – цифровые медиа.

Медиа: социальные сети, кино/сериалы и видеоконтент как источник формирования территориальной идентичности

Идея о том, что медиа играют одну из наиболее важных ролей в формировании идентичности (в том числе и территориальной), не вызывает сомнений. Но вопрос о том, как именно это происходит, останется не до конца понятным. Нас же интересует сам механизм – как и с помощью каких практик это происходит.

Как уже говорилось ранее, одной из характеристик идентичности является конструирование «воображаемых сообществ». Медиа, путем создания наиболее простого для декодирования формата контента, помогает людям, не знакомым друг с другом, почувствовать себя принадлежащими к общему пространству (и/или времени). Через создание визуального и

зачастую эмоционально окрашенного нарратива (трагические события, социальная несправедливость, дети/старики/животные), а также «вечных тем», медиа формируют самоидентификацию потребителя как участника, ведь каждый из нас может пережить подобные ситуации.

Еще в середине XX в. Г.М. Маклюэн сформулировал концепцию «глобальной деревни» [15], описывающую сообщество людей, объединенных электронными коммуникациями. Для такого рода коммуникации физическое расстояние не существенно, границы пространства-времени стираются, происходит сближение людей на основе общих интересов, ценностей. Можем предположить, что создание каналов, пабликов в социальных сетях, а также иного видеоконтента является иллюстрацией данной концепции. Пользователю часто интереснее наблюдать за контентом, созданным в той же локации, в которой он проживает, т. к. он узнает местность, людей, а иногда даже себя. В свою очередь, нарративы, транслируемые территориальными медиа, конструируют идентичность, рассказывая об общественной и культурной жизни. Здесь стоит отметить тот факт, что данные нарративы не всегда отражают реальность (хоть и максимально приближены к ней), а являются ее репрезентацией. Но этого хватает для того, чтобы сформировать представление о едином пространстве, необходимое для конструирования территориальной идентичности [13]. Рассмотрим, с помощью каких составляющих может конструироваться идентичность жителей определенной территории в медиа.

Во-первых, географическое пространство. Медиа отмечают различные точки на карте в своих материалах, рассказывая о новостных событиях, местах отдыха, фестивалях, кафе, ресторанах и т. д., тем самым определяют географическое положение сообщества. Кроме того, в текстах присутствуют топонимы, о которых мы ранее упоминали, они в свою очередь служат маркером «своего», а также объединяют читателя и автора контента – мы как будто говорим на «одном языке».

Во-вторых, акцент на культурном своеобразии. Своеобразие театральной, фестивальной, образовательной жизни заставляет жителя идентифицировать себя с определенной территорией. Для Перми данный аспект имеет особое значение, поскольку «Пермский культурный проект» даже спустя десятилетие после завершения остается актуальным нарративом в медиа. Стоит отметить, что не только позитивные нарративы работают на формирование территориальной идентичности, но вообще любые, вызывающие эмоции. Таковыми будут являться нарративы, имеющие негативные коннотации, например, упоминание в СМИ о затянувшемся строительстве пермского зоопарка всегда будет собирать множество откликов и становиться буквальной одной из черт образа города Перми. Еще эмоциональнее будут звучать трагические нарративы, транслируемые не только в местных СМИ, но и в федеральных.

Выбор кино- и видеопродукции как примера работы инструмента конструирования территориальной идентичности не случаен. Производство и потребление видеоконтента растет во всем мире, о чем свидетельствуют отчеты ведущих мировых и российских интернет-площадок, специализирующихся на этом виде медиапродукции (см.: ^{1 2 3}). Это легко объясняется, прежде всего, развитием доступности как производства, так потребления видеокон-

¹ Runube. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:RuTube_\(Путьюб\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:RuTube_(Путьюб)) (дата обращения: 02.06.2025).

² Сколько видео в день выкладывают на ютуб люди? А сколько смотрят? Метрика 2013 – 2023 и что это значит! URL: <https://vc.ru/id2166684/914446-ckolko-video-v-den-vykt> (дата обращения: 02.06.2025).

³ Онлайн-видео (мировой рынок). URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-видео_\(мировой_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-видео_(мировой_рынок)) (дата обращения: 02.06.2025).

тента благодаря распространению смартфонов и постоянному пополнению рядов интернет-пользователей. Записать видео сегодня проще, чем написать пост или создать картинку. Но нам также интересна и другая сторона этого явления – благодаря низкому порогу доступности производство видеоконтента стало удобной площадкой для самопрезентации агентов во всех сферах жизни, включая практики идентификации.

Весь объем кино- и видеопродукции можно разделить на несколько сегментов.

- Традиционное художественное кино. Этот вид медиапродукции развивается уже более 100 лет и по-прежнему закрывает значительный сегмент всего медиарынка. По понятным причинам, этот сегмент наиболее контролируем государством (напрямую, через субсидии и гранты, либо косвенно, через влияние на крупнейшие кинокомпании).

С точки зрения влияния на интересующие нас процессы конструирования идентичностей, этот вид медиапродукции чаще ориентирован на формирование общегражданской идентичности (в особенности при производстве патриотического кино), в чем особенно преуспела кинокомпания «ТриТэ» Н. Михалкова. Региональные сюжеты звучат в большом кино не часто, а если и берутся в качестве исходного материала, зачастую подвергаются переделке. Классический пример такого рода изменений – внесение в сценарий фильма «Сердце Пармы», снятого по роману А. Иванова, сцены с речью Ивана III, манифестирующего идею национального строительства: «Я хочу со всех князей шапки посшибать, все народы перемешать, чтоб по всем нашим землям от Смоленска до Чердыни не было бы чердынцев, тверяков, московитов, русинов, чудинов, а все были русские». Этот анахронизм в тексте романа отсутствует.

В некоторых фильмах в качестве «регионального» компонента могут выступать местные достопримечательности – архитектура или природа (например, Каменный Город – ландшафтный геоморфологический памятник природы регионального значения в фильме «Последний богатырь. Корень зла»). Но если это и работает на воспроизводство территориальной идентичности, то весьма ограниченно, в пределах относительно небольшого числа зрителей, способных его узнать на экране.

Пожалуй, одним из немногих примеров кино, работающего на конструирование территориальной идентичности, является якутский кинематограф, создавший более 150 художественных фильмов за последние 20 лет, многие из которых окупались в прокате [3]. Во многом это стало возможным благодаря финансовой и организационной поддержке со стороны региональных властей.

- Документальный кинематограф. В силу специфики (небольшие бюджеты, большое количество независимых режиссеров, отсутствие ориентации на прокатный успех) в документальном кино региональные сюжеты представлены чаще, чем в художественных фильмах. Часто в поисках интересной натуры документалисты активно эксплуатируют темы дикой природы, локальных «гениев места» или региональной, иногда городской истории. Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров документального кино, посвященного регионам, является минисериал «Хребет России», снятый Леонидом Парфеновым и Алексеем Ивановым в 2008–2009 гг. об Урале. Впрочем, других документальных фильмов, сходных по масштабу и качеству исполнения на аналогичную тематику, с тех пор не выходило. Поэтому мы вынуждены констатировать, что ввиду малой численности аудитории документальных фильмов в целом, и документальных фильмов на региональные темы влияние такого рода медиапродукции на процессы территориальной идентификации невелико.

- Телесериалы являются еще одним популярным видом видеоконтента, в котором могут присутствовать территориальные маркеры идентичности и которые могут оказать влияние на процессы конструирования территориальной идентичности. Большинство телевизионных сериалов, как и художественных кинофильмов, подобной тематикой не интересуются, но некоторые примеры доказывают, что при умелом подходе эксплуатация локальной специфики может оказаться весьма успешной. Прежде всего, это сериал «Реальные пацаны», с большим успехом стартовавший на телеканале ТНТ в 2010 г. Парадируя провинциальную «пацанскую» культуру и одновременно переводя ее в разряд глокализованных культурных продуктов, сериал сделал узнаваемым и пермский говор, и пермских артистов, и саму Пермь. На примере этого сериала можно проследить еще одно важное свойство наиболее значимых инструментов конструирования идентичностей: они лучше всего работают, обращаясь изначально не к местной аудитории, а к внешнему потребителю, формируя узнаваемый и принимаемый образ, который бумерангом возвращается чувством гордости и уникальности к местным жителям [5].

Примером такого рода поворота послужит рассказ об одном случае, услышанный авторами от непосредственного участника. В период наибольшей популярности сериала в Пермь приехала делегация молодых специалистов из одной добывающей компании в Сибири. Местная жительница, их коллега, сопровождала делегацию во время визита. После посещения всех «обязательных» для туристов и командировочных городских достопримечательностей она спросила гостей, чего еще они хотели бы увидеть. Гости ответили, что мечтают увидеть героев сериала. По стечению обстоятельств, девушка была знакома с исполнителями главных ролей, а сами актеры в этот момент действительно находились в Перми. Договорившись с последними по телефону о встрече, она решила разыграть приезжих, объяснив, что увидеть «пацанов можно», но «это не безопасно» и лучше ограничиться рассматриванием их из автобуса. В назначенное время делегация прибыла на условленное место, а актеры вышли на улицу. Насладившись в полной мере зрелищем фотографирования «пацанов» из-за стекла автобуса, рассказчица призналась в розыгрыше и повела гостей знакомится по настоящему. Рассказчик делился об этом с нескрываемым удовольствием.

Еще одним примером удачного продукта на региональном материале является сериал «Территория», снятый в жанре фолк-хоррора на основе коми-пермяцкого фольклора. Несмотря на смешанные отзывы критиков, этот сериал стал еще одним лидером по просмотрам в России в 2020 г.

- Туристические рекламные ролики, пожалуй, самый откровенный вид медиапродукции с точки зрения воздействия на чувства своих потребителей. Как и в случае с большими художественными картинами, они нацелены скорее на внешнего потребителя, но выступают важным подспорьем при контактах с Другими, когда чувство идентичности актуализируется, а индивид наиболее остро нуждается в дополнительном подкреплении чувства гордости за принадлежность к местному сообществу.

- Самым простым, но и самым распространенным видом видеопродукции о территориях в современном мире являются, наверное, видеоролики, снимаемые обычными туристами, а часто и самими местными жителями «на память». Они не всегда выкладываются в публичный доступ, они не рассчитаны на широкого зрителя и часто сняты самым незамысловатым образом. Но не стоит недооценивать их значение: согласно исследованиям в области современных цифровых коммуникаций, «как правило, мы читаем то, чем поделились наши друзья.

“Кто поделился” важнее, чем “какая газета написала”. Мы доверяем новости, если доверяем виртуальному другу» [18]. В этих малозаметных в публичном пространстве творениях смешаны и тяга к творческому самовыражению, и самопрезентация, и апелляция к коллективным чувствам. Рассылаемые миллионами и сотнями миллионов «кружки», ролики и просто фото той или иной местности, ее достопримечательностей и символов трудно поддаются учету и анализу. Но в одном можно не сомневаться – это низовой инструмент выработки чувств восхищения локальным и гордости за свою причастность к нему работает не хуже, если не лучше, чем самые изощренные операторы и режиссеры.

Заключение

В завершение хотелось бы подчеркнуть несколько идей, имеющих важное значение для дальнейших исследований в этой области.

Во-первых, всякая идентичность, и территориальная в том числе, представляет собой когнитивную конструкцию, построенную, с одной стороны, на индивидуальных чувствах, а с другой – на практиках, нарративах, классификациях и оценках, социальных по своему происхождению. Понятая таким образом идентичность становится предметом, при изучении которого могут сотрудничать такие разные отрасли социального знания, как социология эмоций, анализ социального пространства, социология власти и социология повседневности.

Во-вторых, идентичность, понимаемая как самоотождествление индивида с определенной воображаемой общностью, возникает в процессе участия индивида в разного рода практиках, не только дискурсивных и телесных, как утверждал М. Фуко, но и в практиках, которые мы можем назвать эмоциональными и когнитивными, т. е. в практиках по интериоризации, а иногда и доконструирования уже существующих социальных таксономий, включая определение своего места в предлагаемом социальном порядке. На первых этапах группообразования такие практики будут работать на конструирование идентичности. В рамках уже сложившегося сообщества они будут работать на ее поддержание и адаптацию к меняющемуся миру. Это утверждение верно и для территориальных сообществ.

В-третьих, понимание общей схемы участия чувственно-эмоциональных переживаний в процессах конструирования территориальных идентичностей, а также выделение основных инструментов конструирования эмоционально-когнитивного образа территории открывает нам путь к анализу многих конкретных кейсов, что и было показано на примере цифровых медиа в Перми и Пермском крае. Мы надеемся в дальнейшем продолжить эту тему на материалах эмпирических исследований.

Библиографический список

1. Александер Д. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Аргылов Н.А., Охлопкова У.В. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Меди@льманах. 2022. № 6(113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-i-razvitiya-regionalnogo-kino-v-rossii-yakutskiy-fenomen> (дата обращения: 02.06.2025). DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117 EDN: FAAWJA
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

5. Бочаров Т., Стивенсон С. Жизнь по понятиям: уличные группировки в России. М.: Страна ОЗ, 2017. 304 с.
6. Брубейкер Р. Этничность без групп. М: Издательский дом Высшей школы экономики (ВШЭ), 2012. 408 с.
7. Гараев Р. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х. М.: Individuum, 2020. 624 с.
8. Геллнер Э. Нации и национализм. М: Прогресс, 1991. 319 с.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. 256 с.
10. Завьялова М.П. Когнитивный «Поворот» в науке и философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2(18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-povorot-v-nauke-i-filosofii> (дата обращения: 01.06.2025). EDN: OYHZFT
11. Ильин В.И. «Чувства» и «Эмоции» как социологические категории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuvstva-i-emotsii-kak-sotsiologicheskie-kategorii> (дата обращения: 01.06.2025). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.402 EDN: YPVEHD
12. Ингольд Т. Линии: краткая история. М.: Ad Marginem, 2024. 245 с.
13. Каблуков Е.В. Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 3. С. 23–29. EDN: YKVTRJ
14. Казакова Г.М. Региональная идентичность, вернакулярный район и Российский «Низовой регионализм» // Вестник ЧГАКИ. 2016. № 4(48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-vernakulyarnyy-rayon-i-rossiyskiy-nizovoy-regionalizm> (дата обращения: 01.06.2025). EDN: XHNKXX
15. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2022. 443 с.
16. Солодилова И.А. К вопросу о соотношении понятий «Эмоция» и «Когниция» // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-emotsiya-i-kognitsiya> (дата обращения: 01.06.2025). EDN: JWRXKR
17. Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей: беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75–84. EDN: OBGSUZ
18. Хаусов Д.С. Цифровая личность как социологический документ: Шерлок Холмс и проблема метода // Социология. 2025. № 3. С. 6–14.
19. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 17080 года. М: Алетейя, 2017. 308 с.
20. Шашкин А.В., Салагаев А.Л. Деликвентные группировки в современной России: история возникновения и теоретические подходы к исследованию // Девиантное поведение: методология и методика исследования / под ред. М.Е. Поздняковой. М.: Реглант, 2004. С. 138–159. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1432&printmode> (дата обращения: 02.06.2025).
21. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования, 2001. № 1. С. 6–16.
22. Янковская Г.А. Молотовский коктейль для травмированного общества // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 2(19). С. 155–156.

УДК 316.72

EDN OAPFSW

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-58-66

Абашева Марина Петровна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий,
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
m.abasheva@gmail.com
SPIN-код: 2169-4629
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>
Researcher ID: P-8012-2016

Кайгородова Елизавета Александровна,
магистрант направления «Педагогическое образование»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15
kaigorodovaeliza@yandex.ru

ПОЭТЫ В ГОРОДЕ. МЕСТА И ДЕЙСТВИЯ

В статье представлены результаты исследования одного из городских сообществ Перми – неформального сообщества «Искусство поэзии требует слов!» (ИПТС), объединенного интересом к поэтическому творчеству. Задача работы – сделать подобные сообщества «видимыми» для научного описания, выявить их мотивацию, способы существования, особенности производства текстов и др. Городское сообщество рассматривается в традиции его понимания Р. Парком как связанное с пространством, но в большей степени – в контексте коммуникативной парадигмы социологии культуры. С помощью методик конкретно-ситуативного наблюдения, полуструктурированных и глубинных интервью, в соответствии с принципами социокультурного, антропологического, структурно-семиотического подходов авторами выявлены принципы самоидентификации группы, мотивации ее членов, тип сообщества, границы и социальные роли в нем, восприятие членами сообщества городского пространства, проанализированы создаваемые сообществом тексты. В предложенном кейсе, как показал анализ, проявились актуальные проблемы современной социально-культурной ситуации: трудности идентификации молодежных культур в городском социуме, поиск ими «третьего места» (термин Р. Ольденбурга) для досуга в городском пространстве, сложности взаимодействия с культурными институциями. Кроме того, выявлены новые функции поэтического сообщества в современном его бытовании: поэзия становится не столько словесным искусством, сколько видом перформанса, сообщество – местом эмоционального убежища, поэт – исполнителем, артистом. Авторы приходят к выводу о том, что такое поэтическое сообщество вслед за Б. Розенвейн можно назвать «эмоциональным сообществом».

Ключевые слова: социология культуры; городское сообщество; поэтическое объединение; городское пространство; эмоциональное сообщество.

Ссылка для цитирования: Абашева М.П., Кайгородова Е.А. Поэты в городе. Места и действия // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 58–66. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-58-66>. EDN OAPFSW

Marina P. Abasheva,

Doctor of Philology,

Professor in the Department of Cultural Studies and Social and Humanities-Based Technologies,

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15 Bukireva st., Perm, 614068

m.abasheva@gmail.com

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

Researcher ID: P-8012-2016

Elizaveta A. Kaigorodova,

Master' degree student of «Pedagogical Education»

Perm State University

15 Bukireva st., Perm, 614990

kaigorodovaeliza@yandex.ru

POETS IN THE CITY. LOCATIONS AND ACTIONS

The article presents the results of a study of one of Perm's urban communities, the informal IPTS community, united by an interest in poetic creativity. The aim of the work is to make such communities "visible" for scientific description, to identify their motivation, ways of existence, peculiarities of text production, etc. The urban community is considered in the tradition of its understanding by R. Park as connected with space, but to a greater extent in the context of the communicative paradigm of the sociology of culture. Using methods of specific situational observation, semi-formalized and in-depth interviews, in accordance with the principles of socio-cultural, anthropological, structural and semiotic approaches, the authors identified the principles of self-identification of the group, the motivation of its members, the type of community, boundaries and social roles in it, the perception of urban space by members of the community, analyzed the texts created by the community. In the proposed case, as the analysis showed, the actual problems of the modern socio-cultural situation appeared: the difficulties of identifying youth cultures in urban society, their search for a "third place" (the term R. Oldenburg) for leisure in urban space, the complexity of interaction with cultural institutions. In addition, new functions of the poetic community in its modern existence have been revealed: poetry is becoming not so much a verbal art as a kind of performance, the community is a place of emotional refuge, the poet is a performer, an artist. The authors conclude that such a poetic community, following B. Rosenwein, can be called an "emotional community."

Keywords: sociology of culture; urban community; poetic association; urban space; emotional community.

For citation: Abasheva M.P, Kaigorodova E.A. [Poets in the city. Locations and actions]. *Social'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 58–66 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-58-66>, EDN OAPFSW

Введение

В настоящей статье рассматривается деятельность одного из городских сообществ Перми – ИПТС. Неблагозвучное, на первый взгляд, название сообщества на самом деле представляет собой аббревиатуру, начальные буквы неполной первой строки из стихотворения И. Бродского «Конец прекрасной эпохи»: «искусство поэзии требует слов...». Сообще-

ство – молодежь 15–25 лет, объединенная интересом к поэтическому творчеству. На официальном сайте сообщества значится, что ИПТС – это прежде всего «самостоятельный проект, создающий культурное пространство в Перми, превратившийся в «творческое объединение молодых авторов» [<https://iptsperm.tilda.ws>].

Выбор объекта исследования обусловлен необходимостью изучать неформальные городские сообщества, существующие вне официального контроля, их мотивацию и формы активности. Кроме того, литературное сообщество ИПТС демонстрирует формы общественного поведения и творчества его членов, явно отличающиеся от тех, что исторически характерны для литературных групп, что проблематизирует существующие сегодня представления о литературных сообществах в частности.

Понятие «городское сообщество» претерпело в социологии культуры значительную эволюцию. От понимания городского сообщества как локального, соотнесенного с местом (так оно трактовалось в работах Чикагской школы социологии, в особенности у Р. Парка) ученые приходят к трактовкам сообщества с позиций антропологического анализа – в духе солидарности (Э. Дюркгейм), наличия у членов группы общих интересов. В философии это называют «совместностью» (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, П. Слотердаик). Ж.-Л. Нэнси писал: «Сообщество всегда существует в другом и для другого» [4, с. 66]. Перефразируя название статьи Р. Парка, можно сказать, что сегодня сообщество – в меньшей степени пространственная конфигурация, а в большей – моральный порядок [7].

Проблема связей в сообществе принимает новый характер с развитием Интернета, социальных сетей, когда «воображаемое сообщество» (термин Б. Андерсона) может существовать вне непосредственного контакта. Солидарность может проявляться на уровне интуитивного тяготения членов группы. Ф. Теннис писал об иррациональной воле участников к общению как «человеческом волении» [9, с. 342]. ИПТС объединяется, скорее всего, именно такой волей, при том, что объединение декларирует своей целью поэтическое и театральное творчество.

Литературные группы изучает социология литературы, накопившая немалый опыт в описании кружков, салонов, литературных объединений, – в работах Б.М. Эйхенбаума, П.Н. Сакулина, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова, М. Аронсона и С. Рейснер. Литературоведы описывают литературные связи участников объединений, их отношения с публикой, с властью, споры о литературе, зреющие в обсуждениях новые тексты. Однако в деятельности ИПТС нет характерной для кружков идеологии, нет свойственной для салонов публичности, нет необходимой в литературном поле, по терминологии П. Бурдье, «литературной борьбы» и даже осознания ценности собственных манифестаций (собственно литературных текстов) [1]. Очевидно, что мы имеем дело с нетрадиционными свойствами литературного сообщества и непривычными способами его существования в городском пространстве. Изучение этих новых форм бытования городского сообщества и стало предметом исследования в настоящей работе.

Методы и результаты

Для настоящего исследования привлечены инструменты как социологии литературы и культуры (в частности, теория литературного поля П. Бурдье), так и достижения социологов, философов, филологов в изучении городских сообществ и городских пространств. Кроме того, характер взаимоотношений в сообществе вызвал необходимость обратиться к современным концепциям в области истории эмоций – к работам У. Редди, Б. Розенвейн и др. Методики исследования, использованные в работе, – включенное и ситуативное наблюдение, полуструктурированные и глубинные интервью, изучение документов сообщества.

Характеристика городского сообщества

ИПТС существует с мая 2019 года (6 лет на момент интервью в апреле 2025 г.). Все это время (с 2019 по 2025 г.) перерывов в деятельности ИПТС практически не было. Сообщество в разные годы насчитывало разное количество участников (цифры колеблются от 30–50 до 100–150).

ИПТС – это личная инициатива Руфуса Раскольников (псевдоним). Ему 23 года, он имеет среднее профессиональное образование, в настоящий момент работает в банке, в продажах. В интервью он перечисляет цели своей инициативы: желание создавать события, *«где все вроде побеждают, все кайфанут»*; попытка найти друзей; попытка найти свое место, где тебя поймут, примут и не осудят. Состав сообщества текуч. В самом начале костяк ИПТС представляли поэты Яна Полевич, Григорий-Циклоп Васильев, Даша Сушками, Вася Поздеева, а также музыканты «Парочка в лаве» (Настя и Ариана) и т. д. Сейчас поэтов и музыкантов в сообществе гораздо больше. В их число входят поэты «Увтовы»: Кирилл Левин, Роман Городков, Эдера Бакунова, Александр Герцен, Екатерина Жигулевская, Андрей Сухоруков, Алексей Худяков, Света Некрасова, Мария Караулова, Анастасия Четверикова, Олеся Останина, музыканты Александра Литвинова, Антон Вареных, Хиганбана, Джелос и т. д. Также в группе есть волонтеры, помогающие с продажей билетов и с организацией мероприятий, – Лара Селезнева, Ярослава Сыромятникова. Есть активные зрители, посещающие ИПТС годами (например, девушка Амелия ходит в ИПТС с 12 лет). Некоторые из зрителей сами начинают писать стихи, присоединяются к группе.

Сначала к выступлению на встречах сообщества допускались любые желающие, но позже появились критерии отбора, которые перечисляет лидер сообщества: качество выступления претендента (может ли делать шоу – для поэтов); имеет вокальные данные и создает хорошее общее впечатление (для музыкантов). Руфус не отсеивает навсегда тех, кто *«плохо пишет»*. Он дает им шанс *«научиться писать и вернуться»*. Кроме того, для всех участников и зрителей главным требованием является «идеологическое» соответствие (Руфус избегает людей с серьезными проблемами (наркотическая зависимость, например)).

Постепенно формируется понятие о границах сообщества и формулируются его правила. На вопрос о миссии ИПТС лидер сообщества отвечает: *«Напоминать в трудные времена, что человек жив, он может быть культурным, он может любить, проявлять нежность. Да, миссия – это держать культуру в душе, в сердце молодежи, в поведении молодежи и оставаться, ну и сохранять в себе человечность»*.

История сообщества

Роль основоположника-лидера в сообществе велика: именно он ищет площадки для встреч, планирует выступления, мотивирует членов сообщества к творчеству. В 2019 г., когда Руфус начал поиск площадок, ему было всего семнадцать: *«Сначала я метил в бары и в кофейни»*, но *«когда люди понимали, что мне нет 18-ти, мне было 17 на тот момент, я сразу же прекращал быть человеком для них»*. Первые мероприятия были бесплатными и проводились в беседке на улице. Немногим позже Руфус начал сотрудничество с Пермским музеем современного искусства PERMM. Правда, площадка музея не подходила ИПТС по формату. Более подходящую нашли в музее «Россия – Моя история» (Пермь-1, бывший Речной вокзал). Поэтические вечера с выступлениями на сцене там проводились на бесплатной основе с августа 2019 по январь 2020 года. К этому времени Руфусу также удалось собрать первый пул артистов. Именно артистов – так подсказывал Руфусу собствен-

ный небольшой опыт: он начал свою творческую реализацию в школе театрального искусства «Пилигрим», где участвовал в конкурсах чтецов. Однако объединение сразу ориентировалось на театр поэтический. Тогда и сейчас участники чаще читают собственные стихи, но случаются спектакли, где звучат стихи О. Мандельштама, Н. Гумилева, В. Маяковского, С. Есенина, Евтушенко, А. Решетова. И еще Вадика Королева.

Тогда же, между 2019 и 2020 гг., Руфус познакомился с Евгением Гусевым, организатором другого поэтического сообщества более старших и опытных поэтов – «Чтивые вторники». Их собрания уже несколько лет проходят ныне в баре «13/69». Руфус расценивает это знакомство как ученичество и осмысляет через миф о Прометее: *«Потом вот этот опыт переносил. Как Прометей огонь приносил своим ребятам».*

Первое платное мероприятие прошло в баре «Самовар» в 2020 г. Но второму не суждено было сбыться. Ковид внес свои коррективы и ИПТС были вынуждены уйти в андеграундный формат. Началась эпоха *«тру квартирников»* в здании на Углеуральской, 15. *«Мы там днем собирались большой компанией, а ночью уже собирались там своей. <...> В 4 часа утра орал на этой крыше стихи. В общем, рок-н-ролл был».* Квартирники (в 2020-е понимаемые как культурная форма) вернулись к первоначальному буквальному смыслу названия – встречи проходили в квартире, где Руфус Раскольников подрабатывал «няней». Об этих встречах участники сохранили самые лучшие воспоминания. Так, участница Ярослава ценит именно атмосферу: *«Уют, чай, вкусняшки, сидение на полу/пуфиках, гирлянды, куча обуви в коридоре».* Именно в этот период появилось много участников, которые начали вести активную творческую деятельность и выступать на сцене.

Однако группа стремилась выйти на новый уровень – выступления в публичных пространствах, поэтому шел поиск новых площадок: вечера проходили в Пространстве «Не сцена – Ажиотаж» (ул. Пермская, 76а), баре «Panopticum» (ул. Ленина, 44), баре «Sullivan» (ул. Максима Горького, 14А), на свободной площадке «Пространство» (ул. Ленина, 10).

В 2021 г. Руфус начинает работать бариста в «Пространстве Дом» (ул. 25 Октября, 1). Благодаря этому факту сообщество ИПТС получает постоянную площадку, где проводит мероприятия на регулярной основе. Образовался костяк сообщества в виде артистов, зрителей, волонтеров. Здесь определились цели сообщества: *«В этом плане у нас не было уже проблем с местом, и мы могли развиваться уже в плане какого-то искусства. То есть уже переходить к формату перформансов каких-то»*, – говорит Руфус в интервью. В среднем один вечер поэзии посещало 40–50 человек.

Надо признать, что ИПТС наладили связи с заметными и даже авторитетными площадками в городе. Например, в июне 2021-го года ИПТС на «Заводе Шпагина» провели «Культурный движ»: *«На “Заводе Шпагина” пять часов мы читали стихи, играли песни, перформансы, просто чтения, проза, музыкальные группы, барды и т. д. Это тоже важный такой момент был для проекта».* Руфус отметил, что «Культурный движ» посетило рекордное количество зрителей – более 130 человек. Далее были вечера поэзии «Точка внимания!», где 4 автора получали возможность выступать в течение всего вечера (каждому выделялось 20 минут вместо привычных 7), серия моноспектаклей «Неумелые истории», где поэты готовили представления, основанные на собственном творчестве, вечер поэзии «Близкий контакт» (паб «Запрещенная рыба» (ул. 25 Октября, 26)) и др.

Сегодня ИПТС лишены постоянного места, в 2024 г. собственник закрыл «Пространство Дом». Это стало большой потерей для всего сообщества: *«И тут мы потеряли землю под ногами... но мы научились летать. Мы отрастили себе крылья. Поэтому ходим из сцены*

в сцену, кто куда». Появляются новые точки деятельности: площадка «Пространство» (ул. Ленина, 10), заведение «Подвальчик» (ул. Сибирская, 17Б), культурный центр «Дом писателя» (ул. Сибирская, 30).

Тексты

В разговоре о продукции ИПТС сразу следует отказаться от собственно эстетического анализа художественной формы стихов. Во-первых, потому, что в настоящей работе мы сосредоточены на описании сообщества и тексты являются предметом изучения именно как манифестации и репрезентации деятельности сообщества. Во-вторых, анализ жизни ИПТС приводит к парадоксальному выводу о том, что поэзия не является целью и главной ценностью его существования.

Стихи членов объединения – моментальный отклик на текущую повестку, моторика тонкого чувствующего организма и жажда самовыражения. Это поэзия молодых людей, главные темы которых – поиск себя (*«Я не понимаю, что я делаю не так / Словно хожу по лезвию своей самооценки»* (Екатерина Жигулевская, <https://vk.com/kjsjswtyk>), самопознание (*«Не отчаянье правит разлукой, / Но радость увидеть себя»* (Анна Овчарук, <https://vk.com/frauherda>). Некоторые авторы явно обрели свой узнаваемый уверенный голос: *«Воды врезаются в плоть окраин, / шепот шагов выплетает имя; / проседью рек далеко изранен, / берег безогненно тает в дыме»* (Яна Полевич, <https://polutona.ru/prin-ter.php3?address=0125153420>).

Нередко стихи ИПТС обращены к «своим» внутри сообщества, тем, кто пережил схожий опыт и обладает общими воспоминаниями: *«В моем сердечке много места / Давай, заглянь. Я не обижу / Углеуральской снятся крыши / Мы там почти легендой стали / Где адрес? Теперь пустырь там / Даже сваи / Нет. И дворики с тарзанкой»* (Руфус Раскольников, <https://vk.com/rpishetpechalno>). Нередки в стихах описания Перми: *«Компрос с бытийной перспективой – / тут колокольной не строптивой / все зачинается, а здесь – / шипиль удивленный хочет есть»* (Саша Герцен, <https://t.me/noarmorknight>).

Удивительно, но в беседах участники ИПТС не проявляют жгучей жажды увидеть свои стихи опубликованными. О возможности издать книгу они говорят, что это *«мечта, а не цель»*. Их тексты живут другой публичностью: на дне рождения сообщества читаемые с листочка стихи передавались в зрительный зал, в руки зрителей и слушателей – как общее достояние. Вообще для *«тусовки»* (в беседах они себя называют именно так) важнее всего, как показали наши наблюдения, именно чувство совместности, солидарности, комфорта. Ключевые ценности этого сообщества – внутренняя потребность в творчестве и самореализации, поиск и создание безопасного пространства для самовыражения, человечность. Главное достижение лидера и участников – формирование устойчивого, вдохновляющего сообщества (*«островка безопасности и надежды»*, – формулирует Руфус) вопреки постоянным трудностям с площадками и внешним обстоятельствам.

Обсуждение

Как определить суть этого сообщества, смысл его существования? Можно назвать его демографическим (участников объединяет возраст), можно – профессиональным, ведь они все ориентированы на литературное письмо, некоторые повзрослевшие члены сообщества все-таки публикуются. Например, Яна Полевич публиковалась в пермском литературном журнале «Вещь», в литературно-художественном журнале «Луч», на литературном портале «Полутона», в культурном проекте «Флаги» и в альманахе «Противоречие»; Дебора Грин-

бер – в литературном альманахе «Пеликан». Стихи Тории Чайкиной публиковалась на литературном портале «Полутона», в журнале «Вещь», в альманахах «Тверской бульвар, 25», «Гостинный двор», в сборнике «Актуальная классика», она написала и опубликовала книгу «Академ».

Можно ли считать это сообщество территориальным? Оно не определяется территорией, ею не ограничивается, но это поистине городское сообщество, потому что оно ощущает себя в городе, на городской площади, как на подмостках: *«Внимание! Встречайте на сцене клоуна, / Он говорит на птичьем! / Выхожу к микрофону / Весь белесый от пудры, / Читаю без редактур о наболевшем / Может, хоть это меня успокоит»* (стихи Руфуса Раскольников). Для человека из сообщества ИПТС главное – ощущать себя поэтом, творцом, актером или клоуном. Основной жанр творчества ИПТС – поэтический перформанс, который разыгрывается членами сообщества на улицах города.

Можно ли назвать сообщество литературным? Есть у ИПТС некоторые свойства литературного объединения. Они молоды, а Ю.М. Лотман отмечал, что специфика русских литературных кружков в том, что их организовывали люди молодые [3]. Они соотносят себя с литературными группами XX в.: идеолог и руководитель группы Руфус охотно говорит об ИПТС в сравнении с ОБЭРИУтами, футуристами, имажинистами и другими творческими/писательскими объединениями. Они, как принято в литературных группах, стремятся создать манифест. Правда, не сразу: манифест создавали коллективно на праздновании 6-летия ИПТС в 2025 г. (торжество проходило в солидном «Доме писателя») Однако целью был явно не текст манифеста, а процесс, перформанс: прилюдно и громогласно выкрикивались лозунги, на сцене человек с пишущей машинкой будто бы фиксировал текст. Но этот поспешный манифест тут же ушел «в народ», листок по традиции был отдан зрителям. Это общение с себе подобными и зрительская поддержка и есть цель выступлений.

Примечательно, что члены сообщества, против ожиданий, не слишком связаны цифровыми инструментами и виртуальным общением. В сообществе в ВК у группы – 2057 подписчик, в Телеграме – 413. Не так много по нынешним временам. Этот факт говорит о том, что возможность бытования в сетевых пространствах никак не отменяет для молодых людей нужды в присвоении реальных пространств современного города. Уютная «домашность» квартирников, где сообщество набирается сил в собственной совместности, сменяется открытыми пространствами публичности. И оба вида пространства необходимы – потому что наши герои понимают пространство как произведенное ими самими (Лефевр бы назвал бы такой процесс «переживанием» и «присвоением» пространства [2, с. 362–364]). Примечательно, что это слово часто звучит в номинациях мест, где выступали ИПТС, – «Пространство ДОМ», «Пространство «Не сцена» и др. Важность производства пространства, кажется, чувствуют многие.

Освоение городского пространства отмечено ритуалом. Коллектив ИПТС после выступлений или квартирников совершает ритуальные коллективные шествия. Им важно *«после квартирников, например, собраться в Старокирпичном, или около бюста Пастернака, или под трамвайным мостом и читать стихи»* (из интервью с Руфусом). Примечательно, какие именно места выбирают участники для своих ритуалов: мосты, перекрестки, крыши, – словно присваивая анонимные пространства города, делая «не-место» (в понимании М. Оже [5]) местом своего присутствия и творческого торжества. Заметим, что у сообщества есть и иные ритуалы – «выть» на выступлениях в поддержку «своих», например.

Думается, ИПТС – это не литературное объединение и даже не поэтическое сообщество. Или поэтическое, но в другом смысле слова «поэзия», отмеченном, кроме первого значения, например, в Словаре Даля: «Изящество, красота как свойство, качество, не выраженное на словах, и самое творчество, способность, дар отрешаться от насущного, возноситься мечтою, воображеньем в высшие пределы, создавая первообразы красоты»¹. ИПТС – молодые люди, очарованные собственной юностью, мечтой, обаянием театральной игры и стихов, ищущие чувство безопасности и «эмоционального убежища» (термин У. Ряди [10]). Они хорошо осознают эту функцию: *«Люди, которые условно пишут стихи или пишут песни, в целом такие тонко чувствующие, тонкокожие натуры, они чувствуют небезопасность перед основным миром, что я заметил, какую-то агрессию. И, соответственно, они перетекают в ИПТС, как в тот островок безопасности, в месте, где их поймут, где они не будут фриками, а где они будут, наоборот, типа крутыми»*, – говорит Руфус. Стихи эти люди пишут, скорее, потому, что искусство поэзии все-таки пока требует слов.

Пожалуй, можно назвать объединение ИПТС «эмоциональным сообществом». Это понятие ввела Барбара Розенвейн, назвавшая эмоциональным сообществом «объединение по принципу характера аффективных связей между людьми» [11, р. 842]. Участников ИПТС объединяют именно эмоциональные связи: *«Мы уникальны, мне кажется, больше тем, что мы более семейные. Семья, дружба. Вот это вот все. То, что мы сразу на мероприятии становимся все такой маленькой частичкой»*, – признается волонтер ИПТС Ярослава.

Собственно, понятие «эмоциональное сообщество» не противоречит определению городских сообществ. Р. Парк писал о сообществе: «Человек стремится, во-первых, к безопасности, т. е. ему нужен дом, откуда он может выйти и куда он может возвратиться; Он стремится, во-вторых, к новому опыту, впечатлениям, ощущениям, приключениям; Он стремится, в-третьих, к признанию, т. е. он должен принадлежать к некоторому обществу, в котором у него есть статус <...>, короче говоря, так или иначе он должен быть личностью, а не просто винтиком в экономической или социальной машине. Наконец, в-четвертых, он хочет иметь привязанности, тесную связь с кем-то или с чем-то <...>. Все специфические человеческие желания, в конечном счете, сводятся к этим четырем категориям, и ни один человек не сможет быть вполне счастлив и доволен, если тем или иным способом не реализует все эти четыре желания более или менее адекватно» [8, с. 16].

Выводы

Думается, эмоциональные сообщества, подобные ИПТС, характерны для сегодняшнего городского образа жизни. Они занимают свое пространство в гетеротопиях современного города и их необходимо изучать как его часть.

В прагматическом плане (например, в сфере городского управления) важно, что такие сообщества нуждаются в поддержке. Поддержка может состоять в том, чтобы помочь сообществу обрести свою территорию: взамен «не-места» обрести свое «третье место» (Р. Ольденбург назвал так общественное место для неформальных встреч, третье после дома и работы [6]).

Что касается собственно поэзии (и, шире, литературы), она, очевидно, сегодня легко вступает в союз с иными искусствами – театром, перформансом, музыкой (на дне рождения

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / соч. В.И. Даля. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863–1866. Ч. 3: П. 1865. 424 с.

ИПТС музыки и песен было больше, чем собственно стихов). Но пока молодежное городское сообщество выбирает поэзию и относится к ней серьезно: *«На дуэли грозят револьвером поэты, / Только оба стреляют в воздух, / Попадают снарядом по черному небу / И тогда зажигаются звезды»* (Роман Городков, <https://t.me/gorodokromanov>).

Если звезды зажигают – значит, поэзия кому-нибудь нужна. Значит, словесность остается ценностью в России, по-прежнему литературоцентричной стране.

Библиографический список

1. Бурдые П. Поле литературы. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-literatury> (дата обращения: 1.06.2025).
2. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с. ISBN: 978-5-906264-41-1 EDN: TRPTCI
3. Лотман Ю.М. Кружки и общества // Беседы о русской культуре. Лекции. 1988 г. 1989 г. URL: <http://www.dordopolo.ru/content/lotman.html> (дата обращения: 1.06.2025).
4. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2011. 208 с.
5. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 120 с.
6. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
7. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18. EDN: JWURMJ
8. Парк Р. Организация общества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 13–18. EDN: TWMROP
9. Теннис Ф. Общность и общество / пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 207–229. EDN: PZQJXL
10. Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p. DOI: 10.1017/CBO9780511512001
11. Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. Vol. 107, № 7. P. 821–845.

УДК 316.72
EDN RCQSLR

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-67-76

Яковлева Валерия Валерьевна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

valeria.yakovleva@gmail.com

ORCID 0000-0002-0406-3119

Сапожникова Ольга Евгеньевна,

студент направления «Культурология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

olya.sapozhnikova.05@mail.ru

«Я НЕ ОДНА»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ НУКЛЕАРНОЙ СЕМЬИ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Н.В. БАРАНСКОЙ «НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ»

Статья посвящена исследованию эмоционального опыта советской женщины в условиях трансформации городской культуры периода активного строительства индивидуального жилья на примере повести Н.В. Баранской «Неделя как неделя». Внутренний конфликт героини складывается из-за стремления соответствовать ожиданиям общества: быть и хорошей матерью, и хозяйкой, и успешной работницей. Однако жизнь в нуклеарной семье и тяготы двойной нагрузки приводят ее к нервному срыву и внутрисемейному конфликту. На основе теории модернизации и тезиса К. Гирца об эмоциях как неотъемлемой части культуры рассматривается другая сторона трансформационных процессов в советской культуре в послевоенный период. Делается вывод о том, что повесть Н.В. Баранской зафиксировала факт о том, что традиционное распределение семейных обязанностей в новых условиях приводит к эмоциональным и физическим перегрузкам женщины; также повесть выступила не только первым открытым социальным высказыванием в защиту советских женщин, но и текстом, выполняющим функцию их эмоциональной поддержки.

Ключевые слова: эмоции, городская культура, нуклеарная семья, послевоенное советское общество, гендерные роли.

Ссылка для цитирования: Яковлева В.В., Сапожникова О.Е. «Я не одна»: репрезентация эмоций женщины в условиях становления городской нуклеарной семьи на примере повести Н.В. Баранской «Неделя как неделя» // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 67–76. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-67-76>.
EDN RCQSLR

Valeria V. Yakovleva,

PhD in History,

Associate Professor of the Department of Cultural
Studies and Socio-Humanitarian Technologies

Perm State University

15 Bukireva st., Perm, 614068

valeria.yakovleva@gmail.com

ORCID 0000-0002-0406-3119

Olga E. Sapozhnikova,

Student of the Direction "Cultural Studies"

Perm State University

15 Bukireva st., Perm, 614068

olya.sapozhnikova.05@mail.ru

"I AM NOT ALONE": THE REPRESENTATION OF A WOMAN'S EMOTIONS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AN URBAN NUCLEAR FAMILY ON THE EXAMPLE OF N.V. BARANSKAYA'S NOVELLA "A WEEK LIKE A WEEK"

The article is devoted to the study of the emotional experience of a Soviet woman in the context of the transformation of urban culture during the period of active construction of individual housing using the example of N.V. Baranskaya's novella "A Week like a Week". The heroine's internal conflict develops due to the desire to meet the expectations of society: be a good mother, a housewife, and a successful employee. However, living in a nuclear family and the hardships of a double burden lead her to a nervous breakdown and intra-family conflict. Based on the theory of modernization and the thesis of K. Geertz's theory of emotions as an integral part of culture examines the other side of the transformation processes in Soviet culture in the post-war period. It is concluded that N.V. Baranskaya's story documented the fact that the traditional distribution of family responsibilities in new conditions leads to emotional and physical overloads of women, and the story was not only the first open social statement in defense of Soviet women, but also a text that performs the function of their emotional support.

Keywords: emotions, urban culture, nuclear family, post-war Soviet society, gender roles.

For citation: Yakovleva V. V., Sapozhnikova O.E. ["I am not alone": the representation of a woman's emotions in the context of the formation of an urban nuclear family on the example of N.V. Baranskaya's novella "A Week like a week"]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 67–76 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-67-76>, EDN RCQSLR

Еще в 1941 году Лусьен Февр в своей статье «Чувствительность и история» [11] призывал историков рассматривать эмоции как ключевую часть своих исследований. Именно с публикации этой статьи начинается изучение эмоций в гуманитарных науках, не связанных напрямую с исследованиями в области психологии.

Интерес к изучению эмоций как феномена культуры в российской академической традиции активно начинает проявляться в XXI в. Поиск нового предметного поля, новых методологических подходов, необходимость найти ответы на многочисленные сложные вопросы современности заставляет специалистов различных гуманитарных дисциплин обращаться к исследованию эмоций. При этом в исследовательском фокусе могут оказаться не только привычные сюжеты и темы, но и появляться новые, обусловленные сменой исследовательского метода.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть типовой для изучения истории и культуры советского общества сюжет о становлении новой городской культуры в послевоенный период и рассмотрим его с точки зрения исследования эмоций. По утверждению К. Гирца, «наши идеи, наши ценности, наши действия, даже наши эмоции, так же как и сама наша нервная система, являются продуктами культуры – продуктами изготовленными...» [4, с. 62], следовательно, если продолжить мысль, точно также ценности, идеи и действия влияют на поведение человека, на понимание им своего места в окружающем мире, составляют часть его образа жизни и передаются последующим поколениям.

Источником для анализа выступает повесть Натальи Баранской «Неделя как неделя», которая была опубликована в 1969 году в журнале «Новый мир». Сюжет повести прост – это дневниковое изложение событий одной недели середины декабря от лица молодой москвички, сотрудницы одного из столичных НИИ, молодой жены и матери двух маленьких детей. Ольга и ее муж Дима – первое поколение горожан, которые живут нуклеарной семьей. У них нет старших родственников, зато есть отдельная трехкомнатная квартира, площадь которой 36 м², в новом районе Москвы.

В понедельник в начале рабочего дня на своем рабочем столе главная героиня, Ольга Воронкова, находит анкету, которую она должна заполнить к концу недели. Задача этой анкеты – изучение структуры времени советской работающей женщины. Размышления по поводу этой анкеты и «запускают» записи героини о своем типичном графике.

Эта повесть неоднократно становилась предметом исследований в академической среде. Обычно ее рассматривают в рамках гендерных исследований как первое феминистическое высказывание в советской культуре [см. например: 3; 7].

Американские исследователи Кевин Платт и Бенджамин Натанс использовали материалы этой повести для своей статьи «Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака “Все было навечно, пока не кончилось”», в которой они стремятся подискутировать с А. Юрчаком и даже опровергнуть его концепцию о дискурсивной готовности советской системы к распаду, которая сформировалась в процессе перформативного сдвига в позднесоветский период. Авторы этой статьи на примере повести Н. Баранской стремятся доказать, что зазор между официальным языком и индивидуальным опытом был очень велик, и, таким образом, совокупность этих индивидуальных опытов не может быть рассмотрена как система, приводящая к перформативному сдвигу [9].

В рамках данной статьи мы не будем спорить ни с одной из существующих теорий, а попытаемся вслед за Л. Февром посмотреть на историческую ситуацию сквозь призму индивидуального эмоционального опыта. Нам представляется, что это позволит расширить понимание социальных и культурных процессов, которые происходили в советском обществе в период ключевых социальных трансформаций второй половины XX в. Именно социокультурные изменения послевоенного периода, согласно «теории модернизации», лежат в основе современного общества с его социальной структурой, городской культурой, нуклеарной семьей и многими другими привычными современному человеку феноменами. Повесть «Неделя как неделя» безусловно является ярким социальным высказыванием. К. Платт и Б. Натанс в своей статье безапелляционно называют ее показателем «общих тенденций в социальной истории позднего советского периода» [9].

Сама автор в своей автобиографии скромно обозначает, что «повесть имела шумный успех» [2, с. 136]. Причин этого успеха она не называет, как, впрочем, и не описывает, как именно он проявлялся. Однако, судя по короткой ремарке Н. Баранской о том, что после публикации двери редакций закрылись перед ней, становится понятно, что повесть была воспринята как опасная. Это Наталья Владимировна подтверждает, указывая, что «повесть не была одобрена “верхами”, ... ее определили, как “ошибку идеологического контроля”», и даже было высказано, что «“она должна была написать докладную записку о трудном положении женщины”» [2, с. 136].

Жизненный мир (в понимании А. Щюца) главной героини повести Ольги Воронковой мы разделили на три главных сегмента: семья, работа и пребывание в городском пространстве (использование общественного транспорта, покупка продуктов и т. п.). Мы будем фиксировать эмоции героини по поводу ситуаций, которые происходят в каждой из этих сфер. В результате должен получиться срез эмоций молодой женщины, осваивающей новое социальное пространство крупного советского города, который вместе со своими жителями переживает процессы больших трансформаций.

В послевоенный период жилищные условия большинства советских граждан были неудовлетворительными. Значительная их часть жила в бараках, коммуналках, подвалах, ветхих домах и землянках, поскольку строительство нового жилья отставало от роста городского населения. Лишь некоторым категориям граждан выделялось индивидуальное жилье, например, за заслуги перед Родиной или из-за тяжелых заболеваний. Так было и до войны, но после нее многие дома были разрушены.

Жилищная проблема стала настолько острой, что новое советское руководство в лице Н.С. Хрущева начало принимать меры по ее решению, в том числе меры по улучшению инфраструктуры крупных городов в целом. В «верхах» началось обсуждение текущего состояния архитектуры и строительства. На XX съезде КПСС в 1956 г. решили, что вычурность и изысканность в архитектуре должны отойти на второй, если не на последний план, поскольку была нужда в широкомасштабном строительстве при минимальных затратах. Цель – моделирование типового проекта, по которому будет производиться массовая застройка и формирование новых микрорайонов.

В своей статье А.В. Жидченко, ссылаясь на журнал «Советская женщина», отмечает: «Основной жилой единицей городского пространства становится микрорайон, который был призван отвечать потребностям повседневной жизни советского человека, советской женщины. Это был новый принцип советского градостроительства: “...Где бы, в каком бы городе ни поселился человек, ему должно быть удобно и хорошо. Надо, чтобы недалеко от дома находились детский сад и школа, магазины и зеленый парк, библиотека и кинематограф, спортивная площадка и клуб. Тогда не надо будет часто ездить в центр, не придется в троллейбусе возить ребенка в детский сад, не нужно будет отправляться куда-то далеко, чтобы сшить новое платье...”» [6]. Похожим образом объясняет этот принцип А.Г. Григорьева: «Под словом “микрорайон” подразумевался участок города до 60 гектаров, на котором кроме жилых домов размещались школы, детские сады и ясли, магазины, столовые, комбинаты бытового обслуживания, сад на три гектара и комплекс спортивных площадок» [5]. Соответственно, постепенно в микрорайонах появлялись досуговые заведения – кинотеатры, парки, клубы-кружки, спортивные площадки; развивалась медицина – больницы массово строились по районному принципу (за каждой поликлиникой закреплялись жители ближайших домов).

Вместе с получением индивидуального жилья у граждан появляются в шаговой доступности детские образовательные учреждения, больницы, пространства для досуга, а также бытовые удобства.

Однако не все было так хорошо, как ожидалось. Инфраструктурные постройки все же были не первоочередные, и на основную цель (строительство домов) тратилось огромное количество ресурсов. Из-за этого новоиспеченным обладателям жилья приходилось посещать магазины в центре города, где часто располагалась и их работа, поскольку микрорайоны формировались практически с нуля на отдаленных от центра еще неосвоенных территориях. Детских садов и школ часто не хватало, учились в 2–3 смены, в больницах была большая загруженность. Развитие общественного транспорта также не успевало за ростом городского населения, за жилищным строительством. Таким образом, нуклеарная семья оказывается в новых условиях, к которым приходится приспосабливаться, чтобы сделать свою повседневную жизнь комфортной настолько, насколько это возможно.

Прежде чем мы перейдем к систематизации и анализу эмоций героини, хотелось бы сделать несколько технических уточнений. Мы пользовались электронной версией текста повести [1], поэтому все цитаты будем приводить по ней. Выделять цитаты будем при помощи обычного правила оформления цитат курсивом, но ссылки после каждой цитаты на электронный документ приводить не будем, т. к. вычленив страницы в электронном документе невозможно. Второе уточнение связано с обозначением эмоций. Частично автор сама называет эмоции, которые испытывает героиня, мы будем пользоваться именно этими обозначениями. Частично она описывает общее состояние героини и ситуацию, в таких случаях мы будем сами называть эмоции.

По сюжету повести, советское социальное государство дало молодой нуклеарной семье такие блага: новую квартиру в новостройке, сад и ясли для детей с раннего возраста, возможность взять больничный лист на время детских болезней. Таким образом, мы заходим в жизненный мир героини в тот момент, когда в ее биографии «большие» и личные, и социальные задачи уже решены. Н. Баранская ставит перед нами вопрос: а что дальше? Как люди будут адаптироваться к жизни в этих новых, с точки зрения больших процессов, комфортных условиях? На эти вопросы автор и дает свой весьма неоднозначный ответ.

Итак, героиня имеет интересную, перспективную работу, которой она дорожит. *«Я молчу. Я люблю свою работу. Я дорожу тем, что самостоятельна. Я работаю охотно».* Исследования, которые она проводит, вызывают у нее неподдельную увлеченность и даже азарт: *«Начну с маятникового копра. Замеряю первый брус, закрепляю. Устанавливаю угол зарядки. Отпускаю маятник. Удар! Образец выдержал. Теперь увеличим нагрузку. Что это, я волнуюсь? Спортивный азарт. Ставка на стеклопласт-2: выдержит – не выдержит? Образец не разбивается при максимальной силе удара. Ура! Или еще рано кричать “ура”? Испытания на прочность на этом ведь не кончаются... А растяжение? Сжатие? Твердость?».* Погружаясь в работу, Ольга чувствует свою силу, возможности и удовлетворенность собой: *«Я систематически просматриваю американские и английские издания по стройматериалам: у нас всегда, а в ленинской, научно-технической, патентной – когда удастся выбраться. Я довольна, что занималась английским серьезно еще со школы. Полить минут двадцать журналы после двух-трех часов работы – это отдых и удовольствие».* Над проектом она работает не одна, а вместе с двумя коллегами (тоже женщинами), с которыми у них сложились настоящие доверительные отношения: *«Мы все знаем друг про*

друга ... она сама видит, что со мной что-то не так. Обняв меня за плечи и чуть притянув к себе, она говорит нараспев, покачиваясь вместе со мной: – Не волнуйся ты, Оля».

Сложности, которые Ольга испытывает на работе, связаны с несколькими факторами. Во-первых, она часто опаздывает из-за долгой дороги на работу и плохо организованной работы общественного транспорта, за что получает тяжелый разговор с начальником: *«Я борюсь что-то про ледяные тропки и сугробы в нашем необжитом квартале, про автобус, который приходит на остановку переполненным, про страшную толпу на “Соколе”»*. Это порождает у Ольги чувство стыда и страха, что ее уволят. Во-вторых, испытания стеклопластика, которые она проводит, зависят от графика лаборатории, которой пользуется весь институт. По сюжету события происходят в середине декабря и срок сдачи уже совсем близок к концу, а работы еще много. Из-за этого Ольге приходится упрашивать лаборантку Валю, терпеть ее резкие, даже хамоватые ответы, лишь бы получить время для испытаний: *«Валя куда-то вышла. Опять! Оставляю ей записку, в которой все, кроме одной фразы, неправда: “Валечка, милая, выручайте! Сомневаемся в прочности доработанной массы. Без испытаний у вас все остановилось. На меня сердится Я. П. Второй день не могу вас застать” ... С четырех? Это слишком поздно! – Объясняю Вале, но она не понимает. – Вы просили, вот я вам и даю. – Нельзя ли начать хоть на часик пораньше, хоть на одной установке? – Нет, нельзя ... Уж не знаю. Решайте... А то отдам другим. Желающих много... Нет уж, не устраивайте мне тут обменное бюро – и так у нас проходной двор...»*.

В пятницу на работе у Ольги случается истерика, которая является кульминацией переживаний из-за сложностей на работе и дома. Ольга не может найти график с записью испытаний, а оказывается, что он лежит прямо перед ее глазами: *«Я беру лист, он раскрывается и превращается в мой график. Меня разбирает смех, я просто тряусь от смеха, закрываю рот руками, чтобы не было слышно, и смеюсь до слез. Смеюсь и не могу перестать. Люся хватает меня за руку, тащит в коридор ... Я стою, прижавшись спиной к стене, слезы текут у меня по щекам, и тихо постанываю от смеха. – Оля, ты псих, – говорит Люся, – поздравляю, у тебя истерика!»*.

Город, а по сюжету это активно развивающаяся и застраиваемая Москва, представляет для Ольги дополнительные источники сложностей и препятствий, которые ей необходимо преодолевать.

Каждый рабочий день Ольги начинается долгим и трудным путем, и заканчивается им же. Ей приходится задействовать несколько видов общественного транспорта – троллейбус, автобус, метро. При этом часто она едет с тяжелыми сумками, наполненными продуктами, – приходится покупать их в центре города, поскольку рядом с домом магазины еще не построили. *«Я лично увлекаюсь спортом – бегом. Туда бегом – сюда бегом. В каждую руку по сумке и... вверх – вниз: троллейбус – автобус, в метро – из метро. Магазинов у нас нет, живем больше года, а они еще недостроены»*. Например, в пятницу она описывает, как добирается до дома так: *«Путь к дому сегодня нелегко. В руках две тяжеленные сумки – куплено все, кроме овощей. В метро приходится стоять – одна сумка в руках, другая под ногами. Толкучка... Наконец “Сокол”. Все выскакивают и бросаются к узким лестницам. А я не могу – пакеты с молоком, яйца. Плетусь в хвосте. Когда подхожу к автобусу, очередь машин на шесть. Попробовать сесть в наклонившуюся? А сумки? Все же я пытаюсь влезть в третий автобус. Но сумки в обеих руках не дают мне ухватиться, нога срывается с высокой ступеньки, я больно ударяюсь коленкой, в этот момент автобус трогается. Все кричат, я визжу. Автобус останавливается, какой-то дядька, стоящий у дверей, подхватыва-*

ет меня и втягивает, я валюсь на свои сумки. Колено болит, в сумке наверняка яичница. Зато мне уступают место. Сидя я могу взглянуть на коленку, на дырявый чулок в крови и грязи, открыть сумки и убедиться, что раздавлено лишь несколько яиц и смят один пакет молока. Ужасно жалко чулки – трехрублевая пара!». Во фрагменте прослеживается, что Ольга словно рационально рассуждает, но при этом с усталостью и грустью, о том, как ей побыстрее пробраться к автобусу. Заметно, что этот настолько тяжелый эмоционально и физически процесс стал обыденностью, с которой она мирится. Обычно мужчины в общественном транспорте не уступают ей место, а даже нарочито притворяются спящими, но, когда на глазах у всех она упала, ей помогли встать и освободили место. Не менее интересно и то, что больше всего ей в этой ситуации обидно за порванные чулки. Вероятнее всего, это связано с ограниченным доступом к текстильным товарам.

Не только с транспортом есть трудности, но и, как уже было упомянуто ранее, с магазинами. Даже при том, что Ольга работает в центре города, где магазинов достаточно, в них часто большие очереди, особенно в вечернее время, а еще продукты надо покупать каждый день, что занимает много времени. В силу этих обстоятельств она и ее коллеги придумали ходить за продуктами по очереди: *«Такое у нас правило – покупать продукты сразу для всех. И перерыв себе выпросили с двух до трех, когда в магазинах меньше народа»*. В среду была очередь Ольги формировать «заказ» и во время перерыва отправляться за покупками: *«С видом угрюмым и замкнутым покупаю я в гастрономическом отделе три полкило масла, шесть бутылок молока, три – кефира, десять плавленых сырков, два кило колбасы и дважды по триста граммов сыра. Очередь сносит это терпеливо, но под конец кто-то вздыхает притворно: – А все жалуются – денег мало»*. Кажется хорошим, что Ольга и ее коллеги придумали способ облегчить себе жизнь хотя бы в приобретении продуктов, однако и здесь есть недостаток – приходится сталкиваться с непониманием окружающих.

Большую часть переживаний и радостей, мыслей и действий, времени и усилий занимает в Ольгином жизненном мире семья. Как уже было сказано в самом начале, у нее есть муж и двое маленьких детей – старший мальчик и младшая девочка, как она их называет – Котька и Гулька. Родственников старшего поколения, которые могли бы помочь с детьми или взять на себя часть обязанностей Ольги, у молодой семейной пары нет. *«Димина мать нянчит внуков от дочери, живет на другом конце Москвы; моя мама умерла; тетя Вера, у которой я жила, когда отец снова женился, осталась в Ленинграде, а моя московская тетя Соня, ужасно боится детей. Некому нас отпускать, что делать...»*. Живут они в новостройке в отдаленном по тем временам районе, а значит соседей, которые могли бы подстраховать, тоже нет.

Повесть была опубликована в 1969 г., Ольге по сюжету 26 лет, ее муж Дима старше ее на два-три года, значит они оба – дети военного времени, при этом первое поколение, которое начинает свою самостоятельную жизнь в принципиально новых условиях активного жилищного строительства. Оля и Дима – молодые перспективные сотрудники научно-исследовательских институтов (о Диме мы знаем только то, что он работает в «ящике», т. е. в секретном конструкторском бюро, что он закончил технический институт по строительной специальности) и отдельную квартиру от государства получили быстро.

Молодая семья вынуждена приспособливаться к жизни без помощников, подстраиваться под режим работы детского сада, брать больничные на время болезни детей и отказывать себе в любом отдыхе вне дома и без детей. Домашние обязанности в семье распределены традиционным образом: уход за детьми, стирка, приготовление еды, покупка продуктов

(кроме овощей), глажка – это обязанности Ольги; Дима выносит мусор, отводит детей в сад и забирает их оттуда, в выходные покупает овощи и относит белье в прачечную. Домой он всегда возвращается раньше супруги, потом они вместе с детьми ждут Ольгу с работы, чтобы она приготовила на всех ужин. В четверг, когда Ольга сильно задержалась на политзанятии и приехала домой только в 9 часов вечера, Дима накормил детей хлебом с кабачковой икрой и молоком. На попытку Ольги указать ему на эту ошибку он отреагировал следующим образом: *«Откуда я знаю, – буркнул Дима и опять уткнулся в журнал»*. Дима не умеет делать многое и даже не считает нужным осваивать навыки ведения хозяйства и ухода за детьми, а также взять хотя бы часть Ольгиных обязанностей. Когда она утром, опаздывая на работу, собирает двух раскапризничавшихся детей в сад, он не помогает ей, а спокойно доедает свой завтрак: *«Уже без десяти семь, а Дима все еще ест. Пора одевать детей, быстро, обоих сразу, чтоб не вспотели. Дай же мне выпить кофе, – ворчит Дима. Я сажаю ребят на диван, приволакиваю весь ворох одежды и работаю за двоих: носки и носки, одни рейтузы, другие рейтузы, джемпер и кофта, косынка и другая, варежки и... – Дима, где Котькины варежки? Дима отвечает: – Почем я знаю, – но бросается искать и находит их в неподобающем месте – в ванной. Сам их туда и сунул вчера»*. Свое раздражение, которое считывается в последней фразе Ольга уносит с собой. *«Последние слова друг другу: – “Заперла двери?” – “Деньги у тебя есть?” – “Не беги как сумасшедшая”. – “Ладно, не опоздай за ребятами” (это я кричу уже снизу), – и мы расстаемся»*.

Романтических, нежных проявлений своей привязанности у Ольги к мужу нет, на них у нее просто не остается времени и сил: *«Я еще слышу сквозь сон, как ложится Дима, но не могу открыть глаза, не могу ответить на какой-то его вопрос, не могу поцеловать его, когда он целует меня...»*. При этом она несколько раз повторяет, что они с мужем любят друг друга, в повести подробно описывается начало их отношений, первое время после свадьбы, когда они смогли уехать на несколько недель в Крым и были счастливы. История отношений Оли и Димы до рождения детей – это идеальное воплощение соцреалистического канона из фильмов, газетных публикаций и художественных полотен: молодые, красивые, спортивные, с комсомольским задором начинают строить свою семью. Однако такой канон не включал в себя отцов, которые моют посуду, меняют пеленки детям, готовят ужин и делают сотни других «незаметных» домашних дел (изучению института отцовства и фигуры отца в советской культуре посвящено достаточное количество исследовательской литературы – см. например: [8, 10]).

По отношению к детям Ольга декларирует безграничную любовь: *«Я так люблю наших маленьких дурачков»*, а также испытывает постоянную тревогу за них и огромное чувство вины перед ними: *«Я сама чуть не плачу – так мне жалко малыша, так ужасно тащить его, такого обиженного, силком. И страшно: весь потный, еще простудится»*. Другая ситуация, когда она отправляет утром в ясли дочку, которой ночью стало плохо с животом после кабачковой икры с молоком: *«А мысли мои выются вокруг ребят. Мы отвели Гульку в ясли, хотя следовало бы оставить ее дома. Оставить на один день можно и без справки, но без справки не можем обойтись ни я, ни Дима. А вызвать врача – значит сказать, что было. Врач, конечно, пошлет на анализ, раз это желудочное. Анализ – значит, несколько дней, ... И мы отвели Гульку»*.

Радость в Ольгиной семье тоже есть, но лишь по выходным. *«Я люблю вечер пятницы: можно посидеть подольше за столом, повозиться с ребятами, уложить их на полчаса позже. Можно не стирать, можно сесть в ванну...»*. Ольга радуется детям: *«Вот какие у нас*

красивые дети», зимней воскресной прогулке, семейному неспешному завтраку в субботу, даже находит немного времени почитать и принимается переделывать себе юбку. Только бо́льшую часть ее времени в выходные все же занимают домашние дела.

Именно в выходные дни происходит основной конфликт между Ольгой и Димой: сорвавшись от усталости на расшалившуюся дочку и получив замечание от мужа, Ольга не выдерживает и у нее второй раз случается истерика. Дима предлагает ей уволиться с работы и сидеть дома с детьми, но Ольга объясняет, что тогда она потеряет себя: *«Дима, неужели ты думаешь, что я не хотела бы сделать так, как лучше детям? Очень хотела бы! Но то, что предлагаешь ты, это просто... меня уничтожить. А моя учеба пять лет? Мой диплом? Мой стаж? Моя тема? Как тебе легко все это выбросить – швырк, и готово! И какая я буду, сидя дома? Злая, как черт: буду на вас ворчать все время»*.

Здесь мы видим борьбу за собственную субъектность, потеря которой очень остро ощущается Ольгой на протяжении всей повести: *«Вдруг на меня накатывает тоскливое желание идти налегке, без ноши, без цели. Просто идти – не торопясь, спокойно, совсем медленно. Идти по зимним московским бульварам, по улицам, останавливаться у витрин, рассматривать фотографии, книги, туфли, не спеша читать афиши, обдумывая, куда бы я хотела пойти, потихоньку лизать трубочку эскимо и где-нибудь на площади под часами, всматриваясь в толпу, ждать Диму»*. Ольга постоянно угнетают собственные потребности в пользу потребностей других людей, в первую очередь детей и мужа, в результате испытывает чувство потерянности и тотальную усталость, хотя она и предпринимает попытки позаботиться о себе – в середине недели в обеденный перерыв забегает в парикмахерскую, где ей делают короткую стрижку, которая ей очень идет, что отметили и она сама, и окружающие (коллеги на работе, Дима), а в воскресенье она успевает укоротить себе юбку.

Очень большую и важную поддержку своей субъектности Ольга получает от коллеги Люси Вартановны, которую она называет Люся черненькая. Именно Люся помогает Ольге успокоиться во время истерики на работе в пятницу и рассказывает ей свою историю, которая показывает такие же сложности в совмещении семьи и профессиональных амбиций: *«Мы идем по улице, я рассказываю про трудности с механической и Валец, про разговор с шефом, про Гулькин живот, про срок окончания испытаний – боюсь не успеть. ... Мне от этого уже становится легче... Мне весело оттого, что день солнечный, что мы перегородили всем дорогу, оттого, что нас трое... Оттого, что я не одна»*.

Чувство общности, поддержка друзей, технологии кооперации и взаимопомощи (покупки продуктов «на всех» по очереди) оказываются настоящими помощниками молодой семьи, которая выживает только за счет женских усилий.

Однако выживаемость этой семьи, по замыслу автора, поставлена под вопрос. После ссоры с мужем и примирения Ольга просыпается в ночь с воскресенья на понедельник от непонятного чувства тревоги, которое не дает ей дальше уснуть. На этом мы и прощаемся с героиней.

Внутренний конфликт Ольги происходит в первую очередь из-за того, что внешняя среда говорит ей, что у нее есть все для полноценной счастливой жизни. Только при этом она испытывает постоянное напряжение, ее эмоциональный фон крайне неустойчив, у нее хронический недосып и перенапряжение, у нее дважды случается истерика, на работе и дома, а последний сюжет повести – тревожное ночное пробуждение.

Описывая внутренний конфликт главной героини как человека, который вынужден разрываться между двумя ролями матери и *«настоящей советской производственницы»*,

Наталья Баранская создает язык для выражения эмоциональной составляющей этого внутреннего конфликта. Она не только зафиксировала «сложное положение советской женщины», вынужденной нести бремя двойной нагрузки, навязанное ей меняющимся обществом, но и предложила варианты компенсации этой нагрузки – язык для выражения эмоций и поддержку, прямо проговорив: «ты не одна». Н. Баранская называет не много эмоций: страх, стыд, любовь, азарт, радость, тревогу, тоску, вину, а также называет и описывает истерику. По описанию ситуаций и в диалогах мы можем увидеть раздражение, злость, удовольствие, любование собой, отчаяние, апатию, надежду, обиду. Повесть «Неделя как неделя» – это текст, называющий эмоции обычной женщины своего времени, не осуждает их, не навязывает, только фиксирует и называет и, таким образом, нормализует.

Нормализуется тот факт, что женщина, оказавшаяся перед необходимостью заново выстроить всю систему взаимоотношений внутри семьи, наладить принципиально иной быт в индивидуальном жилье в микрорайоне без развитой инфраструктуры, к которой предъявляются требования быть и хорошей хозяйкой, и хорошей матерью, и перспективным сотрудником, испытывает огромные эмоциональные перегрузки и имеет право на эмоциональные срывы. И значит должна получать помощь.

Предположим, что популярность этой повести, которую фиксирует сама автор и декларируют другие исследователи, была обусловлена именно ощущением поддержки, которую получили советские женщины, читая ее. Так же, как и Ольга, они поняли, что они не одни.

Библиографический список

1. Баранская Н.В. Неделя как неделя. М.: Современник, 1981. 35 с.
2. Баранская Н.В. Автобиография без умолчаний // Грани. 1990. № 156. С. 122–148.
3. Бурылова А.В. Образы героинь повести «Неделя как неделя» Н.В. Баранской и романа «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» Те Нем Джу в свете гендерной тематики // Сибирский филологический форум. 2021. № 5. С. 66–72. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-17-4-103 EDN: HCMCCP
4. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с. ISBN: 5-8243-0474-2 EDN: QOCQVP
5. Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «Оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 239–241. EDN: NCHRQJ
6. Жидченко А.В. Новый советский город как идеальная модель женской повседневности в 1950–60-е гг. // Современная научная мысль. 2024. № 1. С. 187–190. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-1-187-190 EDN: AQMTRR
7. Кашкарова Е. Женская тема в прозе 60-х годов: Наталья Баранская как зеркало русского феминизма // Все люди сестры. Бюллетень ПЦГИ. СПб, 1996. № 5. С. 57–69.
8. Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 208 с. ISBN: 978-5-4448-0798-9 EDN: TDSFAV
9. Платт К., Натанс Б. Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» (авторизованный пер. с англ. Н. Мовниной) // НЛО. 2010. № 1. С. 167–184. EDN: MTDXWF
10. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛО. 2012. № 5. С. 8–23. EDN: PFSTCP
11. Февр Л. Чувствительность и история // Бои за историю. М., Наука, 1991 С. 109–125.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:159.942.2

EDN UFLSXA

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-77-85

Игнатова Екатерина Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент,

заведующий кафедрой общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

131013@mail.ru

SPIN-код: 5344-3333

AuthorID: 599614

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ БЕЗОПАСНОГО ГОРОДА

Статья посвящена междисциплинарной научной проблеме эмоциональных переживаний, которые связаны с чувством безопасности, вызванным конкретными явлениями городской среды. В статье приведены данные, взятые из результатов исследований восприятия города с точки зрения эмоциональной безопасности на примере г. Перми. Функциональное психологическое значение городского пространства – формирование условий эмоциональной безопасности жителей города. Теоретико-методологическими основаниями проведенной работы являются положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, принципы детерминизма, развития и системности. Анализ проведен по двум направлениям: 1) объективные условия чувства безопасности жителей города, связанные с климатом, пространством, физической средой, визуальной сложностью; 2) субъективные условия чувства безопасности жителей города, обусловленные особенностями восприятия визуального и звукового ландшафтов, эмоционального отклика и переживаний горожан. Обнаружена сложность и многогранность эмоционального ландшафта г. Перми. Эмоциональный ландшафт безопасного г. Пермь можно описать через красоту пейзажей, развивающийся архитектурный и инфраструктурный облик города богатое социокультурное пространство, трудовую, толерантную и радушную пермскую идентичность. Эмоциональный ландшафт небезопасного города можно описать через суровые климатические условия, монотонные «беспокойные» архитектурные пейзажи, недостаточный уровень физического и социального контроля, серые визуальные образы, привычный уличный шум, контрастность парадной и периферийной среды, размытость границ и неоднородность частей города, маргинализацию пермской идентичности.

Ключевые слова: эмоциональный ландшафт, безопасность, чувство безопасности, городская среда, городское пространство.

Ссылка для цитирования: Игнатова Е.С. Эмоциональный ландшафт безопасного города // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 77–85. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-77-85>. EDN UFLSXA

Ekaterina S. Ignatova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
131013@mail.ru
SPIN-code: 5344-3333
AuthorID: 599614

THE EMOTIONAL LANDSCAPE OF A SAFE CITY

The article is devoted to the interdisciplinary scientific problem of emotional experiences that are associated with a sense of security caused by specific phenomena of the urban environment. The article presents data extracted from the results of research on the perception of the city from the point of view of emotional security using the example of Perm. The functional psychological significance of urban space is the formation of conditions for the emotional safety of city residents. The theoretical and methodological foundations of the work carried out are the provisions of the cultural and historical concept of L.S. Vygotsky, principles of determinism, development and consistency. The analysis was carried out in two directions: 1) objective conditions of a sense of security of city residents related to climate, space, physical environment, visual complexity; 2) subjective conditions of a sense of security of city residents due to the peculiarities of perception of visual and sound landscapes, emotional response and experiences of citizens. The complexity and versatility of the emotional landscape of Perm is revealed. The emotional landscape of the safe city of Perm can be described through the beauty of landscapes; the developing architectural and infrastructural appearance of the city is a rich socio-cultural space; a labor, tolerant and welcoming Permian identity. The emotional landscape of an unsafe city can be described through harsh climatic conditions; monotonous "restless" architectural landscapes; insufficient level of physical and social control; gray visual images; habitual street noise; contrast of front and peripheral environments; blurred borders and heterogeneity of parts of the city; marginalization of Permian identity.

Keywords: emotional landscape, security, sense of safety, urban environment, urban space.

For citation: Ignatova E.S. [The emotional landscape of a safe city]. *Social'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 77–85 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-77-85>, EDN UFLSXA

Введение

Повышение безопасности, в т. ч. эмоциональной, жителей современного города – один из важнейших аспектов социальной жизни, определяющий психологическое здоровье и качество жизни личности. Актуальным вектором развития личностно-средового подхода является изучение взаимодействия человека и городской среды. Организованное и сконструированное пространство выступает способом выражения человеческих потребностей, переживаний, поведенческих паттернов и образа жизни в целом. Исторически город создавался для обеспечения безопасных и комфортных условий проживания. Так, «ранний город» представлял собой специфическую форму территориальной консолидации населения для совместной самозащиты [1]. Существует взаимосвязь между чувством безопасности жителей города и факторами городской среды. С одной стороны, жители города субъективно оценивают различные аспекты городской среды, в т. ч. ее эмоциональные характеристики [5]. С другой стороны, основываясь на самоощущении и личном опыте, они реагируют, эмоционально откликаются на различные ситуации, происходящие в городе, принимают соответствующие

решения и совершают определенные поступки. Соответственно, эмоциональная безопасность отражает сбалансированность городского фона и адаптивности, психической устойчивости горожан. Функционально эмоциональная безопасность выступает маркером уверенности жителей города в стабильности, управляемости и прогнозируемости городских условий. Для обеспечения определенного доверия к городской среде, Другим и миру в целом приобретает значение валидация рефлексии чувства безопасности горожан. В противном случае при депривации эмоциональной безопасности возникает риск формирования и закрепления когнитивных искажений, связанных с поляризованным восприятием города как опасного, что является негативным фактором психологического благополучия и снижает адаптационный потенциал личности, в т. ч. в аспекте преодоления трудных жизненных ситуаций.

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в анализе данных, полученных в ходе результатов исследований восприятия города с точки зрения эмоциональной безопасности (на примере города Пермь).

Методология исследования

Теоретико-методологическими основами работы выступают положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского [4], а также принципы детерминизма, развития и системности.

Для реализации поставленной цели проанализированы данные личного восприятия (субъективных представлений и индивидуальных траекторий) города, полученные в ходе различных исследований, а также в рамках реализации проекта «Атлас Пермского значимого» [2].

Анализ проводился по двум направлениям: 1) объективные условия чувства безопасности жителей города, связанные с климатом, пространством, физической средой, визуальной сложностью; 2) субъективные условия чувства безопасности жителей города, обусловленные особенностями восприятия визуального и звукового ландшафтов, эмоционального отклика и переживаний горожан.

Результаты исследования

Объективные условия чувства безопасности горожан

Одними из ключевых объективных условий чувства безопасности являются: а) климат, влияющий на взаимодействие жителей города и его среды; б) пространство; в) представления жителей города о нем [22].

На основании районирования территории РФ по критерию комфорта г. Перми располагается в «условно благоприятной» зоне [8]. Климат в г. Перми можно описать как достаточно суровый с высокой ветровой нагрузкой, особенно в холодный период. Вместе с тем метеорологами обнаруживается тенденция увеличения комфортности климата в связи с ростом положительных аномалий за последние годы. Смягчающими факторами восприятия климатических условий могут выступать красочные панорамы природы, пейзажа в целом и субъективное эмоциональное состояние, сформированное в контексте ценности малой родины.

Если говорить о пространстве, то оно соединяет физические объекты и социальные аспекты деятельности граждан. Развивающееся сегодня городское пространство г. Перми отличается от обликов прежних веков. Оно организовано по «шахматному» принципу, что создает благоприятное впечатление. В аспекте дисперсии пространственных, социокультурных решений носит уже неоднородный характер. Части города атомизированы по отношению друг к другу и даже обнаруживается некоторое «подавление» одними других. Можно гово-

речь о рисках возникновения разного рода противоречий в самом городском пространстве г. Перми и его восприятии горожанами.

Современная архитектура города реализуется в эстетике рационализма [11], которая может сопровождаться примитивизацией, экзальтацией композиционных возможностей [16], снижением культурного содержания городской среды г. Перми. Также наблюдается дефицит проявлений системного подхода к планированию застройки и творческого «гибкого» подхода к проектированию зданий, что формирует риски снижения гармоничного восприятия городской среды.

В отношении представлений горожан о пространстве следует отметить, что они основываются на мониторинге и категоризации пространственных ситуаций на предмет безопасности, персональной и групповой социальной идентификации. Пермскую идентичность О.В. Лысенко описывает как некий локус в социальном пространстве [12]. Выявлены ее основные признаки: длительность проживания, наличие социальных связей, адаптированность к пермской среде, возможность решать в ее условиях жизненные проблемы. Пермская идентичность с течением времени в исследованиях разных лет оценивается по-разному: как маргинальная (2010) [15], формальная («обычная», «усредненная») и даже снобистская по отношению к Другим (2013) [12], уникальная (одновременно трудолюбивая, толерантная, социально закрытая, инертная и гостеприимная, радушная) (2025) [14]. Как мы видим, происходит положительное переосмысление такого эмоционального и энергетически заряженного феномена, как пермская идентичность, носящего динамический характер.

Как известно, территориальная идентичность есть мера, которой определяют вариативность процесса восприятия города и представлений о безопасности [18]. По мнению В. Вундта, обозначенные позиции субъективного переживания или впечатления от мира характеризуют сущность процесса восприятия [23]. Следует отметить, что восприятие пространства зависит от антропологических, социально-демографических и личностных характеристик человека. Эмпирически подтверждено, что горожане с более выраженной территориальной идентичностью, направленностью на социальную активность, ориентированные на добрососедство, описывают город с большим семантически разнообразием, более эмоционально окрашено и воспринимают его как более безопасную и комфортную среду для проживания [18].

Вместе с тем обнаруживаются универсальные закономерности восприятия пространства [7]. Например, визуальная близость места жительства и природы (зелени, воды) положительно сказывается на чувстве безопасности, переживании спокойствия, счастья и психологическом благополучии. В этом смысле пространство г. Перми пронизано масштабной «зеленой сетью» и обширными водными артериями [20]. Что касается ограниченного пространства, монотонности пейзажа, то они усиливают негативные эмоциональные отклики [7]. Отдельным условием чувства безопасности выступает воспринимаемая близость, субъективная значимость пространственной ситуации для конкретной личности [9]. Городская среда г. Перми одновременно воспринимается как современная и ретроспективная, доступная и заброшенная. При этом вряд ли можно говорить о монотонности пространства в условиях природного, историко-культурного и социально-экономического разнообразия городских районов г. Перми [21].

Следующим объективным условием чувства безопасности считается физическая среда, позволяющая оценить пригодность городской жизни. Существует ряд теорий, основанных на

принципах безопасности и в теоретико-методологическом плане опирающихся на эволюционные, антропологические и феноменологические представления: 1) теория разбитых окон; 2) теория обзора и укрытия. В соответствии с теорией разбитых окон физические и социальные беспорядки выступают индикаторами отсутствия социального контроля в городской среде, что характеризует ее как небезопасную [7]. Беспорядочный физический и социальный контекст провоцирует разрушение, избегающее и девиантное поведение горожан, увеличение неорганизованности и степени хаоса на разных уровнях взаимодействия человека и городской среды. В г. Перми достаточно высокий уровень уличной преступности, однако регулярно проводится мониторинг городских районов на предмет безопасности и принимаются меры по ее обеспечению. Также в городском пространстве г. Перми все еще можно обнаружить дефицит зеленых зон и мест для отдыха, способствующих переживанию уныния и дискомфорта.

В соответствии с теорией обзора и укрытия Дж. Эпплтона универсальными условиями чувства безопасности и удовлетворенности жизни являются одновременно возможности наблюдать за городской средой и находиться в укрытии. Функциональным гарантом защиты, физического и социального контроля служит выполнение таких требований к городской среде, как: а) освещенность территории; б) открытость городских пространств; в) наличие «убежищ» – мест, воспринимаемых как защищенные. Коморбидными отмеченным теориям могут быть названы взаимодополняющие друг друга: теория условий обитания и теория возбуждения, предполагающие необходимость учета влияния факторов городской среды на устойчивые социальные отношения горожан и роль определенной степени новизны в переживании положительных эмоций по отношению к городскому фону и Другим [7].

В городской среде г. Перми успешно реализовано и реализуется ряд программ, направленных на развитие системы наружного освещения города. Например, «Светлый город» (2006), «Организация дорожной деятельности в г. Перми» (2014) [3], «Светлый край» (2025–2027). Вместе с тем до сих пор сохраняется проблема недостаточной освещенности улиц, перекрестков, пешеходных перекрестков и т. д., что не соответствует требованиям безопасности и может способствовать росту аварийности на дорогах и увеличению уровня преступности.

При рассмотрении городских пространств с позиции социокультурного аспекта на ключевые теоретико-методологические позиции следует поставить теорию открытого общества К. Поппера и теорию инкорпорирования социального пространства П. Бурдье, когда основными характеристиками городского пространства становятся: доступность, возможность выбора вне зависимости от структуры социальных отношений, диспозиций и имеющихся ресурсов [6]. Можно говорить о положительной динамике пермского городского пространства: ребрендинг культурных институций, возникновение новых культурных пространств, включение туристско-сервисного кластера, привлечение интерактивных форм коммуникаций. Несмотря на имеющиеся положительные эффекты увеличения масштабов открытого культурного пространства, обнаруживаются негативные эмоциональные отклики на ряд арт-объектов, которые воспринимаются как «точки беспокойства» из-за содержательного контекста, подчеркивания неухоженности рядом располагающегося ландшафта. Также усиливается контраст парадной и повседневной городской среды.

Восприятие защищенных мест носит дифференцированный характер. При этом одним из вариантов таких «убежищ» («третьих мест») выступают кофейни, пространство которых

позволяет удовлетворить не только пищевые, но и душевные, и умственный потребности, а также культурно и духовно сблизить горожан [17].

В контексте пространства и физической среды факторов определяющим объективные условия чувства безопасности является восприятие границ. Четкость сегментации и компактность пространства свидетельствуют об освоенности территории, а также указывают на преобладание ценностей безопасности и упорядоченности у жителей города, что, в свою очередь, повышает чувства уверенности и спокойствия [7]. Четко воспринимаются только административно-территориальные границы г. Перми и Пермского края. Географические границы воспринимаются уже несколько путанно, т. к. большая часть пространства располагается в Европейской части и лишь небольшая часть – в Азиатской. Исторические и социокультурные границы воспринимаются размыто в связи с богатой историей и объемной кросс-культурной коммуникацией. Согласно описанным выше теориям для достижения безопасности возможно: организовать коридор, установить ограждения, маркировать территорию, сформировать комфортную и функциональную среду внутри города. Для усиления защищенности важно интегрировать внешние и внутренние границы восприятия города.

Субъективные условия чувства безопасности

Субъективные условия чувства безопасности определяют восприятие визуального и звукового ландшафтов городской среды. Зрительный образ является основанием для исследования пространства. Визуальный ландшафт современного городского пространства в целом можно охарактеризовать как однородный в определенных границах ландшафта и по большей части «заостренный», состоящий из прямых линий, углов. Что до пермского городского пространства, то оно описывается в серых тонах и даже ассоциируется со вкусом серого бетона [20], несмотря на достаточно обильную озелененность города и увеличение цветового разнообразия фасадов зданий [13].

С одной стороны, монотонность визуального ландшафта способствует восприятию города как обезличенного; с другой – может указывать на индифферентность горожан или формировать ее. При этом следует учитывать, что визуальная сложность (разнообразие) в противовес визуальной простоте способствует усилению чувства безопасности. Ключевым символом, определяющим визуальную сложность городской среды г. Перми, является р. Кама [10]. По сути, именно она выступает центром города, разделяющим его на два разных во всех смыслах (от геоморфологического до социокультурного) берега. Исторический центр регулярной застройки и набережная р. Кама становятся приоритетными при выборе прогулочных мест [21]. Наряду с ними горожан привлекают такие эстетически выраженные пейзажи, как скверы (например, Театральный сквер), проспекты (например, «Аллея Компроса»), общественные места, где проводятся массовые мероприятия (например, Центральный парк культуры и отдыха им. А.М. Горького, Эспланада), доминирующие исторические здания и их ассамблеи (например, Художественная галерея, Пермский академический театр оперы и балета, Дом Грибушина), улицы и проспекты с арт-объектами (например, «Пермский медведь» – медведь у гостиницы «Урал», «Пермяк – соленые уши»). При этом нельзя не сказать о некоей «размытости» и не столь однозначной эмоциональной значимости остальных частей городской среды. Так, отрицательные эмоциональные отклики пермяков вызывают, например, пространство Центрального рынка, торгово-офисный центр LENCOM, ТЦ «Семь пятниц» и др. [2].

Обозначенная же «заостренная» городская среда может запускать переживания эмоционального дискомфорта, вызывать эмоциональную неустойчивость и даже провоцировать агрессивное поведение жителей города. С. Парринелло среди архитектурных объектов г. Перми особенно выделяет так называемые «здания-вышки», которые своим доминированием и неожиданным появлением способствуют активизации негативного эмоционального отклика, носящего реактивный характер [16]. Ориентация на мягкие и волнистые линии, в т. ч. при перемещении в пространстве, эволюционно обусловлена. Так называемая «гибкость» определяется как актуальный тренд современного строительства г. Перми и не только [11]. Важно подчеркнуть, что необходимо соблюдать баланс в обозначенных диспозициях, т. к. перегруженность стимулами и неестественная плавность не гарантируют переживание чувства безопасности.

Восприятие звукового ландшафта городской среды является значимым условием чувства безопасности, что определяется: 1) функциями слуховой системы организма; 2) склонностью человека реагировать на звуки, которые находятся вне актуальной зоны видимости; 3) предрасположенностью личности интерпретировать звуковой ландшафт с опорой на персональный опыт и в соответствии с определенными ожиданиями. При нарушении «ощущения нормальности» (наличие/отсутствие ожидаемых звуков в определенной пространственной ситуации, изменение звукового шума как в сторону усиления, так и в сторону снижения) возникает беспокойство. Так, безопасным воспринимается привычный звуковой ландшафт городской среды. Городская среда г. Перми воспринимается скорее как шумная. Привычный звуковой ландшафт г. Перми включает в себя совокупность звуков транспорта, строительных работ [19]. Приятной неожиданностью для горожан выступают звуки пения птиц, которые ассоциируются с положительными эмоциями, приносят удовлетворение. Противоположную позицию во всех отношениях занимают звуки тяжелого рока, периодически доносящиеся из проезжающего мимо автотранспорта.

Заключение

В рамках данной работы показана сложность, многогранность и даже противоречивость эмоционального ландшафта г. Перми в аспекте безопасности городской среды для жителей города.

Показано, что как климат, пространство, представления о городском пространстве, физическая среда, визуальная сложность, так и визуальный и звуковой ландшафты города в совокупности являют собой сложную физическую и социальную структуру.

Объективные и субъективные условия оказывают влияние на переживание чувства безопасности.

Ниже представлена таблица, в которой мы интегрировали полученные данные.

Представленный анализ нельзя назвать исчерпывающим. Одним из ограничений выступает тот факт, что проведен анализ данных, собранных в разное время в разных условиях.

Перспективой исследований может выступить историографическое, междисциплинарное, системно обзорное рассмотрение формирования условий эмоциональной безопасности жителей г. Перми.

Таблица

Совокупность объективных и субъективных условий чувства безопасности жителей г. Перми

Объективные условия чувства безопасности	Условие	Способствует переживанию чувства безопасности	Не способствует переживанию чувства безопасности
	Климат	тенденция к увеличению комфортности, положительные аномалии	суровый с высокой ветреной нагрузкой
	Пространство	красота пейзажей, гармоничное сочетание природы и индустриальных образов, развивающийся архитектурный облик города	применение принципов излишнего рационализма и несистемности к развитию архитектурного облика города
	Территориальная идентичность	наличие пермской идентичности, толерантность и радушие, ценность богатства малой родины	формальность пермской идентичности, атомизация жителей городских районов, снобизм по отношению к Другим
	Освещенность	развитие освещенности на улицах города	недостаточное развитие освещенности на улицах города
	Открытость пространства	развивающееся социокультурное пространство	противоречия в развитии социокультурного пространства, усиление контрастности
	«Убежища» (защищенные места)	уютные и комфортные городские пространства (например, кофейни)	заброшенные городские пространства
	Восприятие границ	четкость административно-территориальных границ, принцип «шахматной» застройки	размытость географических, исторических и социокультурных границ
Субъективные условия чувства безопасности	Визуальный ландшафт	визуальная сложность городской среды, увеличение цветовой дисперсии, высокий объем озелененности, приятные места для прогулок и отдыха	монотонность городской среды, «заостренная» городская среда, серые цвета, неприятные места для прогулок и отдыха
	Звуковой ландшафт	привычный шум автотранспорта, приятные звуки пения птиц	звуки тяжелого рока, доносящиеся из автотранспорта

Библиографический список

1. Андреев В.В. Ранние формы урбанизации // Вестник древней истории. 1987. № 1 (180). С. 3–18.
2. Атлас Пермского значимого: Электронный ресурс. URL: <https://permcitymap.ngo.org.ru/map/ProtectedDistrict> (дата посещения: 14.06.2025).
3. Веденеева Л.М., Носков В.В., Попов А.А. Влияние уличного освещения на безопасность города // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Безопасность и управление рисками. 2016. № 5. С. 150–161. EDN: XDSFGT
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 433 с.
5. Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н., Шибанова Л.В., Хохлова Н.И. Ресурсы жизнеспособности горожан: опыт сравнения двух городов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2022. № 4(44). С. 328–339. DOI: 10.18500/2304-9790-2022-11-4-328-339 EDN: PNTLMP
6. Зиновьева Л.Е. Открытость городского культурного пространства и региональная идентичность: Пермский сюжет // Вестник ЧелГУ. 2014. № 25(354). С. 123–128. EDN: TFUQEZ
7. Зотова О.Ю. Предметно-пространственная и физическая среда города как условие психологической безопасности жителей городов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2023. № 2. С. 352–373. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-2-352-373 EDN: XKCMIS

8. Калинин Н.А., Ветров А.Л. Особенности изменений индексов комфортности климата в Перми и городах-миллионниках Сибири в холодный и теплый периоды года // Географический вестник. 2024. № 3(70). С. 83–94. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-3-83-94 EDN: WZTAST
9. Капцевич О.А. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. Т. 18, № 3. С. 575–597. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-575-597 EDN: AKMODL
10. Козлова В.Ю. Особенности визуализации ключевых смыслов в пространстве города Перми // Визуальная антропология-2022. Исторический город: актуализация прошлого в перспективе будущего: материалы IV Международной научной конференции, Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 года / под редакцией С.С. Аванесова, Е.И. Спешиловой. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. С. 100–106. DOI: 10.34680/visant-2022-100-106 EDN: SNCRMG
11. Кузнецова Е.П., Сосновских Л.В. Принципы рационализма в современной архитектуре Перми // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2020. № 4. С. 96–107. DOI: 10.15593/2409-5125/2020.04.08 EDN: NQDDUO
12. Лысенко О.В., Шишигин А.В. Пермская городская идентичность в зеркале социологических опросов // Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013. С. 40–80.
13. Лысенко О.В., Янов Д.В. «...Хочется больше ярких красок, цветов»: какой город нравится молодежи (Пермский кейс) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. № 1(8). С. 53–67. EDN: IPTQQC
14. Малинин А.П., Назукина М.В. Специфика региональной идентичности пермского края в эпоху «Пермь 300» (по данным экспертных интервью) // Культурный код. 2025. № 1. С. 27–44. DOI: 10.36945/2658-3852-2025-1-27-44 EDN: VCFVZS
15. Невоструева К.Н. Городское культурное пространство как предмет исследования (на примере Перми): к постановке проблемы // Техногос. 2010. № 3. С. 29–37. EDN: NBQZJZ
16. Парринелло С. Трансформационные процессы и критические моменты в урбанистике. Оградостроительной среде города Перми // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Урбанистика. 2011. № 4. С. 165–186. EDN: OKACJT
17. Петрова Е.С. Кофейни формата Lounge как “третьи места” в городском пространстве // Города и местные сообщества. 2017. Т. 1. С. 22–30. EDN: ZBBGIX
18. Покатиловская Е.Н., Шибасева Л.В. Вариативность образа территории проживания у горожан с разной социальной позицией // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4, № 2. С. 77–86. DOI: 10.18413/2313-8971-2018-4-2-0-8 EDN: XVQJCH
19. Сагизова Е.И., Батракова Г.М. Шумовое воздействие объектов гражданского строительства в центральных районах города Перми // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2014. № 3. С. 58–68. EDN: SZCIWT
20. Столбов В.А., Тежикова Е.Ю. Символический (имиджевый) капитал городов Пермского края: семантический подход к оценке качества городской среды // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2019. Т. 27, № 1. С. 140–152. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-140-152 EDN: RHPFRH
21. Фролова И.В. Эстетика городских ландшафтов // Современные направления развития физической географии: научные и образовательные аспекты в целях устойчивого развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию фак. географии и геоинформатики Белорус. гос. ун-та и 65-летию Белорус. геогр. о-ва, Минск, 13–15 нояб. 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 274–277. EDN: PQWIBR
22. Lynch K. et al. The image of the city. Cambridge, 1960. 196 p.
23. Wundt W. Grundriss der Psychologie. Leipzig: W. Engelmann, 1897. 408 p.

ПЕДАГОГИКА

УДК 376.6

EDN UIXHVA

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-86-92

Метлякова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
lmet-13@mail.ru
SPIN-код: 6666-7166
AuthorID: 661681

Радостева Алиса Сергеевна,
педагог-психолог, МАОУ «Город дорог»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ДЕТЕЙ ИЗ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПАРТНЕРСТВЕ СО СЛУЖБАМИ СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ ПРИ ЦЕНТРАХ ПОМОЩИ ДЕТЯМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В статье содержатся ключевые подходы к организации психолого-педагогического сопровождения детей из замещающих семей в условиях социального партнерства общеобразовательных организаций и Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Представлены результаты констатирующего эксперимента, проводимого с целью исследования качества психолого-педагогической поддержки детей из замещающих семей в условиях общеобразовательной организации в партнерстве со службами сопровождения семей при Центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Представлена официальная статистика доли социального сиротства в Пермском крае, актуализированы ключевые проблемы сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях образовательных организаций и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В качестве основных условий автор предлагает создание на уровне школы объединения замещающих родителей (в формате семейного клуба); организацию специального методического объединения для классных руководителей; содействие организации социального партнерства отделений сопровождения семей при Центрах и психолого-педагогической службы для выстраивания единых программ поддержки и сопровождения замещающих семей.

Ключевые слова: психолого-педагогическая поддержка, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, замещающая семья.

Ссылка для цитирования: Метлякова Л.А., Радостева А.С. Психолого-педагогическая поддержка детей из замещающих семей в условиях общеобразовательной организации в партнерстве со службами сопровождения семей при центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 86–92. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-86-92>. EDN UIXHVA

Lyubov A. Metlyakova,

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Pedagogy
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
lmet-13@mail.ru
SPIN-код: 6666-7166
AuthorID: 661681

Alisa S. Radosteva,

Educational Psychologist, MAOU "City of Roads"

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR CHILDREN FROM FOSTER FAMILIES IN GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN PARTNERSHIP WITH FAMILY SUPPORT SERVICES AT CENTERS FOR CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

The article contains key approaches to organizing psychological and pedagogical support for children from foster families in the context of social partnership between general education organizations and Centers for Assistance to Children Left Without Parental Care. The article presents the results of a fact-finding experiment conducted with the aim of studying the quality of psychological and pedagogical support for children from foster families in a general education organization in partnership with family support services at the Centers for Assistance to Children Left Without Parental Care. The article presents official statistics on the share of social orphanhood in the Perm region, and highlights key issues of supporting orphans and children left without parental care in the context of educational organizations and organizations for orphans and children left without parental care. As the main conditions, the author proposes the creation of an association of foster parents at the school level (in the format of a family club); organization of a special methodological association for class teachers; assistance in organizing social partnerships between family support departments at the Centers and the psychological and pedagogical service to build unified programs of support and support for foster families.

Keywords: psychological and pedagogical support, orphans and children left without parental care, foster family.

For citation: Metlyakova L.A., Radosteva A.S. [Psychological and pedagogical support for children from foster families in general educational institutions in partnership with family support services at centers for children left without parental care]. *Social'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 86–92 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-86-92>, EDN UIXHVA

Сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всегда остается актуальным направлением деятельности специалистов в межкоординационном и межведомственном взаимодействии. Особую роль в решении этих задач имеет социальное партнерство всех учреждений и ведомств, поскольку сиротство как актуальная социальная и педагогическая проблема имеет много аспектов [4].

Опираясь на официальные ресурсы Пермского края, на 01.01.2024 года доля социального сиротства остается на стабильном уровне – 1,63% (2023 год – 1,68%, 2022 – 1,74%). Доля семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, также

остается на стабильно высоком уровне 95% (2022 и 2023 годы – 95,1%). На 5% сократилось общее количество детей, состоящих на учете в органах опеки и попечительства (2022 год – 9725 человек, 2021 год – 10128 человек) [1]. На 31 декабря 2023 года на учете в органах опеки и попечительства Пермского края состоят 9214 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них в семейных формах воспитывается 8726 детей, что составляет 95%, в организациях для детей-сирот – 488 человек [6]. Это свидетельствует о том, что количество детей, обучающихся в образовательных организациях и имеющих статус детей-сирот, остается на стабильном уровне. Это требует поиска механизмов эффективной поддержки и сопровождения, в том числе усилиями образовательных организаций в партнерстве с социальными службами.

Вопросы обучения, воспитания и социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в образовательной среде, рассматривали многие ученые. В нашем исследовании мы опираемся на авторские труды В.Н. Ослон, И.В. Анисимовой, В.М. Басова, Ж.А. Захаровой, Н.П. Иванова, И.А. Бобылева, А.А. Васильева, И.В. Елисеевой, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Смирновой [2, 5].

Проблемы реализации права на образование детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в образовательных организациях, изучали следующие ученые: Л.А. Кузнецова, М.А. Лебедева, А.А. Аболенцев, Н.В. Шкилева, Ю. Беспалов, Л. Карнозова, М. Лепихов, Э. Мельникова, Н.П. Иванов.

Проблему поддержки детей из замещающих семей изучали такие авторы, как О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова, Л.А. Саенко, Т.Н. Захаркина (Отделкина), Е.К. Базарова, В.В. Скатова, Г.И. Гайсина, Н.А. Хрусталькова, Л.С. Алексеева, О.А. Дорожкина, М.О. Дубровская, В.К. Зарецкий, Ж.А. Захарова, И.И. Осипова, В.Н. Ослон, А.Б. Холмогорова, Б.Н. Алмазов, Т.В. Атанязова, С.А. Беличева, М.А. Галагузова, Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга и др. [3].

Подчеркнем, что в Пермском крае создана единая система, объединяющая органы опеки и попечительства с организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В крае функционирует Ассоциация замещающих семей Пермского края, а также 24 территориальные ассоциации. При этих организациях регулярно действуют мобильные оперативные бригады, в состав которых входят приемные родители.

Деятельность мобильных бригад направлена на раннее выявление семейного и детского неблагополучия в замещающих семьях. В 2023 году проведено более 56300 выездов в замещающие семьи для оперативного решения возникающих проблем, оказания помощи и поддержки.

Все руководители ассоциаций замещающих семей входят в состав комиссий по опеке и попечительству территориальных управлений, которые рассматривают спорные и сложные вопросы в сфере опеки и попечительства.

На единые телефоны органов опеки и попечительства принято более 5000 звонков от замещающих родителей. По результатам рассмотрения поступивших вопросов гражданам в оперативном порядке оказана необходимая помощь.

Рост количества детей, нуждающихся в семейном устройстве, требует от общества и государства разработки эффективных стратегий поддержки замещающих семей. В этом контексте образовательные организации в партнерстве со службами сопровождения семей при

Центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, могут играть ключевую роль, создавая условия для успешной адаптации и социализации детей в таких семьях.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что образовательная организация официально не осуществляет функции по предоставлению социальной услуги сопровождения замещающих семей. Эта деятельность закреплена за организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Актуальным направлением данной проблемы выступает психолого-педагогическая поддержка.

Психолого-педагогическая поддержка включает в себя систему мер, направленных на предотвращение семейного неблагополучия. Эта поддержка также способствует социализации детей, которые попадают в замещающие семьи, и охватывает взаимодействие различных социальных служб.

Образовательные учреждения взаимодействуют с учреждениями социального обслуживания. Это взаимодействие может происходить на нескольких площадках:

- органы опеки и попечительства – взаимодействие при выявлении неблагополучия, информирование, участие в межведомственных комиссиях;
- Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав – взаимодействие при выявлении неблагополучия, информирование, участие в межведомственных комиссиях, Межведомственной локальной рабочей группе. Взаимодействие, опосредованное через институциональные органы в рамках работы со случаем, после негативного события.

Взаимодействие на уровне учреждений, специалистов:

- обмен контактными данными с руководителем отделения сопровождения и специалистами сопровождения – с одной стороны, и завучем по воспитательной работе, классными руководителями, социальными педагогами, психологом – с другой;
- обмен информацией для оказания своевременной поддержки, помощи опекаемому ребенку, семье;
- участие в работе консилиумов специалистов по конкретной семье для выработки согласованных действий в реализации программ поддержки, сопровождения.

Специфика работы школы с замещающими семьями должна строиться на тесном межведомственном сотрудничестве, ориентированном на комплексную поддержку ребенка и повышение компетенций замещающих родителей, что способствует успешной социализации и развитию учащихся.

Нами был проведен констатирующий эксперимент на базе МАОУ «Город дорог».

Цель: исследование уровня психолого-педагогической поддержки детей из замещающих семей в условиях общеобразовательной организации в партнерстве со службами сопровождения семей при Центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей.

Исследование проводилось на учащихся МАОУ «Город дорог» в 2024 г. В эксперименте приняли участие 31 человек: 20 человек в возрасте от 8 до 16 лет (2–9 класс), из них 10 девочек и 10 мальчиков, а также 11 родителей.

В ходе констатирующего эксперимента нами были проведены следующие методики:

- 1) Тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин);
- 2) Опрос детей и родителей в приемных семьях (по С.А. Гильманову);
- 3) «Шкала личностной и ситуативной тревожности» (Ч. Д. Спилберг – Ю. Л. Ханин);
- 4) «Методика для изучения социализированности личности ребенка М.И. Рожкова».

Тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин [7]) предназначен для выявления родительского отношения у лиц, обращающихся за психологической помощью по вопросам воспитания детей и общения с ними.

В тестировании приняли участие 11 замещающих родителей. Большинство замещающих родителей (82%) проявляют положительное отношение к детям: они принимают ребенка, искренне интересуются его увлечениями и стараются минимизировать психологическую дистанцию, создавая доверительные отношения.

Опрос детей и родителей в приемных семьях (по С.А. Гильманову [10]) помог нам оценить психологическое состояние детей, воспитывающихся в замещающей семье. На основании обработанных результатов можно сделать вывод, что у большинства детей (80%) психологическое состояние характеризуется как благополучное. Это связано с тем, что дети отмечают комфорт в условиях проживания.

У данной группы респондентов наблюдаются уверенность в себе, позитивный взгляд на жизнь, доброжелательность и общительность. Замещающие родители активно вовлекают ребенка в обсуждение, что способствует ощущению того, что его голос и мнение важны. Это создает поддерживающую среду, способствующую эмоциональному и психологическому благополучию ребенка.

Однако, согласно диагностике, существует и процент детей с психологическим неблагополучием – 20%. Эти дети демонстрируют низкий эмоциональный тон, враждебность, озлобленность и отсутствие интереса к жизни. Также у них отмечаются признаки неблагополучного семейного климата, что может негативно сказываться на их эмоциональном и психологическом состоянии.

Для оценки уровня тревожности, была выбрана «Шкала личностной и ситуативной тревожности» (Ч. Д. Спилберг – Ю. Л. Ханин [9]). В тестировании принимали участие дети с 6 по 9 класс, следовательно, в данной методике были задействованы 11 детей из замещающих семей.

В целом, у половины всех опрошенных подростков наблюдается высокий уровень тревожности по обеим шкалам, что имеет негативные последствия как для развития личности подростка, так и для психологической атмосферы в школьном и классном коллективах, поскольку высокотревожные личности склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма болезненно.

Из результатов, проведенных по диагностической методике М.И. Рожкова [8], было выявлено, что больше половины детей из замещающих семей социализированы в обществе, следовательно, они готовы к самостоятельной жизни.

Таким образом, по итогам проведенного констатирующего эксперимента мы сделали следующие выводы:

- большинство замещающих родителей (82%) проявляют положительное отношение к детям: они принимают ребенка, искренне интересуются его увлечениями и стараются минимизировать психологическую дистанцию, создавая доверительные отношения;
- больше половины детей из замещающих семей социализированы в обществе, что говорит об их готовности к самостоятельной жизни;
- у половины всех опрошенных подростков наблюдается высокий уровень тревожности по шкалам личностной и ситуативной тревожности, что имеет негативные последствия как

для развития личности подростка, так и для психологической атмосферы в школьном и классном коллективах;

- у большинства детей (80%) психологическое состояние характеризуется как благополучное.

В рамках научного исследования нами спроектирована концептуальная модель и организационно-педагогические условия организации психолого-педагогической поддержки детей из замещающих семей в партнерстве со службами сопровождения семей при Центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей в обеспечении профилактики детского и семейного неблагополучия.

Представленная нами структурно-содержательная модель включает в себя шесть компонентов: целевой, компонент научного обеспечения, содержательный, процессуально-технологический, оценочно-результативный, блок условий.

Эффективность рассматриваемой модели обеспечивается реализацией организационно-педагогических условий.

Первое условие: создание на уровне школы объединения замещающих родителей (в формате семейного клуба) с целью снижения фактов неблагополучия в этих семьях; содействие повышению уровня адаптации ребенка к условиям проживания в замещающей семье и к условиям обучения в школе; содействие стабилизации психоэмоционального состояния несовершеннолетнего через систему психокоррекционных занятий.

Второе условие: организация специального методического объединения для классных руководителей (для повышения их компетентности по вопросам адаптации и социализации детей из замещающих семей на принципах педагогической поддержки).

Третье условие: содействие организации социального партнерства отделений сопровождения семей при ЦПД и психолого-педагогической службы для выстраивания единых программ поддержки и сопровождения замещающих семей.

Библиографический список

1. Кель Т.Г., Подъянова Н.Е. Информация об исполнении государственных полномочий по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних лиц в Пермском крае за 2021 год : информ.-аналит. сб. Пермь, 2022. 46 с.

2. Лесина Е.А. Социально-педагогические условия сопровождения замещающих кровных семей.: дис. ... канд. наук. 2022. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-pedagogicheskie-usloviya-soprovozhdeniya-zameshchayushchikh-krovnykh-semei> (дата обращения 20.06.2025 г.).

3. Махнач А.В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: автореф. дис. ... д-ра наук. 2019. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhiznesposobnost-zameshchayushchei-semi-kak-maloi-sotsialnoi-gruppy> (дата обращения 20.06.2025 г.).

4. Метлякова Л.А., Христюкова А.В. Организационные основы констатирующего эксперимента: взаимодействие образовательной организации с замещающими семьями в обеспечении профилактики детского и семейного неблагополучия // Образование в сложном нестабильном мире: материалы общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры /под общей редакцией Л.А. Косолаповой. Пермь, 2023. С. 22–32.

5. Метлякова Л.А. Социально-педагогическое партнерство образовательной организации с замещающими семьями как одно из условий профилактики детского и семейного неблагополучия // Образование в сложном нестабильном мире: материалы общеуниверситет. (открытой) конф. по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры / под общ. ред. Л.А. Косолаповой. Пермь, 2023. С. 121–127.
6. Министерство труда и социального развития Пермского края [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <https://minsoc.permkrai.ru/> (дата обращения: 10.04.25).
7. Новиков И.П. Методы работы с замещающими семьями в контексте образовательной среды. // Социальная педагогика. 2022. № 2.
8. Петров А.В. Замещающие семьи в России: проблемы и перспективы поддержки. Санкт-Петербург: Просвещение, 2020. 21 с.
9. Смак Т.С. Институциональные факторы функционирования замещающей семьи в современной России: автореф. дис. ... канд. наук. 2019. URL: <https://www.dissercat.com/content/institutsionalnye-factory-funktsionirovaniya-zameshchayushchei-semi-v-sovremennoi-rossii-na> (дата обращения 20.06.2025 г.).
10. Ослон В.Н. Замещающая профессиональная семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России / В.Н. Ослон, А.Б. Холмогорова// Вопросы психологии. 2001. № 3 С. 79-90.

УДК 376.6

EDN YKENPE

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-93-99

Метлякова Любовь Анатольевна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры педагогики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

lmet-13@mail.ru

SPIN-код: 6666-7166

AuthorID: 661681

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАКРЫТОГО ТИПА ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В НАПРАВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПОВТОРНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье представлены теоретико-методологические подходы к описанию модели психолого-педагогического сопровождения семей несовершеннолетних в условиях учреждений закрытого типа. Актуальность темы определяется необходимостью совершенствования практики применения мер психолого-педагогической поддержки семей в рамках уголовно-правового воздействия в отношении правонарушителей, не достигших возраста 18 лет. Автор обосновал методические подходы, влияющие на эффективность качественного взаимодействия с семьями несовершеннолетних правонарушителей. Полученные автором исследования выводы позволили обосновать профессиональную программу специалиста по работе с семьей в учреждении закрытого типа с целью совершенствования деятельности специалистов учреждений закрытого типа в аспекте работы с семьями несовершеннолетних правонарушителей. В качестве педагогической технологии автор представляет технологию «встречных усилий» взаимодействия с семьями, что позволяет повысить результативность профилактической работы. Особая роль в исследовании акцентируется на создании специальной коррекционно-развивающей среды учреждения закрытого типа, основанной на реализации «поддерживающей модели» семейного воспитания.

Ключевые слова: родители, семья, родительская компетентность, семейное неблагополучие, несовершеннолетние правонарушители, учреждения закрытого типа.

Ссылка для цитирования: Метлякова Л.А. Организационно-педагогические условия психолого-педагогического сопровождения семей несовершеннолетних в учреждениях закрытого типа правонарушителей в направлении профилактики повторных правонарушений // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 93–99. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-93-99>. EDN YKENPE

Lyubov A. Metlyakova,

PhD in Pedagogy,

Associate Professor of the Department of Pedagogy

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, 614068

lmet-13@mail.ru

SPIN-код: 6666-7166

AuthorID: 661681

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR FAMILIES OF MINORS IN CLOSED-TYPE INSTITUTIONS OF OFFENDERS IN THE DIRECTION OF PREVENTING REPEATED OFFENSES

The article presents theoretical and methodological approaches to the description of the model of psychological and pedagogical support for families of minors in closed-type institutions. The relevance of the topic is determined by the need to improve the practice of applying measures of psychological and pedagogical support to families within the framework of criminal-legal influence in relation to offenders under the age of 18. The author substantiated methodological approaches that influence the effectiveness of high-quality interaction with the families of juvenile offenders. The findings of the study made it possible to substantiate the job description of a specialist in working with families in a closed-type institution with the aim of improving the activities of specialists in closed-type institutions in terms of working with families of juvenile offenders. As a pedagogical technology, the author presents the technology of “counter efforts” of interaction with families, which allows increasing the effectiveness of preventive work. A special role in the study is emphasized on the creation of a special correctional and developmental environment of a closed-type institution, based on the implementation of a “supportive model” of family education.

Keywords: parents, family, parental competence, family dysfunction, juvenile offenders, closed institutions.

For citation: Metlyakova L.A. [Organizational and pedagogical conditions of psychological and pedagogical support for families of minors in closed-type institutions of offenders in the direction of preventing repeated offenses]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 93–99 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-93-99>, EDN YKENPE

Система профилактической работы с семьями несовершеннолетних правонарушителей в условиях учреждений закрытого типа в современных исследованиях представлена, на наш взгляд, недостаточно широко. В основном, в исследованиях прописаны механизмы социально-реабилитационной работы с воспитанниками [9]. Недостаточная степень научного обоснования организационно-педагогических условий работы с семьями несовершеннолетних правонарушителей в учреждениях закрытого типа по профилактике повторных правонарушений сдерживает проведение необходимых преобразований в этой сфере, что препятствует осуществлению этими учреждениями определенных законодательством социально-воспитательных функций [2; 3; 4; 5].

В связи с этим считаем работу с семьями несовершеннолетних правонарушителей в учреждении закрытого типа с целью профилактики повторных правонарушений актуальным направлением исследования.

Результаты анализа научных исследований и образовательной практики высветили наличие **противоречий** между:

- необходимостью активного социально-педагогического взаимодействия с семьей по вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних в условиях учреждений закрытого типа и недостаточной научной разработанностью теоретических и научно-методических основ решения данной задачи;

- объективной потребностью в психолого-педагогическом сопровождении семьи воспитанников учреждений закрытого типа с целью профилактики повторных правонарушений несовершеннолетних и низким воспитательным потенциалом большинства семей, проявляющимся в неготовности родителей активно сотрудничать с учреждением и осознано повышать свою педагогическую компетентность;

- потенциальными возможностями специалистов учреждений закрытого типа (воспитателей, дежурных, инспекторов и др.) в вопросах психолого-педагогической поддержки семей несовершеннолетних правонарушителей и отсутствием специальной методической подготовки в этом направлении.

На основе анализа источников (С.А. Беличева, Я.И. Гилинский, А.Е. Личко, О.Н. Ведерникова, Е.В. Змановская, К.Е. Игошев, В.Т. Кондрашенко, А.М. Прихожан, А.С. Новоселова, С.А. Ветошкин, М.А. Галагузова, Е.Я. Тищенко, И.Ф. Гилязов и др.) мы считаем, что процесс профилактики повторных правонарушений несовершеннолетних в учреждениях закрытого типа будет осуществляться эффективно, если он основан на модели психолого-педагогического сопровождения семей, включающей в себя следующие организационно-педагогические условия:

- 1) создание коррекционно-развивающей среды учреждения закрытого типа, основанной на реализации «поддерживающей модели» семейного воспитания;

- 2) реализация комплексной программы с семьями воспитанников по профилактике повторных правонарушений несовершеннолетних, основанной на технологии «встречных усилий», гуманистическом, дифференцированном и личностно-ориентированном подходах, основой которых является опора на положительные стороны ребенка и активизация ресурсного потенциала семьи;

- 3) повышение профессиональной компетентности сотрудников учреждений закрытого типа по вопросам психолого-педагогического взаимодействия и социально-педагогического партнерства с семьями воспитанников [6].

Далее расшифруем и уточним описанные условия.

Первое условие – создание коррекционно-развивающей среды учреждения закрытого типа, основанной на реализации «поддерживающей модели» семейного воспитания.

На основании анализа исследований по организации коррекционно-развивающей среды (Н.Ф. Велиханова, В.А. Караковский, Н.Е. Щуркова [8]) обосновано, что в учреждении закрытого типа такая среда представляет собой специально организованное пространство, обеспечивающее коррекцию и компенсацию нарушенных функций подростков делинквентного поведения, а также развитие личности воспитанников посредством целенаправленного формирования их отношения к миру, людям и самим себе.

Под «поддерживающей моделью» семейного воспитания (Л.А. Метлякова, В.В. Коробкова, И.А. Писаренко и др.) мы понимаем процесс создания специальных условий для активизации субъектной роли семьи, повышения социальной ответственности

взрослых за воспитание детей, актуализации и развития воспитательного потенциала семьи в целом.

Выбор методов поддержки семьи зависит от уровня воспитательного потенциала семьи и ее ресурсного потенциала: понимания цели воспитания, родительской роли, представлений о ценностях, стиля отношений в семье и т. д. Помимо этого, на выбор методов, средств, форм воспитания решающее влияние оказывает педагогическая компетентность родителей и уровень их образовательных запросов. Следовательно, считаем необходимым создание в учреждениях закрытого типа коррекционно-развивающей среды с опорой на «поддерживающую модель» семейного воспитания.

Второе условие – реализация комплексной программы с семьями воспитанников по профилактике повторных правонарушений несовершеннолетних, основанной на технологии «встречных усилий», гуманистическом, дифференцированном и личностно-ориентированном подходах, основой которых является опора на положительные стороны ребенка и активизация ресурсного потенциала семьи.

Технология «встречных усилий» (Н.М. Недведская) основана на мобилизации активности субъектов и предполагает организацию взаимодействия педагогов, родителей, детей; должна через осознание необходимости сонаправленности индивидуальных усилий в совместной деятельности.

Технология «встречных усилий» опирается на следующие положения:

- взаимная устремленность субъектов процесса взаимодействия на совместную деятельность, т. е. сонаправленное взаимодействие родителей, детей и педагогов, развивающее и обогащающее их в диалектической связи;
- свобода выбора, т. е. «право выбора всегда уравнивается осознанной ответственностью за свой выбор»;
- наличие у субъектов взаимодействия стимула, побуждающего путем «мозгового штурма» к актуализации имеющегося педагогического опыта, к адекватному знаниям поиску решения воспитательной задачи;
- открытость, или непрерывность в целом, допускаемая незавершенность в конкретной ситуации взаимодействия;
- практико-ориентированная направленность педагогического взаимодействия субъектов или возможность реализации получаемой информации, приобретаемых умений и навыков;
- наличие обязательной обратной связи, необходимой для контроля и коррекции процесса взаимодействия;
- обращение результата, достигнутого на одном занятии с родителями и детьми, в мотив для продолжения реализации программы совместных действий в дальнейшем [7].

Наряду с использованием данной технологии считаем необходимым при составлении комплексной программы учитывать ресурсный потенциал семей несовершеннолетних с опорой на их жизненный опыт. При этом профилактическая работа с семьями несовершеннолетних строится в соответствии с гуманистическим подходом (т. е. на взаимном уважении, справедливости и любви).

Третье условие – повышение профессиональной компетентности сотрудников учреждений закрытого типа по вопросам психолого-педагогического взаимодействия и социально-педагогического партнерства с семьями воспитанников.

Профессиональная компетентность – это комплексная характеристика человека, которая включает в себя знания, умения, способности и опыт, а также мотивацию, личностные особенности и определяет успешность выполнения профессиональной деятельности [9].

Педагогическая подготовленность сотрудника органов внутренних дел (ОВД [10]) к работе с несовершеннолетними и их семьями представляет собой профессиональную характеристику специалиста, включающую внутренние устойчивые мотивы к работе с несовершеннолетними, понимание необходимости защиты ребенка в неблагоприятной ситуации и его реабилитации, знания в области теории и технологии работы с несовершеннолетними правонарушителями, владение методами и приемами воспитания и перевоспитания несовершеннолетних, владение навыками конструктивного взаимодействия с семьями несовершеннолетних.

Структура педагогической подготовленности сотрудника ОВД к работе с несовершеннолетними включает мотивационный, когнитивный и операциональный компоненты.

Опишем критерии и показатели уровня педагогической подготовленности сотрудников ОВД к работе с несовершеннолетними.

а) Мотивационный критерий:

- внутренние устойчивые мотивы к работе с несовершеннолетними;
- понимание необходимости защиты ребенка в неблагоприятной ситуации и его реабилитации;

б) Когнитивный критерий:

- знание современного опыта работы сотрудников органов внутренних дел других стран с несовершеннолетними правонарушителями;
- знание теории и технологии воспитания и перевоспитания несовершеннолетних, ювенальных технологий.

в) Операциональный критерий:

- владение педагогическими и ювенальными технологиями;
- владение умениями общения с несовершеннолетними и их семьями.

г) Рефлексивный критерий:

- умение анализировать отражение своих мыслей, чувств, мнений [1].

Недостаточная психолого-педагогическая подготовленность сотрудников органов внутренних дел к работе с семьями несовершеннолетних правонарушителей, недостатки в подборе кадров и их профессиональном обучении снижают результативность профилактической деятельности. В связи с этим считаем необходимым включение в учреждения закрытого типа программы повышения профессиональной компетентности сотрудников по вопросам психолого-педагогического взаимодействия и социально-педагогического партнерства с семьями воспитанников.

Таким образом, процесс психолого-педагогического сопровождения воспитанников в условиях учреждения закрытого типа предполагает активное участие семей воспитанников. Поскольку, несмотря на попытки вовлекать родителей в работу учреждений закрытого типа, проблема детско-родительских отношений остается актуальной, считаем эффективным методом создание и внедрение модели психолого-педагогического сопровождения семей несовершеннолетних, предполагающую реализацию организационно-педагогических условий работы с семьями несовершеннолетних правонарушителей в учреждениях закрытого типа с целью профилактики повторных правонарушений.

Для усовершенствования деятельности специалистов учреждений закрытого типа в аспекте работы с семьями несовершеннолетних правонарушителей нами была разработана **профессиограмма** специалиста по работе с семьей в учреждении закрытого типа (см. таблицу), в которой отражены основные знания, умения и навыки, необходимые сотрудникам при работе с семьями несовершеннолетних.

Таблица

Профессиограмма специалиста по работе с семьей в учреждении закрытого типа

Знать	Уметь	Делать
<ul style="list-style-type: none"> - законодательство Российской Федерации, международные документы в области защиты прав детей и оказания помощи семьям с детьми; - регламенты межведомственного взаимодействия и правила обмена информацией; - типы семей и их характеристики для проведения социально-психологической реабилитации; - психологию кризисных состояний, причины, признаки, критерии детского и семейного неблагополучия; - психологию семьи; - основы консультирования семьи; - конфликтологию, возрастную психологию, дефектологию для определения проблем взаимоотношений; - технологии разрешения семейных конфликтов; - социально-психологические, психолого-педагогические основы межличностного взаимодействия; - основы самообразования специалистов по работе с семьей 	<ul style="list-style-type: none"> - применять разнообразные формы, методы, технологии работы по профилактике детской безнадзорности, наркомании, алкоголизма, преступности, проституции; - находить и подбирать эффективные технологии помощи неблагополучным семьям с детьми; - проводить разные виды социального консультирования; - проводить индивидуальное консультирование взрослых и детей; - вести деловое общение, общаться с разными категориями семей; - общаться с детьми разного возраста; - повышать свою профессиональную компетенцию; - разрабатывать и проводить программы профилактики девиантного поведения детей; - направлять семьи с детьми в специализированные учреждения или к профильным специалистам; - влиять на мотивацию семей к изменению в положительную сторону; - использовать правовые знания в оказании адресной помощи семье и детям; - видеть перспективы и ориентироваться на положительный результат семьи 	<ul style="list-style-type: none"> - применять инновационные технологии оказания помощи при выявлении семейного неблагополучия; - анализировать первичные документы и собранную информацию; - проводить развернутое интервью родителей и ребенка, первую беседу с ребенком и семьей по уточнению информации; - консультировать семьи с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации; - проводить с родителями консультирование по вопросам воспитания детей; - разрабатывать программы оказания помощи по изменению условий жизни и воспитания детей в различных типах семей; - использовать современные технологии поддержки различных типов семей с детьми, способствующих улучшению взаимоотношений в семье и социуме; - организовывать встречи с семьей и детьми для обсуждения проблем; - разрабатывать коррекционные программы, направленные на изменение семейных взаимоотношений, умение слышать ребенка, понять его потребности; - координировать действия различных ведомств и учреждений по реализации индивидуальной программы помощи семье и детям

Необходимо помнить о том, что несмотря на сложность работы с неблагополучными семьями, важно активировать силы всех специалистов для помощи семье в решении проблемы и, как следствие, профилактики повторных правонарушений [6].

Таким образом, использование полученных в ходе исследования результатов об эффективности педагогических условий позволяют специалистам по работе с семьями различных учреждений (педагогу, педагогу-психологу, воспитателю, психологу) организовать эффективное психолого-педагогическое сопровождение семей несовершеннолетних, тем самым способствуя предотвращению рецидивов.

Библиографический список

1. Баскакова А. В., Данилова М. В. Характеристика основных причин совершения правонарушений несовершеннолетними // Молодой ученый. 2014. №20. С. 551-554.
2. Бельцова Л.М Совершенствование педагогической подготовки сотрудников внутренних дел к работе с несовершеннолетними в системе повышения квалификации: автореф. дис. ... канд.пед. наук. Чебоксары. 2010. 21 с.
3. Баумштейн А.Б., Левченко А.И., Химеденова Д.Н. Специальные учебно-воспитательные учреждения как субъект профилактики преступности несовершеннолетних: к вопросу о современных проблемах функционирования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 89-97.
4. Бражников С. А. Специальные учебно-воспитательные учреждения как субъекты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России конца XX века // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 4. С. 19–25.
5. Гинцяк Л. Ф. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: учебное пособие / Л. Ф. Гинцяк, В. Н. Ильченко; Урал. гос. пед. ун-т; под ред. К. А. Шпека. Электрон. дан. Екатеринбург: [б. и.], 2018. 1 электрон. опт. диск.
6. Коржавина А.А., Метлякова Л.А. О содержании и результатах реализации психолого-педагогической программы поддержки семей несовершеннолетних правонарушителей в условиях ЦВСНП // Безопасное детство как правовой и социально-педагогический концепт: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и специалистов в рамках Недели науки на факультете правового и социально-педагогического образования ПГГПУ: в 2 т. Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; АНО «Институт поддержки семейного воспитания». 2016. С. 182-186.
7. Метлякова Л.А Инновационные технологии поддержки семейного воспитания в учреждениях образования. Пермь, 2013. 332с.
8. Минияров В. М. Психология семейного воспитания (диагностико-коррекционный аспект) - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 256 с. (Серия «Библиотека школьного психолога»).
9. Преступление и наказание несовершеннолетних правонарушителей: мнения населения и экспертов. СПб.-Саратов-Ульяновск: Центр независимых социальных исследований, 2004. С. 26.
10. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12116087> (дата обращения: 20.06.2025 г.)

Научное издание

**Социальные и гуманитарные науки:
теория и практика**

2025

Выпуск 2(13)

Редактор А.С. Беляева
Компьютерная верстка Н.Ю. Биктаевой
(ответственный секретарь коллегии)

Подписано в печать 10.07.2025

Дата выхода в свет 15.07.2025

Формат 60х84/8. Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 11,51. Заказ 86

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-65-47

Бесплатно.